
P1 2/155

Д-ръ Роосъ.

Съ Наполеономъ въ Россію.

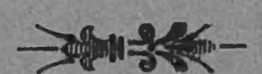
Воспоминанія врача о походѣ 1812 г.

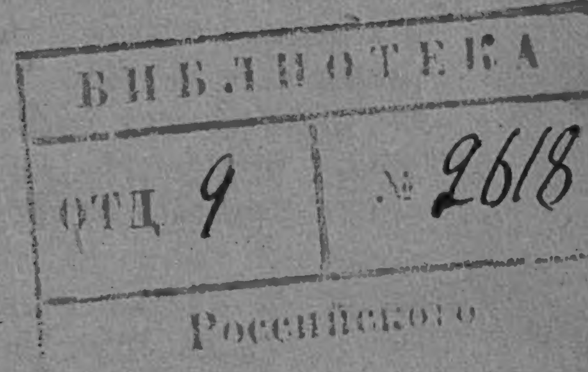

Переводъ съ нѣм. Д. Я. П.

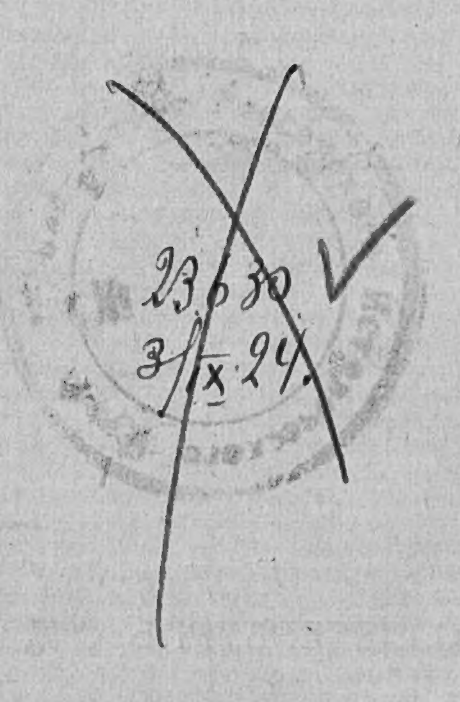

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

Типографія „ЛУЧЪ“, С.-Петербургъ, Пряжка 30.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Передъ вами, читатель, книга, повѣствующая о событіи, полномъ жгучаго интереса. Книга эта принадлежитъ перу швабскаго врача Генриха-Ульриха-Людвига Рооса, совершившаго путешествіе отъ западныхъ береговъ Дуная до Нары,—южнѣе Москвы, и обратно до Березины. Съ кѣмъ же? Съ великой арміей, трагическая судьба которой повергла сто лѣтъ тому назадъ весь міръ въ безпримѣрное волненіе и сотни тысячъ семействъ всѣхъ странъ въ трауръ. Слѣдствіемъ этого трагическаго конца великой арміи явился также переворотъ въ общемъ расположеніи Европы, принявшей при дальнѣйшемъ ходѣ событій тотъ политическій образъ, который она почти сохранила до сего дня. Походъ 1812 года можно въ собственномъ смыслѣ слова назвать трагедіей, трагедіей той великой арміи, которая до того времени весело и побѣдоносно прошла чуть ли не по всему міру съ режиссеромъ въ сѣромъ пальто во главѣ—съ богомъ войны, одно появленіе котораго, казалось, уже служило ручательствомъ того, что всякое предпріятіе закончится славнымъ финаломъ съ возгласами: «Vive l'Empereur!»

Если сущность трагическаго видятъ въ томъ, что герой погибаетъ въ конфликтѣ съ существующимъ порядкамъ вещей или съ воззрѣніями своего

времени и своего вѣка, то въ войнѣ 1812 года было бы на лицо прямо скопленіе трагическихъ моментовъ. Одного взгляда на политическое и военное положеніе того времени достаточно, чтобы убѣдить въ этомъ читателя. Не было, какъ это часто говорятъ, необузданнаго стремленія къ власти, «кесарева безумія,» которое заставило бы великаго полководца, вторженіемъ въ обширное государство русскаго царя, поставить на карту свою славу, свое могущество. Въ опроверженіе, создавшихся ложныхъ представленій, можно указать на тотъ неоспоримый въ настоящее время фактъ, что Наполеонъ, собственно, и не хотѣлъ войны, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда она вспыхнула. «Онъ не искалъ войны», говоритъ знатокъ того времени, «онъ охотно избѣгъ бы ея; онъ надѣялся еще въ маѣ, во время своего пребыванія въ Дрезденѣ, на мирный исходъ конфликта съ Россіей. Что-то роковое заставило прежнихъ «друзей» и теперешнихъ противниковъ стать другъ противъ друга». Съ одной стороны, невозможность для Наполеона обойтись безъ помощи русскихъ при проведеніи своей экономическй борьбы съ Англіей; съ другой—невозможность для царя Востока подчиниться волѣ властителя Запада, не подвергая серьезной опасности экономическія силы своего собственнаго государства, нуждающагося въ товарообмѣнѣ съ Англіей. Экономическая война, какъ это часто бываетъ, и въ данномъ случаѣ предшествовала борьбѣ мечомъ и огнемъ. Но еще ужаснѣе представляется трагическое стеченіе обстоятельствъ, если ихъ разсматривать съ болѣе высокой точки зрѣнія. Это «вѣчно-прошлое» преслѣдуетъ по пятамъ великаго корсиканца, подобно тому, какъ это было въ семнадцатомъ вѣкѣ съ Валленштейномъ.

V

Онъ не можетъ вступить въ Россію, не оставляя за своей спиной хотя бы одной страны, гдѣ не было бы недовольства. Это—его союзники, недавно побѣжденная Пруссія и Австрія. Вспомогательные отряды этихъ странъ, посланные далеко не добровольно, онъ оставляетъ на флангахъ своей арміи вмѣсто того, чтобы взять ихъ съ собой при своемъ нападеніи на центръ—на Москву. Это обстоятельство сдѣлало возможнымъ измѣну Іорка и поведеніе Шварценберга въ Волыни, повлекшее за собой роковыя послѣдствія, такъ какъ именно онъ позволилъ ускользнуть русскому адмиралу Чичагову, котораго долженъ былъ задержать, и послѣдній, только благодаря нерѣшительности Шварценберга, получаетъ возможность загородить путь великой арміи при ея обратномъ переходѣ черезъ Березину при Борисовѣ. Этимъ подготовляется почва для самой тяжелой катастрофы.

Но еще задолго до этого событія была предопредѣлена судьба великой арміи. Уже непосредственно при походѣ на Москву, предпринятомъ слишкомъ поздно, а не только на обратномъ пути (такое представленіе распространено въ публикѣ), погибла большая часть арміи.

Въ арміи Наполеона было круглымъ счетомъ 450.000 человѣкъ и, приблизительно, 1.200 орудій. Именно эта грандіозность предпріятія сдѣлалась причиной его неудачи. Даже въ этомъ сказывается глубоко трагическая черта.

Геніальный полководецъ французской арміи хотѣлъ достичь того, что при тогдашнемъ состояніи техники было невозможно. Какъ ни казалась зрителямъ велика армія, двинувшаяся въ Россію, но въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, которое пришлось ей занять и обслуживать, она, конечно,

была недостаточна и быстро разсѣялась по необъятнымъ равнинамъ Россіи. Управлять этими разрозненными силами не сумѣлъ даже Наполеонъ.

Въ то время, какъ извѣстно, не было ни телеграфа, который бы въ нѣсколько минутъ передавалъ приказанія на нѣсколько тысячъ верстъ, ни желѣзныхъ дорогъ, по которымъ можно было-бы переслать съѣстные припасы и отряды въ большомъ числѣ въ тѣ мѣста, въ которыхъ въ данный моментъ нуждались. Такъ какъ у Наполеона не было этихъ и многихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ современной техники, необходимыхъ для болѣе скораго передвиженія его войскъ и для единаго командованія ими, онъ лишился возможности въ первый періодъ похода захватить русскихъ и окончательно разбить ихъ разъединенные отряды.

Какъ извѣстно, русскіе выставили двѣ западныя арміи: одну, подъ начальствомъ Барклая де-Толли, въ сѣверной Литвѣ, а другую, болѣе на югѣ, въ мѣстности около Волковыска, подъ начальствомъ Багратіона. Планъ Наполеона пойти походомъ на Вильну, чтобъ врѣзаться клинообразно между двумя арміями и затѣмъ уничтожить ихъ въ отдѣльности, былъ блестяще придуманъ; однако, этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря указаннымъ причинамъ. На югѣ медлительность Жерома, за которымъ императоръ не могъ достаточно услѣдить, позволила уйти князю Багратіону, а на сѣверѣ не удалось принудить Барклая къ рѣшительному сраженію. Только незначительные, частичные успѣхи были достигнуты французами и, притомъ, цѣной большихъ жертвъ, въ то время какъ обоимъ русскимъ полководцамъ удалось соединиться, отступая къ Смоленску, гдѣ опять произошелъ кровавый, но безрезультатный бой, въ

которомъ единственнымъ утѣшеніемъ для Наполеона могло служить взятіе полуразрушеннаго города. За это время продолжительные, въ теченіе многихъ недѣль, переходы по безконечнымъ равнинамъ русскаго государства разстроили физическія и нравственныя силы великой арміи. Непривычный климатъ—палящій зной днемъ и холодныя ночи—и плохое питаніе истощили людей и животныхъ. Появились болѣзни въ родѣ дизентеріи; лошади страдали вслѣдствіе сырого зеленаго корма, вызывавшаго вздутія живота, отъ чего можно было избавиться только утомительной гоньбой этихъ животныхъ; армія будто-бы потеряла 80.000 лошадей по пути въ Москву. Войска одичали въ негостепріимной странѣ. Даже и въ этомъ отношеніи все предпріятіе разбивалось объ неумолимую логику фактовъ. Наполеонъ сдѣлалъ все возможное для продовольствія огромнаго количества воиновъ, вторгшихся по его повелѣнію въ бѣдно-населенную страну.

Стада рогатаго скота и овецъ отправлялись вслѣдъ за арміей. На полдорогѣ этотъ скотъ либо гибъ отъ переутомленія, либо его отбивалъ непріятель, и только незначительная часть достигала мѣста назначенія, и то въ такомъ состояніи, что мясо этихъ жалкихъ, похудѣвшихъ животныхъ сдѣлалось не только несъѣдобнымъ, но даже опаснымъ для здоровья. Такимъ образомъ, въ отношеніи провіанта солдаты были предоставлены самимъ себѣ. Какъ всегда—это сейчасъ-же ослабило дисциплину. Число мародеровъ было несоразмѣрно велико, и крестьяне страдали отъ ихъ безчинствъ. Это обстоятельство должно было вызвать месть со стороны обиженныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, скоро все чаще и чаще грабителей находили убитыми.

Нельзя упрекнуть Наполеона, что онъ этому не препятствовалъ. Пока было въ его силахъ, онъ боролся съ мародерствомъ. Въ Литвѣ разстрѣляли множество грабителей. Авторъ этой книги былъ самъ очевидцемъ этого. Еще при выступленіи изъ Москвы императоръ отдалъ строжайшій приказъ соблюдать порядокъ. Конечно, приказъ этотъ не достигъ, въ виду того состоянія ,въ какомъ находилась тогда большая часть арміи, какихъ бы то ни было результатовъ. Уже въ Смоленскѣ большинство солдатъ было изнурено, и почти всѣ маршалы были того мнѣнія, что нужно здѣсь остановиться и не продолжать похода дальше. Но императору недоставало большого рѣшительнаго сраженія, которое, какъ при Аустерлицѣ, Ваграмѣ, низвергло бы врага и однимъ взмахомъ закончило бы войну.

Какъ собственныя ошибки, такъ и ошибки французовъ, навели русскихъ, сначала безсознательно и вопреки ихъ волѣ, на правильный планъ веденія войны, состоявшій въ томъ, чтобы завлечь противника все болѣе вглубь страны, а затѣмъ предоставить его всѣмъ ужасамъ сѣверной зимы и ея спутникамъ—стужѣ и голоду.

Однако, защитники русской старины не могли и не хотѣли примириться съ мыслью, чтобы святая столица русскаго государя была отдана врагу безъ боя. Послѣдствіемъ этого явилась прежде всего перемѣна въ главномъ командованіи — на мѣсто Барклая былъ назначенъ Кутузовъ—и затѣмъ битва при Бородинѣ, страшная битва при Москвѣ-рѣкѣ, ужасная кровавая баня. Такимъ образомъ, наступила, наконецъ, желанная Наполеономъ побѣда, но это не была та побѣда, какъ при Ваграмѣ и Фридландѣ. Что-то недоставало въ этомъ походѣ, въ которомъ

онъ долженъ былъ потерпѣть неудачу. На этотъ разъ онъ самъ помѣшалъ полному уничтоженію вражескаго войска тѣмъ, что въ рѣшительный моментъ задержалъ гвардію. «Плохое самочувствіе было тому виною,» какъ утверждаютъ нѣкоторые. «Никогда онъ не былъ менѣе великъ, какъ въ тотъ день,» осмѣливается сказать участникъ битвы, генералъ Дебетъ де-Гельдеръ, о побѣдителѣ въ битвѣ при Москвѣ-рѣкѣ. Мы не станемъ разбираться въ этихъ вопросахъ. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ достигъ успѣха только наполовину: если даже русскіе отступили съ значительно большими потерями, то ихъ новый полководецъ Кутузовъ могъ пройти довольно безпрепятственно черезъ Москву, чтобы вскорѣ при Тарутинѣ занять крайне непріятное для французовъ фланговое положеніе, тѣмъ болѣе для нихъ опасное, что русскіе имѣли по близости тульскіе оружейные заводы и были въ состояніи безпрерывно получать новыя подкрѣпленія. Но дорога къ столицѣ русскаго государя была открыта. «Москва, Москва!» съ восторгомъ раздавалось со всѣхъ сторонъ, когда съ высоты Поклонной горы открылся видъ на великанъ-городъ, производившій впечатлѣніе чего-то сказочнаго особеннымъ строеніемъ своихъ церквей и дворцовъ. Однако, скоро показались изъ нихъ языки пламени, свидѣтельствовавшіе о ненависти, тлѣвшей въ самой глубинѣ души этого славянскаго народа и его предводителей къ завоевателямъ.

Пожаръ Москвы является апогеемъ трагедіи 1812 года: здѣсь завязка достигаетъ высоты своего развитія, и здѣсь начинаются самыя кошмарныя, самыя страшныя, сплошь залитыя кровью страницы исторіи похода 1812 года.

Неудивительно, что очевидцы этой страшной

драмы, сейчасъ же по окончаніи ея, взялись за перья, чтобы передать на бумагѣ все пережитое. Къ нимъ принадлежитъ авторъ этой книги, врачъ Генрихъ Роосъ, чьи «мемуары о войнѣ 1812 года» предлагаются здѣсь читателю въ нѣсколько сокращенномъ видѣ. О своей жизни до войны и послѣ нея авторъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, поэтому мы не станемъ приводить ихъ здѣсь и скажемъ лишь, что всѣ свѣдѣнія, приводимыя имъ о себѣ, подтверждаются данными королевскаго военнаго архива въ Штутгардтѣ.

Книга Рооса рисуетъ намъ автора, какъ благонамѣреннаго человѣка, глубоко проникнутаго достоинствомъ медицинской науки и святостью докторскаго призванія. Этотъ вюртембергскій врачъ не былъ ученикомъ Дарвина, Фогта и Гекеля. Далекій отъ скептицизма новѣйшихъ медиковъ, онъ гораздо болѣе принадлежитъ къ докторамъ старой школы, къ людямъ бесѣдующимъ съ серьезнымъ, до смѣшного, видомъ относительно «contagium relativum» и «contagium absolutum» холеры, которые, однако, въ своей преданности своему званію и страдающему человѣчеству, могутъ служить примѣромъ нынѣшнимъ, часто руководимымъ матеріальными интересами. Намъ страннымъ кажется слышать, какъ человѣкъ, живя среди грубыхъ воиновъ, все переноситъ съ дѣтской вѣрой въ Бога, довольствуется тѣмъ, что предопредѣлила жестокая судьба, и въ утѣшеніе вспоминаетъ мѣста изъ духовныхъ книгъ Геллерта; но съ другой стороны намъ пріятно видѣть его работающимъ неустанно съ ланцетомъ въ окоченѣлыхъ рукахъ, вынимающимъ пули изъ тѣла друзей и враговъ и при этомъ обращающимъ мало вниманія на собственную жизнь, въ то время когда кругомъ свистятъ гранаты, и тусклый свѣтъ бивуач-

ныхъ огней освѣщаетъ его кровавую работу. Дѣятельность военнаго врача, вмѣстѣ съ серьезнымъ, чистымъ и честнымъ направленіемъ въ жизни, ставятъ воспоминанія Рооса въ ряду мемуарной литературы о русскомъ походѣ на одно изъ первыхъ мѣстъ. Кто думаетъ прочесть въ этой книгѣ стратегическія соображенія, разборъ совершенныхъ ошибокъ и промаховъ воюющихъ сторонъ, тотъ едва ли найдетъ это у автора, передающаго только по этому поводу мнѣнія, выраженныя ему офицерами— его соратниками. Кто такимъ образомъ желаетъ издать le grand art de la guerre, какъ называетъ это французъ, тотъ долженъ обратиться къ другимъ произведеніямъ, а не къ этой книгѣ вюртембергскаго военнаго врача; то-же самое должны сдѣлать тѣ, которые надѣются найти описаніе ужасовъ этого похода въ сенсаціонно-романтическомъ видѣ. Докторъ Роосъ не обладаетъ фантазіей Лабомэ или Сегюра, а также умѣніемъ преувеличивать; онъ не говоритъ въ хвастливомъ тонѣ иныхъ французскихъ писателей, всѣ геройскіе подвиги приписавшихъ собственной націи и всѣ промахи союзнымъ войскамъ. Интересно, между прочимъ, познакомиться съ личнымъ отношеніемъ автора къ Наполеону. И тутъ изложеніе Рооса строго объективно.

У него въ отношеніи къ императору нѣтъ ни энтузіазма Бурго, ни мечтательности храбрыхъ офицеровъ, какими являются генералъ Марбо и его товарищъ Гриуа, полковникъ Комбэ, маіоръ Кудрэ, капитанъ Куанье и сержантъ Бургонь, не знающихъ никого, кромѣ императора; ему недостаетъ энтузіазма людей, отдающихъ послѣднее полѣно изъ бивуачнаго огня, когда требуются дрова для Наполеона. Но онъ не питаетъ ненависти Лабомэ, чей «обстоятельный разсказъ о русскомъ походѣ» на-

писанъ съ цѣлью бросать обвиненіе за обвиненіемъ несчастному предводителю несчастной арміи. Роосъ самъ мало говоритъ собственно о Наполеонѣ. Что онъ не одобряетъ этого гигантскаго похода на Россію, это, правда, просвѣчиваетъ во многихъ мѣстахъ его книги, но въ то-же время онъ добросовѣстно указываетъ на довѣріе, питаемое его товарищами по полку—по крайней мѣрѣ, лучшей частію ихъ—къ вождю, подъ знаменами котораго они сражаются. «Пока этотъ живетъ и стоитъ во главѣ управленія,» говоритъ ротмистръ Рейнгардтъ, «нужно всегда разсчитывать на счастье и надѣяться.» Какое имъ дѣло было до болтовни солдатскихъ женъ, изъ которыхъ многія ругали императора: «Да, этотъ Наполеонъ обѣщалъ намъ всегда золотыя горы и прекрасныя страны для зимовки! не сдержалъ слова; онъ, вѣрно, это сдѣлаетъ, когда будетъ уже поздно, и мы погибнемъ отъ горя.» Бѣдная женщина, кричавшая это, предсказала вѣрно,—и все-таки какими иными чувствами вѣетъ отъ другой сцены, переданной также Роосомъ: мимо города Борисова, гдѣ живетъ самъ докторъ, какъ плѣнный, тянется отрядъ нѣмецкаго легіона, составленнаго изъ попавшихъ въ русскій плѣнъ нѣмцевъ. Многіе поступили въ него съ цѣлью спастись изъ русскихъ цѣпей и съ твердымъ намѣреніемъ при первомъ удобномъ случаѣ убѣжать къ своему императору. Также и офицеры, большею частью, совершенно настроены по наполеоновски до того, что полковникъ, завзятый русскій, велитъ нѣсколькихъ изъ нихъ звѣрски разстрѣлять.

Несмотря на то, что всѣ эксцессы войны Роосъ описываетъ сдержанно, а многое обходитъ даже молчаніемъ, читателю, любящему историческія сочиненія, дѣйствующія на нервы, нечего опасаться

того, что онъ разочаруется книгой Рооса. Хотя послѣднiй прямо уклоняется отъ того, чтобъ дѣйствовать на читателя романтическими прикрасами, импонирующими преувеличенiями фактовъ, однако и въ его скромномъ описанiи остается еще довольно много возбуждающаго, ужасающаго, а также и интереснаго. Одна только медицинская сторона книги представляетъ огромный интересъ. Знакомя съ рѣдкими случаями въ хирургической практикѣ, произведенiе Рооса даетъ болѣе глубокое понятiе о физическихъ причинахъ гибели такой громадной массы людей, находящихся въ расцвѣтѣ силъ. Врачъ, и притомъ умный врачъ, видитъ въ этомъ многое, чего не видятъ другiе.

Павелъ Хольцхаузенъ.

Отъ автора.

Я дѣлаю достояніемъ гласности свои воспоминанія о походѣ великой арміи, которую я сопровождалъ въ качествѣ старшаго врача квалерійскаго полка, дѣйствовавшаго, большею частью, въ авангардѣ короля неаполитанскаго. Я касаюсь безпорядочнаго отступленія и бѣгства великой арміи, повѣтствую о своихъ личныхъ переживаніяхъ, т. е. о своемъ плѣнѣ и работѣ въ качествѣ врача среди русскихъ. Подобно тому, какъ движеніе впередъ великой арміи развертывало въ русскомъ государствѣ все болѣе и болѣе великія событія и сдѣлалось замѣчательнымъ и страшнымъ въ моментъ отступленія и бѣгства, такъ и эти разсказы становятся по мѣрѣ своего развитія все содержательнѣе и серьезнѣе. Если они въ началѣ покажутся не достойными вниманія, то дальше они постепенно становятся все болѣе занимательными. Я старался избѣгать романтическихъ прикрасъ и импонирующихъ преувеличеній фактовъ, чтобъ мое изложеніе носило на себѣ печать правды. Я прошу поэтому снисхожденія, если въ моемъ трудѣ недостаетъ научнаго освѣщенія событій. Меня не обвинятъ въ томъ, что я заимствовалъ что-нибудь изъ сочиненій другихъ. Превзойти моихъ предшественниковъ въ этомъ отношеній, я не намѣренъ; кому-нибудь подражать я не могъ, по-

тому что, когда я писалъ свои воспоминанія, у меня не было другихъ источниковъ кромѣ тѣхъ, что сохранились въ моей памяти; къ тому же ихъ я писалъ въ Россіи тогда, когда изъ-за границы сюда трудно было что-нибудь посылать, когда я не зналъ русскаго языка, не имѣлъ литературныхъ знакомствъ и былъ занятъ медицинскими работами.

Значительно позже я имѣлъ случай прочесть все, почти все, что писалось объ этой войнѣ, и нашелъ, что многія событія освѣщены и переданы неправильно. Дополняя исторію этой войны еще неизвѣстными фактами, исправляя невѣрно переданныя событія достовѣрными доказательствами, сообщая наблюденія, относящіяся непосредственно къ моей профессіи, я считаю, что трудъ мой не нуждается въ дальнѣйшей обоснованности и оправданіи.

Авторъ.

С.-Петербургъ, январь 1832 года.

ГЛАВА I.

Часто посѣщая въ періодъ рейнскихъ компаній (съ 1792 года до перехода французской арміи подъ командой генерала Моро въ Германію 24 іюня 1796 года), моего отца, я имѣлъ возможность съ большимъ интересомъ наблюдать за трудной, но въ то же время продуктивной работой военныхъ врачей въ госпиталяхъ и на поляхъ сраженій, въ Эльзасѣ и по эту сторону Рейна. Увлеченный ихъ работой, я избралъ своей профессіей медицину и сдѣлался военнымъ врачомъ, т. е. гражданскимъ чиновникомъ въ арміи. Ко времени семилѣтней войны принудительные наборы генерала Ригера оторвали отца моего отъ занятій богословіемъ; онъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями былъ зачисленъ тогда въ армію герцога вюртембергскаго и къ концу дней своихъ (1797) дослужился только до чина лейтенанта, а братья его погибли геройскою смертью въ сраженій при Лейтенѣ и Фульдѣ. Мнѣ судьба болѣе благопріятствовала. Хорошо сдавъ экзамены весною 1800 года,—тогда только что начался наборъ въ войска и приготовленія къ войнѣ,—я былъ назначенъ младшимъ врачемъ военнаго госпиталя въ Штутгардтѣ. Въ продолженіи пяти лѣтъ, проведенныхъ мною тамъ, я старался усовершенствоваться теоретически и практически. Весною 1805 года я былъ назначенъ главнымъ врачемъ, а годъ спустя

мнѣ уже было довѣрено попеченіе о здоровьѣ цѣлаго полка. Въ качествѣ главнаго врача я участвовалъ въ походахъ 1805, 1806, 1807 и 1809 годовъ, лѣтомъ 1811 года я находился съ полкомъ легкой кавалеріи, квартировавшимъ въ нѣсколькихъ городахъ на Дунаѣ, въ Егингенѣ.

Въ это время много говорили о походѣ въ Россію слѣдующей весной и вообще о войнѣ, а осенью начались и приготовленія къ походу. Покупали нужныхъ лошадей, теплую одежду, прощались съ родственниками; ничто не забывалось. Даже въ школахъ городская молодежь была привлечена къ работѣ и щипала корпію, благодаря чему я былъ снабженъ большимъ запасомъ ея. 11-го февраля 1812 года мы покинули городъ на Дунаѣ. Полкъ былъ хорошо обученъ, имѣлъ 750 лошадей и состоялъ изъ молодыхъ и энергичныхъ людей; большинство офицеровъ были опытные, старые вояки, словомъ все было въ такомъ состояніи, что позволяло надѣяться на успѣхъ нашего похода. Вечеромъ, наканунѣ нашего выступленія, офицеры устроили для почетныхъ лицъ города балъ. Танцовали много и долго, пѣли прощальныя пѣсни и пили за благополучное свиданіе, и праздникъ окончился только тогда, когда на разсвѣтѣ трубачи затрубили сигналъ къ выступленію.

Мы прошли черезъ города Штутгардтъ и Гейльбронни, гдѣ второго марта былъ устроенъ смотръ войскамъ, прошли черезъ Гогенлоевскія княжества и за мѣстечкомъ Вейкерегеймомъ миновали границу отечества. Здѣсь мы сдѣлали остановку. Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, обняли граничный столбъ, цѣловали его и благодарили покинутую родину за добро, оказанное ею. Настроеніе у всѣхъ было тяжелое. Многіе, казалось, предчувствовали

несчастный исходъ кампаніи. Отовсюду слышались громкіе прощальные возгласы: «Будьте здоровы, дорогіе, оставленные нами дома,—мы, можетъ быть, никогда болѣе не увидимся!» Къ намъ ежедневно до сихъ поръ приходили друзья и знакомые, чтобы проститься. Отцы приносили своимъ сыновьямъ деньги на далекій походъ;—матери—бѣлье, въ особенности теплые чулки для холоднаго сѣвера, а сестры плакали вмѣстѣ съ братьями, отправлявшимся въ чужіе края. Я испыталъ радость такого посѣщенія только впослѣдствіи, лишь 10 часовъ спустя послѣ перехода границы, въ Кенигсгофенѣ. Едва мы остановились тамъ, чтобы отдохнуть, какъ я былъ окруженъ группой моихъ родственниковъ, съ которыми я и провелъ всю эту остановку. Дальше мы шли черезъ французскія провинціи, черезъ владѣнія герцога Саксенъ Гильдбурггаузена, черезъ графство Геннебергъ, а отсюда черезъ Тюринбергскій лѣсъ, на вершинѣ котораго мы нашли еще много мерзлаго снѣга, затруднявшаго нашъ переходъ и заставлявшаго насъ двигаться по одиночкѣ. Наши обозныя повозки должны были ѣхать окольнымъ путемъ черезъ Илменау, мы же съ большимъ трудомъ и медленно, но вполнѣ благополучно, прошли еще засвѣтло лѣсистыя горы и остановились въ красивой деревнѣ Лангевизенъ. Отсюда мы двинулись во владѣнія князя Шварцбургъ-Рудольштадта. 25 числа полки прошли съ музыкой парадным маршемъ по широкой улицѣ. Князь пригласилъ всѣхъ квартирующихъ въ его резиденціи офицеровъ къ себѣ на обѣдъ, но нашему полку пришлось расположиться въ отдаленной деревнѣ и, вмѣсто княжескаго обѣда, довольствоваться скромной пищей крестьянъ; впрочемъ, это часто случается съ кавалеріей, благодаря тому, что въ городахъ трудно помѣстить

лошадей. Отсюда мы двинулись на Лейпцигъ, гдѣ и расположилась наша пѣхота, а мы стояли въ теченіе недѣли въ окрестныхъ деревняхъ. Мы осмотрѣли въ Лейпцигѣ всѣ достопримѣчательности и пополнили свои запасы. Между прочимъ, я купилъ карманные часы, поставившіе меня впослѣдствіи, при Березинѣ, въ такое неловкое положеніе, изъ котораго выручило меня только извиненіе. Изъ Лейпцига (мы покинули его 6 апрѣля) приказано было отправиться въ Франкфуртъ на Одерѣ. Благодаря чистому весеннему воздуху заболѣваній въ полку совершенно не было, и мнѣ все время приходилось бездѣльничать. Жителямъ Саксоніи я не могу не принести самой горячей благодарности за ихъ дружески услужливое и человѣколюбивое отношеніе. Я прошелъ эту страну три раза, въ различныхъ направленіяхъ и долженъ признаться, что и въ третій разъ испыталъ то же пріятное чувство, что и въ первый. Саксонцы остались такими же гостепріимными, какъ и раньше, шесть лѣтъ тому назадъ, несмотря на частыя размѣщенія по ихъ квартирамъ солдатъ, благодаря почти постояннымъ войнамъ. Какъ часто согрѣвали они насъ, окоченѣлыхъ и промокшихъ, дружески встрѣчали и угощали насъ въ своихъ жилищахъ горячимъ кофе и трубками, прося удовольствоваться этимъ, пока не подадутъ обѣда или ужина. При выступленіи они провожали насъ искренними пожеланіями счастья и не ограничиваясь этимъ, наполняли наши бутылки водкой, мѣшки для провизіи—жаркимъ, хлѣбомъ съ масломъ и проч. Иногда прощанье сопровождалось дружескими слезами и поцѣляуми, а часто даже проводами до слѣдующаго города. Благодарю Васъ еще разъ, любезные саксонцы!...

Во Франкфуртѣ, куда мы прибыли 12-го апрѣля,

я снова нашелъ многихъ друзей, съ которыми познакомился въ 1807 году, и нѣкоторыхъ изъ Кросса. Мы остановились въ городѣ на дневку, и, кромѣ визитовъ къ знакомымъ, я успѣлъ пройтись къ памятнику Эвальда Клейста, этого храбраго воина и поэта.

ГЛАВА II.

Во Франкфуртѣ полкъ получилъ приказъ отдѣлиться отъ корпуса и, отправившись въ Западную Пруссію, соединиться съ войсками другихъ націй въ одну дивизію для будущаго авангарда. Французскій генералъ Орнано принялъ командованіе полкомъ. Многіе офицеры въ этомъ приказѣ получили лестное отличіе, но большинство скорбѣло надъ тѣмъ, что насъ разлучили съ нашими земляками, съ которыми мы не видѣлись вплоть до Бородинскаго сраженія.

Утромъ 14-го апрѣля, когда нашъ кронпринцъ *) попрощался съ нами, мы перешли черезъ Одеръ. Дорога въ Бреславль и еврейское кладбище остались вправо, и мы двинулись къ Позену. Скоро стало замѣтно, что мы покинули германскую землю; красота городовъ и деревень, культура страны, все было отлично отъ находившагося позади насъ, все казалось менѣе милымъ и дорогимъ; пришелъ конецъ и хорошимъ квартирамъ. Вторую ночь послѣ перехода черезъ Одеръ я провелъ у пастора.

Престарѣлый и небогатый пасторъ съ большимъ радушіемъ просилъ раздѣлить съ нимъ его скудную трапезу. Онъ жилъ въ этой мѣстности еще во вре-

---

*) Вильгельмъ, впослѣдствіи король Вюртембергскій.

мя семилѣтней войны; его отецъ также былъ здѣсь пасторомъ. Онъ разсказалъ намъ многое изъ своихъ воспоминаній объ этомъ времени, и еще больше о томъ, что онъ слышалъ отъ своего отца. Почтенный старикъ трезво смотрѣлъ на вещи, рисовалъ мрачными красками наше будущее и заранѣе жалѣлъ насъ; онъ говорилъ о суровой зимѣ, нуждѣ и лишеніяхъ, которыя мы встрѣтимъ въ глубинѣ Россіи. «Васъ много, говорилъ пасторъ, вы вначалѣ будете побѣдоносны, но русскіе завлекутъ васъ въ сердцевину ихъ огромнаго государства, и когда вы станете слабѣе, и вамъ придется бороться съ морозомъ и нуждой, лишь тогда русскіе начнутъ войну серьезно. Вамъ придется затратить много силъ, чтобъ выбраться оттуда и лишь немногіе вернутся обратно». Одному изъ присутствующихъ эти слова не понравились, другой просто разсмѣялся, третій сталъ роптать; я же всегда охотно слушаю, если говоритъ опытъ.

Нашъ дальнѣйшій путь лежалъ черезъ Польшу. Въ одномъ изъ мѣстечекъ на лѣвомъ берегу Вислы произошелъ такой случай. Полкъ, окруженный толпой любопытныхъ, выстроился на базарной площади, квартирные билеты были розданы, и при разъѣздѣ одна хорошо одѣтая, молодая, красивая полька, жена офицера, была сбита съ ногъ и упала вмѣстѣ съ ребенкомъ, котораго несла на рукахъ. Послѣдній жалобно кричалъ; должно-быть, онъ ушибся. Я стоялъ уже въ дверяхъ моей квартиры, когда привели плачущую женщину съ ея ребенкомъ. Я нашелъ у ребенка сломаннымъ правое предплечье и, приведя обоихъ въ комнату, тотчасъ же вправилъ и перевязалъ плечико. Мать и дитя нѣсколько успокоились. Ея мужъ нѣсколькими днями раньше также отправился на войну. Въ благодар-

ность она угостила меня и моего помощника медомъ, который я здѣсь пилъ въ первый разъ.

Мы приближались къ Вислѣ; въ Влоцлавкѣ, куда мы прибыли 30-го апрѣля, намъ было приказано перейти эту рѣку. Мы должны были сдѣлать привалъ въ городкѣ, потому что не было еще сдѣлано никакихъ приспособленій для переправы. Я помѣстился на квартирѣ въ домикѣ на берегу Вислы. Какъ почти повсюду, такъ и здѣсь, разговоръ за столомъ зашелъ о нашемъ походѣ. Мой хозяинъ былъ настроенъ такъ же пессимистически, какъ и тотъ протестантскій пасторъ недалеко отъ Кунесдорфа, и закончилъ свою рѣчь словами: «Кабы только вы всѣ вернулись снова черезъ эту рѣку, которую собираетесь переходить?» Но для меня самымъ важнымъ было то, что онъ разсказалъ о колтунѣ *), чѣмъ въ этомъ мѣстѣ были больны очень многіе. Рядами лежали рослые и сильные люди, какъ нищіе, у дороги, съ взъерошенными черными, грязными волосами. Мой хозяинъ, несмотря на то, что онъ былъ почти лысъ, носилъ въ оставшихся клочкахъ растительности слѣды этой ужасной болѣзни. «Хотя нашъ климатъ, вода и нашъ образъ жизни много способствуютъ зарожденію этой болѣзни», сказалъ онъ: «однако-же болѣютъ ею взрослые мужчины и юноши чаще, чѣмъ взрослыя женщины и дѣвушки.

Врачи убѣдились, что ломота въ костяхъ, боль въ суставахъ и головныя боли, продолжающіяся годами, кончаются этою грязною всклокоченностью волосъ, и многочисленные опыты подтверждаютъ это до настоящаго времени, что именно ломота въ ко-

*) Слѣдствіе влажный головной сыпи, образующей при засыханіи струпъ и склеивающей волосы въ густую копну.

стяхъ и ревматизмъ являются признаками нашей климатической болѣзни. Огромному развитію этой болѣзни среди простого народа способствуетъ большая нечистоплотность. Пришлые, обыкновенно, не воспріимчивы къ этой болѣзни, но послѣ долгаго пребыванія здѣсь заражаются, и у нихъ колтуну предшествуютъ указанные признаки. Уже развившійся колтунъ неизлѣчимъ, но зато излѣчимы всѣ тѣ явленія, которыя предшествуютъ ему и съ устраненіемъ послѣднихъ предотвращается и заболѣваніе колтуномъ. Отрѣзать взъерошенные колтуномъ волосы нельзя, иначе появляются другія болѣзни, доводящія до бѣшенства и смерти, но отбивать ихъ между камнями менѣе опасно, только не сразу».

На третій день нашей стоянки на берегу Вислы, были доставлены нужные плоты и лодки для переправы, и мы стали переправляться группами по 30—40 человѣкъ. Вскорѣ послѣ перехода Вислы мы очутились снова среди нѣмцевъ. Въ городахъ Растенбургѣ, Нейденбургѣ, Ангербургѣ и ихъ окрестностяхъ былъ расквартированъ нашъ отрядъ, и здѣсь мы провели очень пріятно нѣсколько недѣль. За исключеніемъ одного больного, умершаго отъ воспаленія легкихъ, и операціи, которую пришлось сдѣлать правофланговому, я имѣлъ мало работы, и мы коротали послѣобѣденные часы прогулками верхомъ въ близъ лежащія деревни и игрою въ кегли въ загородныхъ садахъ. На этихъ стоянкахъ полкъ получилъ приказъ приспособиться къ будущимъ фуражировкамъ, вслѣдствіе чего каждый кавалеристъ получилъ по серпу и каждые 20 человѣкъ по косѣ, которые они должны были имѣть при себѣ.

Отсюда мы двинулись къ пограничной рѣкѣ Нѣману. Къ намъ теперь присоединились многіе отряды, въ особенности, кавалерія. Съ прибытіемъ

одного прусскаго уланскаго и польскаго гусарскаго полковъ, образовалась наша бригада. Посылались также теперь къ Нѣману патрули и пикеты, и къ намъ являлись русскіе дезертиры, главнымъ образомъ, поляки.

Была чудная лѣтняя ночь въ началѣ іюня мѣсяца; мы стояли въ бѣдной, жалкой деревушкѣ и мучались ужъ тамъ съ первыми предвѣстниками голода, какъ вдругъ затрубили тревогу. Прежде всего, конечно, рѣшили, что русскіе перешли пограничную рѣку и дѣлаютъ намъ утренній визитъ, но предположенія наши не оправдались. Насъ двинули форсированнымъ маршемъ обратно, и вскорѣ мы достигли большой дороги, по которой пошли крупной рысью. Я полагаю, что мы шли тогда часовъ восемь, девять; для чего это было? Мы прибыли въ Остроленку одновременно со многими другими полками, и здѣсь, на огромномъ полѣ, былъ произведенъ извѣстный смотръ 40.000 человѣкъ кавалеріи. Величественное зрѣлище! Представители народовъ всей Европы, въ красивыхъ красныхъ мундирахъ, несмолкаемые звуки музыки и сигнальныхъ трубъ, командные крики, быстрые маневры и передвиженія этой громады людей и лошадей и все это на фонѣ огромнаго зеленаго поля, подъ лучами яркаго солнца!!!...

Кто тогда видѣлъ отличное состояніе этихъ войскъ и опытность начальниковъ и командировъ, тотъ долженъ былъ согласиться, что передъ нимъ непобѣдимая сила, вполнѣ достаточная для покоренія хотя бы и огромнаго государства. Послѣ смотра мы отдыхали въ тѣни красивыхъ елей на берегу маленькой рѣки Наревы. Для подкрѣпленія этого множества уставшихъ, проголодавшихся людей ничего не было, даже за деньги ничего нельзя было

достать, также не было корма и для лошадей. Многіе, въ томъ числѣ я, купались въ рѣкѣ, что было для насъ весьма полезно. На этомъ смотру я видѣлъ паденіе кавалериста съ лошади, такое ужасное, какого ни до того, ни послѣ не видѣлъ. Рысью по большой дорогѣ шла тяжелая кавалерія — кирасиры догоняли свои части галопомъ. Одинъ изъ нихъ упалъ вмѣстѣ со своей тяжелой, большой лошадью; лошадь перекувырнулась, встала и побѣжала, но человѣкъ остался лежать неподвижно. Онъ былъ мертвъ, его черепъ и лицевыя кости были превращены въ лепешку, а кожа ихъ и мускулы разорваны. Приближаясь къ пограничной рѣкѣ и соображая по количству войскъ, слѣдовавшихъ за нами, о близости переправы, мы получили приказъ сдѣлать привалъ на нѣсколько дней и запастись на 21 день фуражемъ и съѣстными припасами. Въ окрестные дворы посылалась команда съ офицерами разыскивать и доставлять своимъ полкамъ все нужное. Эти команды вездѣ наталкивались на другія, высланныя съ этой же цѣлью. Никто не смѣлъ вернуться съ пустыми руками, почему поневолѣ приходилось дѣлиться. Такимъ образомъ, скоро всѣ окрестности были опустошены. Гдѣ господствовалъ безпорядокъ, тамъ солдатъ хваталъ больше, чѣмъ онъ долженъ былъ бы взять, и часто забиралъ мимоходомъ и не съѣдобныя вещи. Но какъ теперь доставить полкамъ собранное? Открывали конюшни, запрягали рабочій скотъ, наваливали на него фуражъ и съѣстные припасы, брали съ собой такъ же и убойный скотъ, привязавъ его сзади, и ѣхали къ полку! Этотъ приказъ и быстрое исполненіе его сдѣлали для жителей этой мѣстности войну ощутительной въ полной мѣрѣ прежде чѣмъ она началась.

Къ Нѣману мы подошли 25 іюня въ полдень.

За нами слѣдовалъ безконечный рядъ телѣгъ. Мы расположились лагеромъ на краю лѣса, недалеко отъ маленькой деревни; впереди насъ простирались красивые луга и поля; погода была великолѣпная. Прибытіе многихъ и все новыхъ войскъ всѣхъ національностей и родовъ оружія, масса артиллеріи и тянувшіеся мимо понтонные мосты—дѣлали этотъ лагерь интереснѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе я когда либо видѣлъ. Наиболѣе всего меня заинтересовало множество болтливыхъ женщинъ, частью ѣхавшихъ верхомъ и на телѣгахъ или передвигавшихся пѣшкомъ. Говорилось, что онѣ назначены для ухода за больными и ранеными въ госпиталяхъ; было много и врачей, въ большинствѣ молодыхъ людей, которыхъ начальникъ-ветеранъ часто критиковалъ и наставлялъ... Я рѣшилъ не спать въ эту замѣчательную ночь, не подумавъ о томъ, что и не принимая такого рѣшенія все равно поспать не дозволятъ тревоги. Ночь была чудесная, свѣтлая. Дымъ многихъ бивуачныхъ огней, придававшій воздуху вокругъ насъ своеобразный видъ, вмѣстѣ съ воинственнымъ гуломъ, доносившимся отовсюду, дѣйствовали на нервы, напряженныя и безъ того ожиданіемъ приказа перейти Нѣманъ, т. е. начать военныя дѣйствія. Но въ эту ночь не произошло ничего особеннаго. Наступило утро, и мы узнали, что мосты наведены, войска переходятъ черезъ рѣку, и многіе, и даже самъ Наполеонъ уже на непріятельской землѣ. Такъ прошла первая ночь этой войны. Мы провели ее подъ открытымъ небомъ, и никто изъ насъ не думалъ о томъ, что на той сторонѣ Нѣмана оно станетъ постоянной и единственной нашей кровлей. Наступилъ день Ивана Купала, который былъ для меня всегда достопамятнымъ. Когда-то въ этотъ день родился мой отецъ. Благодаря переходу генерала

Моро въ 1796 году при Келѣ черезъ Рейнъ, этотъ день рѣшилъ мое будущее: я сталъ врачомъ. Въ этотъ день въ 1807 году, я былъ при томъ, какъ Вандаамъ велѣлъ взять приступомъ прусскій лагерь при Глацѣ въ Шлезвигѣ,—и много другого интереснаго въ моей жизни совпадало съ днемъ Ивана Купала, поэтому онъ былъ для меня и у Нѣмана столь серьезнымъ и важнымъ праздникомъ.

Всю предыдущую ночь до полудня, когда у насъ только и слышалось: «Вставать, на коней, маршъ!» мимо насъ двигались отряды пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и обозы. Это зрѣлище было чрезвычайно красиво, и различіе націй, рода оружія, цвѣтовъ одежды и военная музыка со всѣхъ сторонъ дѣлали его красочнымъ и шумнымъ. Порядокъ былъ образцовый, войска принаряжены, какъ къ параду; всѣ выглядѣли бодро, однако не весело, и никто не пѣлъ. Мы также, подвигаясь впередъ, остановились на возвышенности близъ берега Нѣмана и были застигнуты здѣсь страшною грозой съ ея громовымъ ревомъ и проливнымъ дождемъ; послѣдній промочилъ насъ до костей. Интересное и красивое зрѣлище представляли во время грома и дождя всѣ возвышенности и долины, наполненныя войсками, ожидавшими совершенно тихо и спокойно конца грозы. Когда дождь прошелъ, все опять пришло въ движеніе: потянулись полки за полками; подъ вечеръ и до насъ дошла очередь, и мы, перейдя мостки, очутились въ той землѣ, гдѣ осталось большинство изъ насъ. Это было недалеко отъ Ковны, близъ того мѣста, гдѣ Вилія впадаетъ въ Нѣманъ.

ГЛАВА III.

Наше пессимистическое отношеніе къ великому походу отчасти исчезло, когда мы, перейдя на другую сторону рѣки, нашли все здѣсь нѣсколько инымъ, чѣмъ представляли себѣ. Мы двинулись тотчасъ же по хорошей столбовой дорогѣ, и первые дома, какіе мы видѣли, имѣли привѣтливый видъ. Мы видѣли большій порядокъ въ верстовыхъ и путевыхъ столбахъ и шлагбаумахъ, чѣмъ въ Польшѣ. Вскорѣ намъ пришлось пройти черезъ густой лиственный лѣсъ, между тѣмъ, какъ раньше мы встрѣчали только неизмѣримые хвойные лѣса. Первая деревня, которую мы увидѣли, имѣла, несмотря на дождливый вечеръ, хорошій видъ; однимъ словомъ, при взглядѣ на первые попавшіеся намъ предметы, у насъ составилось лучшее мнѣніе, чѣмъ было до сихъ поръ. Мюратъ, со множествомъ генераловъ и адъютантовъ, стоялъ передъ воротами красивой барской усадьбы и заставилъ насъ, промокшихъ и уставшихъ, пройти параднымъ маршемъ. На ночлегъ мы устроились въ полѣ, недалеко отъ деревни, вправо отъ столбовой дороги на Вильно. До сихъ поръ больныхъ не было; я не оставилъ ихъ также и за Нѣманомъ; даже оперированный въ Растенбургѣ солдатъ догналъ насъ совершенно здоровымъ; но такъ какъ сталъ ощущаться недостатокъ въ пищевыхъ припасахъ для людей и лошадей, то и здоровье пошатнулось. Нѣкоторое время у насъ было бы еще все благополучно, если бы за нами могли слѣдовать запасы, собранные за Нѣманомъ. Мы оставили столбовую дорогу на Вильно и передвигались по лежащимъ вправо отъ него часто плохимъ дорогамъ. Непріятеля мы не видѣли, за исключеніемъ нѣ-

скольких, вполнѣ мирно настроенных, крестьянъ. Вечеромъ мы остановились для кормежки. Пустили въ ходъ первый разъ косы и серпы и косили зеленый посѣвъ и траву. Для семи полковъ нужно много фуража, но когда имъ приходится заготовлять его самимъ, они больше портятъ, чѣмъ употребляютъ. Гдѣ-то вдали виднѣлась маленькая церковь, о которой говорили, что въ ней хранится большой запасъ муки, драгоцѣнностей и т. д.; но никто изъ насъ не осмотрѣлъ ея, и свѣдѣнія о хранящихся въ ней запасахъ—кажутся мнѣ легендарными. Какъ здѣсь, такъ и впослѣдствіи я никогда не видѣлъ, чтобъ какой-нибудь изъ нашихъ солдатъ грабилъ церковь. Всегда эти мерзости совершались нашими предшественниками или преемниками, и я часто убѣждался въ томъ, что менѣе занятая инфантерія болѣе расположена къ такимъ поступкамъ, чѣмъ кавалерія, располагающая къ тому же, благодаря необходимости заботы о лошадяхъ, меньшимъ количествомъ времени. Стояла теплая погода, когда мы приближались къ Вильно. Во всѣхъ отношеніяхъ намъ приходилось плохо; хлѣбъ уже былъ рѣдкостью, а мука, молоко, вино и водка почти совсѣмъ отсутствовали въ нашемъ обиходѣ. Жара и плохая вода заставляли брать изъ ледяныхъ погребовъ куски льда, которые сосали, чтобы утолить жажду. Нигдѣ ничего нельзя было купить, потому что маркитанты не могли слѣдовать за нами, благодаря быстрымъ переходамъ. Офицеры должны были довольствоваться тѣмъ же, что и солдаты; послѣдніе воровали и грабили, но даже и для этого рѣдко представлялись удобные случаи. Нужда, и даже острая, дала себя чувствовать сейчасъ же за Нѣманомъ. Здѣсь мы очень рѣдко находили сѣно и овесъ для лошадей, а если случалось найти, то

послѣднія не могли ихъ разжевать, потому что свѣжая трава и зерновой кормъ набивали оскомину. Такой образъ жизни, разумѣется, скоро долженъ былъ отозваться на здоровьѣ людей, и уже здѣсь кавалеристы и лошади начали страдать поносомъ. На переходахъ отъ Нѣмана до Вильно насъ нѣсколько разъ тревожили, но мы никогда не видѣли русскихъ. Такая ложная тревога часто происходитъ у легкой кавалеріи на форпостахъ. Въ день нашего прибытія въ Вильно мы снова перешли на столбовую дорогу и ясно видѣли, что здѣсь прошелъ большой воинскій отрядъ. Здѣсь, между прочимъ, мы увидѣли нѣсколько запыленныхъ труповъ, которыхъ по одеждѣ, незнакомой намъ, приняли за башкировъ. Долго шли мы по этому песчаному пути и, наконецъ, вечеромъ расположились лагеремъ въ сырой долинѣ, между столбовой дорогой и рѣкой Виліей, такъ близко отъ города Вильны, что до насъ долеталъ городской шумъ. Намъ сказали, будто Наполеонъ вступилъ въ него вчера вечеромъ съ гвардіей. Еще дымились нѣсколько сгорѣвшихъ магазиновъ; но намъ было запрещено войти въ городъ. Часто жребій воиновъ проходитъ лишь мимо большихъ, блестящихъ городовъ. Чтобъ взглянуть на Вильно, я заявилъ о необходимости запастись лѣкарствами и не встрѣтилъ возраженій со стороны начальства, такъ какъ больныхъ поносами было много, а полковая аптека оставалась еще за Нѣманомъ. Я пріѣхалъ въ городъ рано утромъ. Онъ не имѣлъ особенно воинственнаго вида: я встрѣчалъ мало солдатъ, и въ магистратѣ, гдѣ я за 48 гульденовъ съ трудомъ пріобрѣлъ лѣкарства, господствовало обывательски-мирное спокойствіе. Мнѣ казалось, что господа, которыхъ я видѣлъ въ магистратѣ, были болѣе рады, чѣмъ недовольны нашимъ приходомъ,

такъ какъ обходились съ нами ласково, вѣжливо и предупредительно. Я видѣлъ Наполеона верхомъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, у разрушеннаго моста; онъ отдавалъ приказанія, вѣроятно, относительно исправленія моста. Утолить голодъ, къ которому, строго говоря, я давно уже долженъ былъ привыкнуть, было и здѣсь нелегко. Большихъ трудовъ стоило мнѣ уговорить одного еврея впустить меня къ себѣ; съ такимъ же большимъ трудомъ я досталъ, наконецъ, пива и хлѣба. 1-го іюля мы выступили изъ лагеря. Снова наступила дождливая погода. Мы прошли мимо города и остановились около сгорѣвшаго магазина въ ожиданіи Наполеона, желавшаго насъ видѣть. Дождь промочилъ насъ; мы наполнили мѣшки полуобгорѣлымъ овсомъ—единственно хорошее, чѣмъ надѣлилъ насъ этотъ городъ,—двинулись дальше, и уже въ предмѣстьѣ насъ встрѣтилъ Наполеонъ. Онъ обращалъ мало вниманія на насъ и казался угрюмымъ и огорченнымъ. Замѣтивъ нашего дивизіоннаго генерала Ватье *), онъ подъѣхалъ къ нему, и изъ ихъ бесѣды мы услышали только слѣдующія слова: «Я всегда зналъ, что вы плохой подчиненный, но я не зналъ, что вы подлецъ и трусъ» и т. д. Наши офицеры не мало удивились этому, а солдаты, улыбаясь, говорили другъ другу: «Этому здорово намылилъ голову!» Вскорѣ послѣ этого Ватье былъ замѣненъ генераломъ Себастіани *). Отъ послѣдняго мы всѣ ожи-

*) Vattier de st. Alphonse (1770—1846) участвовалъ почти во всѣхъ походахъ имперіи, командовалъ въ 1813—1814 году французской кавалеріей при Даву въ Гамбургѣ, былъ главнымъ инспекторомъ во время реставраціи. (Прим. издателя оригинала).

**) Себастіани (1775—1851), корсиканецъ, точно также участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ Наполеона, командовалъ

дали геройскихъ подвиговъ, но ошиблись.

Изъ Вильно мы двинулись по направленію къ Двинѣ. Мы оставили снова большую дорогу и на второй день похода въ первый разъ натолкнулись на русскихъ казаковъ въ красной одеждѣ. Произошла небольшая стычка на передовыхъ постахъ, но дѣло ограничилось сабельными ударами по лошадямъ и огнестрѣльными ранами. Одинъ казакъ попался въ наши руки; онъ долженъ былъ слѣзть съ коня и пойти пѣшкомъ въ Вильно для допроса. На слѣдующій день произошла болѣе серьезная стычка. Для облегченія передвиженія разстались даже съ овсомъ, взятымъ съ собой изъ Вильно. Результатомъ второй стычки на передовыхъ постахъ было большее количество окровавленныхъ головъ, чѣмъ въ предыдущій день, и, слѣдовательно, больше работы для меня и моихъ сослуживцевъ. Въ этой стычкѣ мнѣ пришлось перекинуться нѣсколькими словами съ королемъ неаполитанскимъ. Онъ былъ очень энергиченъ, появляясь то пѣшкомъ, то на лошади; заботился о раненыхъ и проявилъ къ нимъ много участія. Во время стычки онъ стоялъ на холмѣ, глядя въ зрительную трубу, когда промчались мимо наши конные егеря, и когда потребовали врача. Я, ближайшій, поскакалъ туда и нашелъ раненаго въ шею французскаго офицера. Король хотѣлъ сейчасъ узнать, опасна ли рана? Въ то время, какъ офицера раздѣвали, онъ давалъ на всѣ заданные королемъ вопросы ясные отвѣты. Я нашелъ колотую рану на правой сторонѣ шеи, задѣвшую кожу

въ 1814 году кавалеріей гвардіи, сдѣлался при Людвигѣ Филиппѣ маршаломъ, министромъ и посланникомъ. Несмотря на неблагопріятвый отзывъ Рооса, онъ былъ, безъ сомнѣнія, способнымъ начальникомъ кавалеріи.

(Прим. издателя оригинала).

и сильно кровоточащую; однако, кровеносный сосудъ не былъ поврежденъ. Я объяснилъ, что рана простая, что никакой важный органъ не поврежденъ, и что при благопріятныхъ условіяхъ она скоро заживетъ. Между тѣмъ какъ очистили и перевязали рану, я и офицеръ сѣли снова на лошадей, и онъ куда-то быстро поскакалъ, я поѣхалъ догонять своихъ. Во время этой стычки къ намъ перешли дезертиры, поляки изъ русскихъ уланъ; они сейчасъ же должны были слѣзать съ лошадей, находившихъ скоро новыхъ владѣльцевъ, и отправляться пѣшкомъ въ Вильно для допроса. Наполеонъ въ Вильно хотѣлъ показать полякамъ строгость дисциплины господствующей арміи. Онъ отдалъ приказъ, строжайше запрещавшій мародерство. Виновные подлежали смерти и поэтому въ Вильно и около него происходили казни. На третій или четвертый день послѣ того, какъ мы покинули этотъ городъ, мы встрѣтили дивизію кирасиръ, выстроенныхъ четыреугольникомъ; внутри его мы увидѣли четырехъ солдатъ, копавшихъ землю. На нашъ вопросъ, что это означаетъ, намъ отвѣтили: военный судъ приговорилъ ихъ за сдѣланныя ими безчинства къ смертной казни; они будутъ разстрѣляны и должны заранѣе сами себѣ вырыть могилы. Холодный ужасъ объялъ насъ. Позже мы узнали, что въ Вильно многіе были разстрѣляны, но нѣкоторымъ изъ приговоренныхъ удалось спастись бѣгствомъ.

Мы прослѣдовали черезъ Свенцяны 5-го іюля, въ полдень, мы кормили нашихъ лошадей у Догельшискъ, не доѣзжая Видзи, на холмѣ, засѣянномъ гречихой. По условіямъ мѣстности мы ожидали здѣсь нападенія врага. Въ этотъ день нашъ полкъ былъ въ авангардѣ. Мы шли по долинѣ, какъ вдругъ раздались орудійные выстрѣлы. «Впередъ! Галопомъ!»

раздалась команда, трубачи затрубили сигналъ, и полкъ понесся въ аттаку. Всѣ вскорѣ скрылись за лѣсомъ, изъ-за котораго стрѣляла артиллерія. Въ этотъ день мнѣ пришлось поработать. Раненыхъ было много. Перевязавъ всѣхъ, я отправился догонять свой полкъ, далеко за это время ушедшій впередъ. Я нашелъ своихъ опять выстроенными въ боевомъ порядкѣ, противъ нихъ—русскихъ. Обѣ стороны раздѣляла маленькая рѣка Дисна, и стычка казалась оконченной. Я доложилъ полковнику о своихъ дѣйствіяхъ и о количествѣ раненыхъ и убитыхъ. Онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ было еще много раненыхъ. Когда я пришелъ туда, первая помощь уже была подана. Мой другъ Вейсъ *) находился среди нихъ и жаловался мнѣ, что пуля, застрявшая у него въ бедрѣ, мѣшаетъ ему работать. Я нашелъ пулю въ бедренной мышцѣ и, послѣ глубокаго разрѣза въ ней, извлекъ пулю и, для его спокойствія, всунулъ ему ее въ руки. Въ этой стычкѣ мы лишились нашего поручика, принца Генриха фонъ Гогенлоэ-Кирхберга. Никто не зналъ убитъ ли онъ или взятъ въ плѣнъ? Когда я во второй разъ вечеромъ явился въ полкъ, полковникъ просилъ меня еще разъ поискать этого офицера. Мои поиски были напрасны: я не нашелъ ни мертвыхъ, ни раненыхъ, ни слѣдовъ того, что здѣсь происходило сраженіе. Моему вѣстовому, не видѣвшему еще ране-

*) Лейтенантъ Вейсъ изъ Сулгау при Дунаѣ прибылъ въ полкъ въ 1808 году съ австрійской службы, какъ унтеръ-офицеръ. Онъ 17 мая 1809 года въ сраженіи при Линцѣ взялъ въ плѣнъ австрійскаго полковника передъ фронтомъ своего полка, привелъ его къ намъ, сидящимъ на лошади и даже держащимъ шпагу въ рукахъ, и былъ произведенъ за это въ офицеры.

ныхъ и убитыхъ, военная жизнь еще нравилась, но съ того времени, какъ мы прошли Вильну, онъ лишился бодрости и энергіи. Въ началѣ только что описанной схватки два пушечныхъ ядра просвистѣли надъ нами, и, когда одно изъ нихъ упало совсѣмъ близко отъ его лошади, онъ упалъ съ лошади, и я думалъ, что онъ убитъ. Однако, вскорѣ его вопль: «Іисусъ Марія!» убѣдилъ меня въ противномъ. Не мало труда пришлось затратить, чтобъ заставить его снова сѣсть на лошадь. У него появились признаки нервнаго разстройства, болѣзнь эта вполнѣ развилась. Но когда я ему однажды заявилъ, что пошлю его съ двумя лошадьми въ депо въ Лепель, у него сразу обнаружились ясные симптомы выздоровленія. Одну изъ лошадей, захваченныхъ полкомъ въ этой стычкѣ, я взялъ себѣ; ниже я разскажу подробнѣе объ этомъ хорошемъ животномъ. 6-го іюля мы простояли на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе. Мы получили извѣстіе изъ непріятельскаго лагеря, что принцъ Гогенлоэ взятъ въ плѣнъ и раненъ. Онъ самъ написалъ нѣсколько строкъ и просилъ прислать ему бѣлье и деньги. Вещи и деньги были отосланы ему съ его вѣстовымъ, который передалъ ихъ на русскіе передовые посты. Спустя 11 лѣтъ я встрѣтился съ княземъ въ Петербургѣ.

7-го іюля мы перешли наведенный на скорую руку мостъ черезъ рѣку Дисну. Вскорѣ встрѣтили русскую кавалерію; она отступала въ такомъ большомъ порядкѣ, что казалось сейчасъ перейдетъ въ наступленіе; однако, этого не произошло. Мы слѣдовали за ней на довольно близкомъ разстояніи. Вечеромъ мы повернули влѣво и двигались по лѣвому берегу Двины. 14-го іюля мы расположились лагеремъ въ маленькой деревушкѣ за лѣсомъ, польскіе гусары стояли впереди насъ, а прусскіе уланы и

французскіе егеря и гусары — рядомъ съ нами. Думали, что непріятель находится за Двиной, однако, на другое утро, 15-го іюля, онъ насъ такъ рано и быстро поднялъ съ мѣстъ, что не было времени даже протереть глаза. Русская кавалерія напала на стоящій впереди насъ польскій и французскій гусарскіе полки, обошла флангъ и захватила въ плѣнъ болѣе, чѣмъ эскадронъ. Это нападеніе было произведено такъ быстро, что русскіе успѣли отойти за рѣку, прежде чѣмъ прибыли мы. 18-го іюля вечеромъ, мы приближались къ русскому лагерю у Дриссы съ его окопами. У многихъ, вѣроятно, тогда при приближеніи къ этому необыкновенной высоты окопу, имѣвшему значительное число амбразуръ, тревожно билось сердце. Чѣмъ ближе подходили мы къ укрѣпленіямъ, тѣмъ тише мы всѣ становились; не слышно было ни стука оружій, ни отхаркиванія, ни кашля; ни одна лошадь не ржала. Каждую минуту мы ожидали огненнаго привѣтствія со стороны этого окопа. Вдругъ тишина смѣнилась какимъ-то бормотаньемъ и затѣмъ перешла въ хохотъ. Не оказалось ни пушки, ни солдата въ этомъ колоссѣ-окопѣ. На брустверѣ прохаживался мужичокъ, принятый нами раньше за часового, и разосланные патрули вскорѣ принесли извѣстіе, что русскіе, рано утромъ покинули свой лагерь и это укрѣпленіе. Утомительные переходы и постоянныя голодовки вызвали значительную потерю въ людяхъ и лошадяхъ. Вечеромъ, 22-го, мы расположились лагеремъ на полѣ, покрытомъ пышно зеленымъ житомъ.

Подъ проливнымъ дождемъ достигли мы на другое утро Двины, черезъ которую мы должны были переправиться, согласно полученному только что приказу. Мостъ еще не былъ наведенъ. Мы

не высыхали въ теченіе многихъ дней, и теперь холодное купаніе не было никому пріятно, тѣмъ болѣе, что мы всѣ находились въ болѣе или менѣе болѣзненномъ состояніи. Ширина рѣки Двины здѣсь равнялась 80—90 шагамъ. Я послѣдовалъ за первымъ эскадрономъ, направившимся внизъ къ берегу, и переправа прошла благополучно, но мы всѣ страшно промокли; никто изъ нашихъ не утонулъ, послѣдовавшіе за нами полки имѣли потери.

Когда черезъ рѣку переправилась вся дивизія, мы двинулись вверхъ по теченію и вечеромъ расположились лагеромъ около имѣнія, которое не было, къ нашему удивленію, покинуто владѣльцомъ. Онъ щедро и охотно раздавалъ свои запасы. Каждый полкъ получилъ водки и другихъ съѣстныхъ припасовъ вдоволь; здѣсь-же я имѣлъ счастье спать въ первый разъ на русской землѣ подъ крышею амбара съ полковникомъ Гликомъ.

По хорошей столбовой дорогѣ мы, 24-го іюля, прибыли въ Полоцкъ. Мы были первыми непріятелями, приведшими въ страхъ жителей этого, оказавшагося столь важнымъ для насъ впослѣдствіи, города. Кромѣ евреевъ показывались лишь немногіе обыватели. Мы расположились лагеромъ и теперь какъ и всегда, не въ городѣ, а въ красивомъ полѣ, около дороги, ведущей въ С.-Петербургъ. Я отправился въ городъ за лекарствами, потому что пріобрѣтенныя въ Вильнѣ были уже на исходѣ, а количество заболѣваніи поносами все увеличивалось. Я обратился къ монастырскому аптекарю, очень предупредительному человѣку, но не предъявлялъ такихъ претензій, какъ мои коллеги, пришедшіе послѣ меня. Я взялъ только самое нужное. Аптекарь разсказалъ мнѣ многое о русскомъ императорѣ, о русской арміи, покинувшей вчера Полоцкъ

и о плѣнныхъ, которыхъ провели. Онъ далъ мнѣ также точныя свѣдѣнія о самочувствіи принца фонъ-Гогенлоэ, получившаго шесть колотыхъ ранъ. Въ приличномъ еврейскомъ трактирѣ я получилъ за деньги ужинъ и хорошее пиво, послѣ чего вернулся обратно въ лагерь. Въ эту ночь прибыла къ намъ легкая кавалерія маршала Нея. Вѣроятно голодъ заставилъ ее сдѣлать экскурсію въ городъ. Утромъ они привезли въ свой лагерь много разныхъ вещей, но, правда, большею частью совершенно ненужныхъ.

25-го іюля, по красивой дорогѣ, на правомъ берегу Двины, мы двинулись вверхъ по теченію къ Витебску. Легкая кавалерія Нея, бывшая во главѣ нашего отряда, уже въ полдень вошла въ соприкосновеніе съ арьергардомъ русскихъ, которымъ, какъ говорили, командуетъ генералъ Дохтуровъ. Слѣдующій день прошелъ спокойно. Мы было уже расположились лагеремъ на поросшей можжевельникомъ полянѣ, вправо отъ дороги, какъ вдругъ четыре баварскихъ легкихъ полка полною рысью пронеслись мимо насъ въ лѣсъ. Прискакалъ французъ офицеръ, маленькій человѣкъ на громадной лошади. Онъ привезъ приказъ поддержать баварцевъ. Мы прибыли на мѣсто схватки, но поздно; русскіе уже отступили. Утромъ 27 на разсвѣтѣ мы снялись съ лагеря. Еще наканунѣ на лѣвомъ берегу Двины началась канонада, усилившаяся при нашемъ приближеніи. Мы не сомнѣвались въ побѣдѣ нашего оружія, но удивлялись, почему нашъ отрядъ, въ которомъ было все-таки свыше 4.000 человѣкъ, не принимаетъ никакого участія въ этомъ сраженіи. Объяснилось это лишь на слѣдующее утро: русскіе, которыхъ мы преслѣдовали съ самаго Полоцка, сожгли за собою, близъ Витебска, мостъ,

чтобъ помѣшать дальнѣйшему преслѣдованію. Говорили, что Наполеонъ посылалъ къ намъ во время боя трехъ адъютантовъ съ приказаніемъ переправиться черезъ рѣку выше города и зайти въ тылъ русскимъ, но всѣ трое утонули. Мы узнали дальше, что Наполеонъ побѣдилъ и находится въ городѣ. На другой день мы получили приказъ переправиться черезъ Двину. По дорогѣ мы натолкнулись на помѣстье и наскоро разграбили его и прибыли на берегъ Двины. Перейти рѣку намъ помогли крестьяне, знаками указавшіе намъ направленіе. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ русскихъ раненыхъ, которыхъ я перевязалъ. Мы остановились недалеко отъ города и, конечно, прежде всего занялись, пользуясь благопріятной погодой, сушкой нашей одежды. Затѣмъ я поѣхалъ въ городъ за лѣкарствами, но я ихъ не досталъ. Тщетно я искалъ и чего-нибудь съѣдобнаго. За исключеніемъ куска льда для утоленія сильной жажды, многобѣщавшій городъ не далъ мнѣ ничего.

ГЛАВА IV.

Изъ Витебска насъ скоро двинули впередъ, вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, но догнать его сегодня намъ не удалось. На привалъ мы расположились на берегу большого озера. Теплая погода, прозрачная вода, позволявшая видѣть чистое песчаное дно, пробудили въ насъ желаніе выкупаться. Во время купанья, какъ офицеры, такъ и солдаты стирали свое бѣлье и сушили его на берегу. Частое купанье было единственнымъ удовольствіемъ, которое намъ позволяли условія жизни, время года и климатъ, но все-таки и это удовольствіе отравлялось необходимостью выполнять обязанности прачекъ. Рубка дровъ, разведеніе огня, приготовленіе

пищи и даже косьба зернового хлѣба и травы, уже давно исполнялось нами на равнѣ съ солдатами. Молоть и печь научились мы позже; «дармоѣдничать,» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, никому не разрѣшалось.

Слѣдующій привалъ мы сдѣлали въ мѣстечкѣ Лесна. Ручей со студеной водой помогалъ переносить дневную жару, а найденная нами пища сдѣлала этотъ день праздникомъ. Менѣе благопріятенъ былъ нашъ привалъ на слѣдующій день близъ большой дороги, на выжженомъ солнцемъ полѣ. Направо отъ насъ былъ еловый лѣсъ, а на лѣво озеро, у котораго стояла мельница. Подъ палящими лучами солнца лежали вскорѣ блѣдные, истощенные солдаты. Жаркіе дни и очень холодныя ночи, которыя приходилось проводить на голой землѣ, въ связи съ плохимъ питаніемъ и отвратительной водой, вызвали усиленіе гастрическихъ заболѣваній, какъ я говорилъ выше, свирѣпствовавшихъ у насъ. Почти всѣ жаловались на недомоганіе, усталость и невозможность сѣсть на коня. Однако, избѣжать послѣдняго было невозможно, такъ какъ въ случаѣ отказа, въ ходъ пускались палки.

Спокойствіе наше скоро было нарушено упавшими недалеко отъ насъ двумя снарядами. Протрубили сигналъ: «На лошадей!» Я только что хотѣлъ сѣсть на коня, какъ быстро подскакавшій ко мнѣ нашъ полковникъ попросилъ слѣдовать за нимъ. Оказалось, что невдалекѣ отъ мѣста нашей стоянки польскіе офицеры устроили дуэль. Когда мы прискакали туда—на мѣстѣ остался только трупъ,—секунданты и дуэлянтъ успѣли скрыться. Меня попросили изслѣдовать лежавшаго. Я констатировалъ смерть. Польскій адъютантъ обыскалъ убитаго, забралъ себѣ всѣ его бумаги, а остальныя вещи и деньги раздѣ-

лилъ со мной (не знаю, это, вѣроятно, польскій обычай, но я этого не требовалъ). Себѣ адъютантъ взялъ трубку и огниво, а мнѣ далъ красивую табакерку съ изображеніемъ Нельсона. Изъ денегъ я получилъ четыре серебряныхъ рубля. Пряча эти новыя для меня монеты, я думалъ: Когда-нибудь онѣ будутъ воспоминаніемъ объ этой минутѣ. Въ сумкѣ еще нашлась колбаса. «Partes accánales, amicà!» сказалъ полякъ. Пустили въ ходъ саблю и раздѣлили пополамъ колбасу, составлявшую для насъ обоихъ нѣчто самое полезное и пріятное. Покончивъ со всѣмъ этимъ, я догналъ нашихъ.

Остановились мы въ чьемъ-то великолѣпномъ помѣстьѣ, весьма красивомъ и живописномъ. Мы прожили здѣсь нѣсколько дней. На поляхъ было много корма для нашихъ лошадей; въ хлѣбѣ и мясѣ также не было недостатка. Погода была хорошая, теплая; солдаты забавлялись, качаясь на качеляхъ, выстроенныхъ на лужайкѣ передъ барскимъ домомъ. Все бы на этой стоянкѣ было превосходно, если бы не то, что мы должны были довольствоваться плохой водой, увеличивавшей желудочныя заболѣванія. До сихъ поръ я имѣлъ еще нѣкоторые лѣкарства и могъ кое-какъ бороться съ этой эпидеміей. Достигалъ я этого тѣмъ, что на каждомъ привалѣ раздавалъ «мятный чай». Когда запасъ мяты истощался, перешли къ бузинѣ. Тѣмъ, которые особенно страдали, я давалъ помимо этого напитка опійную настойку съ гофманскими каплями, и пока у меня были всѣ эти полезныя средства, все шло сносно. Всѣ кое-какъ двигались, несмотря на то, что причины, вызывавшія заболѣванія, не исчезали. Многимъ принесли чрезвычайную пользу, при припадкахъ упомянутаго рода, густые мучнистые супы или каши. Я рекомендовалъ ихъ всѣмъ; они

понравились, сдѣлались общеупотребительнѣе и, наконецъ, любимой пищей въ нашихъ лагеряхъ; не будь въ нихъ у насъ недостатка, многіе сохранили бы жизнь. Въ этомъ лагерѣ, впрочемъ, всѣ мои лѣкарства вышли, и я оказался совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ этой болѣзнью. Правда, на этой остановкѣ не было недостатка въ мясѣ, и я замѣнилъ мяснымъ бульономъ настой мяты.

Здѣсь догналъ насъ и нашъ маркитантъ, привезшій вина изъ Вильно и Витебска; правда, имъ могли пользоваться только тѣ, кто имѣлъ деньги или кредитъ. Аудиторъ полка, Крафтъ, принявшій на себя за Нѣманомъ начальствованіе надъ транспортомъ нашихъ съѣстныхъ припасовъ и фуража, также прибылъ къ намъ. Отъ него мы узнали о положеніи въ тылу арміи. Извѣстія были не радостныя. Онъ разсказывалъ о большой нуждѣ, которую испытывала армія въ съѣстныхъ припасахъ, о пожарахъ и грабежахъ, о множествѣ погибшихъ отъ жары, голода и жажды, и о болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ во всѣхъ лагеряхъ. Нашихъ земляковъ онъ встрѣтилъ въ лагерѣ у Лесны; горестно, присовокупилъ онъ, было смотрѣть, какъ офицеры и солдаты лежали больные въ лагерѣ; поносы такъ сильно свирѣпствовали тамъ, что невозможно было производить ученіе и едва отправлялась обыкновенная служба. Всѣ дома были переполнены больными, многіе умирали, и въ самомъ лагерѣ происходила такая бѣготня за фронтъ, какъ будто всѣмъ полкамъ сразу даны были слабительныя средства. Этотъ аудиторъ съ большими трудностями доставилъ въ Вильно транспортъ съѣстныхъ припасовъ, фуража и убойнаго скота. Онъ видѣлъ невозможность слѣдовать со всѣмъ этимъ дальше и поэтому продалъ тамъ евреямъ все, что имѣлъ для

насъ, за исключеніемъ убойнаго скота. Отъ продажи онъ выручилъ много денегъ и передалъ ихъ полковнику. Говорили, что онъ самъ ничего изъ этого не сохранилъ для себя. Какъ это ни странно, этому не хотѣли вѣрить. Какъ ничто не вѣчно на землѣ, такъ и солдатское благополучіе. Спустя два дня, русскіе завладѣли этими деньгами.

Командиръ, видно, зналъ о томъ, что мы остаемся на нѣкоторое время въ этомъ мѣстѣ. Онъ, вскорѣ послѣ нашего прихода, послалъ одного, знающаго нѣсколько польскій языкъ, унтеръ-офицера съ шестью рядовыми въ окрестности. Онъ долго не возвращался; думали, что его захватили русскіе, и, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, онъ возвратился цѣлымъ и невредимымъ съ нѣсколькими телѣгами, наполненными снѣдью. Все привезенное поѣдалось безъ разбора и, конечно, скверно повліяло на здоровье. Извѣстія, привезенныя унтеръ-офицеромъ, не были пріятны для насъ—дружелюбное или, по крайней мѣрѣ, равнодушное отношеніе къ намъ со стороны населенія, тамъ, дальше смѣнялось враждебнымъ. Всѣ противъ насъ; все готово или къ защитѣ, или къ бѣгству; вездѣ меня осыпали упреками и бранью. Никто не хотѣлъ чего-нибудь давать; я долженъ былъ все брать силой. Крестьяне снабжены пиками, и дворяне командуютъ ими. Между тѣмъ, мы узнали, что Наполеонъ въ Витебскѣ, осматриваетъ тамъ укрѣпленія и прилежно производитъ смотръ своей гвардіи.

Такъ провели мы въ этомъ лагерѣ (все время стояла ужасная жара) семь дней. 8-го августа, на разсвѣтѣ, при первыхъ солнечныхъ лучахъ, становящихся видимыми здѣсь на много раньше, чѣмъ въ Швабіи у Дуная, раздалася боевая тревога, и засвистали пули. Мы увидѣли, какъ русскіе преслѣ-

довали стоявшіе впереди французскіе полки, отступавшіе теперь въ страшномъ безпорядкѣ. Въ такихъ случаяхъ я всегда былъ однимъ изъ первыхъ на конѣ и видѣлъ, такимъ образомъ, плохой исходъ сраженія по замѣшательству бѣгущихъ французовъ. Мы, союзники, какъ и часто прежде, не потеряли присутствія духа, и двигались въ порядкѣ, уменьшая этимъ быстроту натиска русскихъ. Прусскіе уланы тѣснили правое крыло русскихъ; наши егеря дѣйствовали въ центрѣ, въ то время, какъ польскіе гусары защищали столбовую дорогу у имѣнія и охраняли ее для нашего отступленія. Здѣсь мы впервые увидѣли направленные противъ насъ луки со стрѣлами, большая часть которыхъ, однако, не достигала цѣли. Одному польскому офицеру стрѣла попала въ правое бедро, а у одного изъ нашихъ кавалеристовъ такая-же стрѣла засѣла въ платьѣ; обѣ стрѣлы мы долго сохраняли на память. Работы для врачей оказалось немного. Наша бригада, ослабленная значительнымъ количествомъ больныхъ, не могла долго устоять противъ возобновившагося натиска русскихъ, далеко превосходящихъ насъ числомъ и силой. Новымъ нападеніемъ они заставили нашъ отрядъ отступить. Отступили сначала сомкнутыми рядами, но этотъ порядокъ продолжался недолго, потому что русскіе своими быстрыми натисками опрокинули насъ и заставили обратиться въ бѣгство. Только прибытіе свѣжей кавалеріи и легкой артиллеріи спасло насъ отъ гибели и положило конецъ кровавой стычкѣ. Я, между тѣмъ, устроился со своими ранеными въ безопасномъ мѣстѣ, недалеко отъ вюртембергской конной артиллеріи.

Въ этой схваткѣ мы понесли слѣдующія потери: Адъютантъ Бацъ, въ пылу сраженія не замѣтившій

нашего отступленія, былъ взятъ въ плѣнъ. Полковника графа Вальдбургъ-Вурца, при отступленіи, послѣ возобновившагося натиска русскихъ, погнавшихъ нашъ полкъ черезъ лагерь польскихъ гусаръ, постигло несчастіе: его лошадь, перепрыгнувшая черезъ бивуачную веревку, зацѣпилась и упала, такъ что онъ вмѣстѣ съ подъѣхавшими къ нему на помощь нѣсколькими солдатами былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Молодой офицеръ фонъ Горнштейнъ, уже упавъ раненымъ съ лошади все же еще защищался и былъ снова, на этотъ разъ тяжело, раненъ и вскорѣ скончался. Четвертый, Шенгаммеръ, отъ испуга потерялъ всякое мужество (впрочемъ, можетъ-быть, онъ его и не имѣлъ никогда) и велъ себя такъ, что прочіе офицеры отказались отъ его общества. Онъ въ походѣ былъ при багажѣ, позже попалъ въ плѣнъ. Мы потеряли нѣсколькихъ трубачей и унтеръ-офицеровъ и довольно много егерей убитыми и плѣнными. Раненые, которыхъ успѣвали принести ко мнѣ, всѣ избавились отъ плѣна.

ГЛАВА V.

Наше несчастіе совершенно лишило генерала Себастіани той незначительной любви, которую нѣкоторые изъ насъ къ нему питали, а Наполеона заставило покинуть Витебскъ. На дневкѣ въ мѣстечкѣ Любовицахъ мнѣ пришлось наблюдать новый способъ изготовленія хлѣба. Французскіе гренадеры въ манеркахъ размѣшивали муку и тутъ-же мѣсили ее и придавали форму лепешекъ, затѣмъ клали на горячіе уголья и пепелъ и часто поворачивали сабельными клинками, чтобъ хлѣбъ не пригорѣлъ; затѣмъ, когда тѣсто становилось твердымъ, стряхи-

вали прилипшіе пепелъ и кусочки угля, очищали хлѣбъ и клали въ сторону. Когда выпекали весь запасъ тѣста, производился дележъ.

Наши кавалеристы стояли за садами у лѣса; въ садахъ нѣкоторые нашли улья на деревьяхъ. Мы уже давно удивлялись проворству, съ какимъ солдаты доставали медъ. Они принесли массу меда въ лагерь, такъ что этотъ день, день моего рожденія—мнѣ минуло тогда 32 года,—былъ въ прямомъ смыслѣ слова для меня подслащенъ. Отсюда мы быстрыми переходами двинулись къ Смоленску. Я не знаю названій всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ мнѣ пришлось побывать въ этомъ походѣ. Рѣдко представлялся случай спросить названіе мѣстечка или деревни, потому что обыватели убѣгали или прятались; если кое-гдѣ мы это и узнавали отъ нашихъ поляковъ, то намъ трудно было запомнить всѣ эти, чуждо звучавшія для насъ, названія. Посланные однажды на рекогносцировку, мы легко нашли своихъ, тѣ всегда двигались по данной дорогѣ. Мы всегда узнавали шли ли русскіе или наши. Отличали слѣды копытъ лошадей по роду ихъ оковки и слѣды колесъ. Да и войска оставляютъ всегда нѣчто, что помогаетъ опредѣлить, къ какой націи они принадлежатъ. Каждой арміи свойственъ специфическій запахъ, который точно узнаютъ старые воины. По лагернымъ мѣстамъ труднѣе узнавать, кто ихъ занималъ; но и въ этомъ отношеніи эта война имѣла нѣкоторыя особенности, позволявшія безошибочно рѣшать, кѣмъ занимался оставленный лагерь. Отбросы людей и животныхъ за фронтами русскихъ лагерныхъ линій указывали на довольно хорошее состояніе здоровья, въ то время, какъ у насъ постоянно находили ясныя доказательства того, что люди и лошади страдали поносомъ.

Рекогносцировка, о которой я говорю, была направлена въ сторону Могилева. Какъ единичная личность въ арміи никогда, или рѣдко, знаетъ почему или для чего предпринимается то или иное дѣйствіе, такъ и командиры часто не знаютъ этого. Походъ нашей дивизіи въ сторону отъ арміи, казалось намъ, имѣлъ цѣлью охрану тыла или соединеніе съ другими корпусами арміи. Мы не участвовали во всемъ томъ, что происходило кругомъ и внутри Смоленска, но мы были, такъ недалеко отъ города, что ночью видѣли зарево отъ пожара, а днемъ столбы дыма. Въ то время, какъ многіе истекали кровью и терпѣли нужду и голодъ, мы почти не испытывали ни въ чемъ недостатка, потому что мы находились въ мѣстности, совершенно внѣ театра войны. Исключеніе, однако, составляли Могилевъ и за нимъ мѣста нашихъ прежнихъ стоянокъ: Инково, Кудня, Лесна, мимо которыхъ мы снова проходили. Въ первомъ городѣ солдаты, посланные искать провіантъ, принесли табакъ и другіе не съѣдобныя вещи. Мнѣ эскадронный кузнецъ принесъ медицинскія книги и гинекологическіе инструменты, которые я сохранялъ до сраженія при Бородинѣ, гдѣ наши повозки были отобраны для раненыхъ, а содержимое было просто выброшено. У Инкова мы нашли нашихъ убитыхъ еще не похороненными: тутъ же валялись каски и другой головной уборъ солдатъ, части обмундировки, конская сбруя. Въ Леснѣ мы встрѣтили вюртембергскій лазаретъ, съ главнымъ врачемъ котораго Шлайеромъ, я познакомился во время рейнскихъ кампаній. Этого обыкновенно жизнерадостнаго человѣка я нашелъ теперь въ очень меланхолическомъ настроеніи. Изъ его разсказовъ мнѣ тотчасъ стала ясна и причина его меланхоліи. Онъ былъ одинъ изъ многихъ, не

одобрявшихъ этой войны, равно какъ и повода ея, предвидя ея ужасныя послѣдствія. Давно уже утомленный массой работы, въ тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени, онъ не могъ даже, какъ слѣдуетъ, выспаться. Къ этому прибавились еще служебныя непріятности (его обошли при производствѣ) и несчастія въ семейныхъ отношеніяхъ; кромѣ того вліяло на настроеніе то обстоятельство, что больные, оставленные армейскимъ корпусомъ въ Леснѣ на его попеченіе, умирали отъ злокачественности свирѣпствующаго поноса, такъ какъ не хватало лѣкарствъ. Его все время окружали выздоравливающіе, положеніе которыхъ, благодаря отсутствію питательной, укрѣпляющей пищи и напигковъ, было также не важно. Незначительный запасъ зерна, которымъ онъ располагалъ, позволялъ давать больнымъ только небольшія порціи хлѣба. Въ общемъ положеніе очень напоминало осажденную крѣпость, гдѣ, желая оттянуть сдачу или надѣясь на скорое освобожденіе. выдаютъ все меньшія порціи и, наконецъ, прибѣгаютъ къ мясу лошадей, собакъ, кошекъ и т. п. Но здѣсь было еще хуже: совершенно не было мяса.

Мы покинули на другое утро нашъ лагерь, и я оставилъ моего больного коллегу въ Леснѣ. Онъ получилъ скоро послѣ того приказъ слѣдовать со своими выздоравливающими за армейскимъ копусомъ *) и привести больныхъ въ Смоленскъ. Борясь со многими затрудненіями и безпрерывной нуждой, обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, онъ сдѣлалъ то, что дѣлали до и послѣ него многіе:

---

*) Вюртембергцы не сосавляли, какъ баварцы, отдѣльнаго корпуса арміи, но было въ обыкновеніи у насъ говорить: нашъ корпусъ, нашъ армейскій корпусъ.

онъ покончилъ ставшую ему ненавистной жизнь бистуреей, перерѣзавъ себѣ горло. За все время, что наша дивизія шла отдѣльно отъ арміи, мы имѣли только одну стычку съ казаками. Мы ночевали въ маленькой долинѣ, по которой протекалъ небольшой ручей. Мы были разбужены криками: «Русскіе здѣсь!» Не видя давно непріятеля, мы считали себя въ безопасности; устроились удобно и предавались отдыху беззаботнѣе, чѣмъ обыкновенно. Несмотря на это мы быстро усѣлись на коней, и часть дивизіи двинулась впередъ. Не слышно было ни выстрѣла, ни крика, и мы рѣшили, что это ложная тревога. Однако въ дѣйствительности это было не такъ. Отрядъ казаковъ на разстояніи получаса окружилъ нашъ пикетъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ польскихъ гусаръ съ офицеромъ, и взялъ ихъ въ плѣнъ. Къ концу августа окончился нашъ походъ къ Днѣпру, мы прибыли въ Дорогобужъ, расположились здѣсь лагеремъ; на другой день перешли рѣку и ступили на столь богатую событіями смоленскую дорогу. Всѣ области русскаго государства, черезъ которыя мы прошли, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, красивы и очень плодоносны. Всюду мы встрѣчали тучныя нивы и богатые фруктовые сады, особенно въ богатыхъ помѣстьяхъ близъ Могилева и Смоленска. Мы могли убѣдиться и въ хорошей постановкѣ скотоводства, особенно тамъ, гдѣ мы появлялись неожиданно до бѣгства обывателей. Все это, однако, исчезло и смѣнялось при приближеніи къ Дорогобужу страшнымъ опустошеніемъ, произведеннымъ такой великой войной и ея грубыми подмастерьями. Раннимъ утромъ 1-го сентября мы вошли въ Дорогобужъ, вѣрнѣе въ его развалины. Кое-гдѣ торчали закопченыя каменныя стѣны домовъ. Огонь пощадилъ только церковь и нѣсколько

зданій. Эти уцѣлѣвшіе дома были заняты небольшимъ гарнизономъ вестфальцевъ; но церковь, первая русская церковь, которую мнѣ удалось посѣтить, имѣла такой видъ, какъ будто ярость грабителей искала въ ней того, что въ городѣ у нихъ вырвало пламя.

Въ Дорогобужѣ мы узнали, что произошло въ великой арміи за время нашего отсутствія. Намъ совѣтовали запастись здѣсь всѣмъ необходимымъ, потому что на пути, пройденнымъ арміей, найти уже ничего нельзя. Но взять тамъ гдѣ ничего нѣтъ довольно трудно, если не невозможно. Мы должны были поэтому слѣдовать дальше безъ всякихъ запасовъ. Мы продолжали нашъ путь по дорогѣ, превратившейся въ необитаемую пустыню. Мы встрѣтили утромъ курьера, отправленнаго Наполеономъ изъ Вязьмы въ Вильно. У него не было времени выслушать наши вопросы, однако онъ сказалъ намъ, чтобы мы поспѣшили, если хотимъ принять участіе въ генеральномъ сраженіи. Мы прошли въ тотъ день 42 версты. По пути, приблизительно на разстояніи одной версты вправо отъ большой дороги, мы видѣли монастырь (Болдинъ), о которомъ у насъ говорили, что это женскій монастырь, гдѣ французы не только все ограбили, но наслаждались еще и любовью, разумѣется, путемъ насилія. Вечеромъ мы расположились у красиваго помѣстья расположеннаго на холмѣ, и нашли здѣсь много зрѣлаго жита для нашихъ усталыхъ лошадей, все остальное было давно съѣдено. Жителей тѣхъ мѣстностей мы не видѣли даже и тогда, когда мы ища провіантъ удалялись далеко отъ дороги. Какъ города и деревни, такъ и близкіе къ дорогѣ лѣса носили на себѣ поразительнѣйшіе слѣды этой опустошительной войны. Мы ежедневно встрѣчали массы отста-

лыхъ. Часто мы догоняли маленькія телѣги, запряженныя двумя жалкими лошадками (ихъ называли, коверкая русское слово кони, «коньяки»). Въ телѣгахъ возсѣдали три-четыре гордыхъ гвардейца или гренадера, сидѣвшихъ почти другъ на другѣ. За телѣгой обыкновенно слѣдовали группы солдатъ, страдающихъ отъ тяжести своего багажа, который счастливые обладатели телѣги иногда позволяли складывать на ней. Встрѣчались иногда огромные кирасиры верхомъ на маленькихъ польскихъ лошадкахъ, волочившіе ноги по землѣ. Часто такого всадника окружали многіе изъ его товарищей, идущихъ пѣшкомъ. Группы смѣшныхъ жалкихъ фигуръ тащились за великой арміей къ великой цѣли-Москвѣ. Отряды грабителей, мародеровъ, легко раненыхъ и отставшихъ изъ-за поисковъ пищи, все это двигалось туда, гдѣ,—они думали, окончатся всѣ ихъ несчастья.

4-го сентября мы прибыли въ Вязьму. Здѣсь мы встрѣтили многихъ раненыхъ офицеровъ и солдатъ изъ отряды Мюрата, разсказавшихъ намъ, что за городомъ русская кавалерія оказала настолько упорное сопротивленіе, что всѣ были увѣрены въ неизбѣжности генеральнаго сраженія именно здѣсь. Мы расположились лагеремъ на разстояніи одной мили отъ Вязьмы, довольно далеко вправо отъ дороги, у деревни, расположенной на берегу небольшой рѣчки. Здѣсь мы нашли все необходимое для питанія людей и лошадей. Это обстоятельство меня такъ обрадовало, что я рѣшилъ побродить прогулки ради въ живописныхъ окрестностяхъ и вернулся въ лагерь въ такомъ радостномъ настроеніи, какъ будто провелъ вечеръ въ вѣнскомъ Пратерѣ. Въ эту ночь и на другое утро мы впервые почувствовали холодъ; ночью мы очень мерзли, но полуденное

солнце снова насъ согрѣло. 5-го сентября рано утромъ мы приблизились къ городу Гжатску. Здѣсь впервые встрѣтили мы кавалеристовъ въ женскихъ шубахъ и наушникахъ изъ овечьяго мѣха. Хотя эти новые костюмы доставляли много матеріала для смѣха, ихъ не запрещали. Въ это время маіоръ нашего полка, фонъ-Гансбергъ, подарилъ мнѣ шубу. За этотъ даръ я и теперь еще благодаренъ ему отъ всей души. Этотъ подарокъ я берегъ, какъ золото и только за Оршей, потерявъ при отступленіи лошадь, я, чтобъ было легче итти, принужденъ былъ снять ее и бросить въ оврагъ. Гжатскъ мы миновали 6-го; онъ несмотря на то, что почти сплошь состоялъ изъ деревянныхъ строеній, пострадалъ отъ огня сравнительно немного; намъ сказали, что третьяго дня здѣсь ночевалъ Наполеонъ. Наканунѣ мы слышали сильную пальбу изъ пушекъ. Мы встрѣчали многихъ раненыхъ изъ частей участвовавшихъ во взятіи перваго окопа, передъ русскимъ лагеремъ при Бородинѣ *). Среди отставшихъ мы съ удивленіемъ замѣтили многихъ молодыхъ офицеровъ нашего пѣхотнаго корпуса. Они разсказали намъ, что ослабленные боемъ при Смоленскѣ, полки обращены въ батальоны, вслѣдствіе чего они, какъ сверхкомплектные получили приказъ слѣдовать къ главной квартирѣ. Этотъ путь они совершали верхомъ на маленькихъ польскихъ лошадяхъ, багажа, за исключеніемъ мѣшка съ хлѣбомъ, у нихъ не было.

Въ полдень мы подошли къ обширному, расположенному влѣво отъ дороги, монастырю. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались высшіе французскіе офи-

---

*) Рѣчь о предшествовавшей главному сраженію при Москвѣ, стычкѣ при Шевардинѣ (5 сентября).

Примѣчаніе издателя.

церы и ихъ прислуга; изъ этого мы заключили, что въ монастырѣ живетъ Наполеонъ. Но въ дѣйствительности здѣсь расположился штабъ и его свита и люди типографіи главной квартиры. Самъ же онъ былъ впереди въ лагерѣ, чтобъ приготовиться къ завтрашнему сраженію, о которомъ все болѣе и болѣе говорили кругомъ. Отсюда, направляясь далѣе впередъ, мы достигли какой-то маленькой рѣчки, на берегахъ которой во всѣхъ направленіяхъ были расположены большими линіями войска. Между монастыремъ и лагеремъ великой арміи мы замѣтили влѣво отъ дороги въ оврагѣ много рукъ и ногъ, а также труповъ; изъ этого мы заключили, что Ларрей *) устроилъ здѣсь походный госпиталь. Наконецъ-то мы опять соединились съ великой арміей. Это было бы для насъ праздничнымъ днемъ, еслибъ лишенія, нужда и тяжелыя предчувствія не парализовали радостнаго чувства. Мы должны были долго ждать на большой дорогѣ, пока намъ указали лагерное мѣсто, гдѣ, конечно, ничего не было приготовлено для нашихъ желудковъ. Мы разбили лагерь на указанномъ намъ мѣстѣ, рядомъ съ сильно порѣдѣвшимъ корпусомъ земляковъ. Я сейчасъ же привелъ въ исполненіе мое страстное желаніе увидѣть снова моихъ друзей; очень быстро я нашелъ моего школьнаго товарища, главнаго хирурга С. Кельрейтера. Онъ чувствовалъ себя хорошо и отлично выглядѣлъ. Замѣтивъ, что я далеко не такъ хорошо, какъ онъ, переношу тягости похода, онъ, какъ только мы обмѣнялись привѣтствіями, сказалъ: «Тебѣ надо подкрѣпиться» и предложилъ мнѣ хлѣба и водки. Мой другъ, не задолго передъ нашимъ приходомъ, получилъ письма изъ отечества. Онъ передалъ мнѣ ихъ содержаніе и,

*) Главный врачъ арміи Наполеона.

между прочимъ, печальную вѣсть о смерти его дяди—нашего учителя и начальника, доктора Якоби. Постоянныя лишенія и нужда, ужасныя картины разрушенія и смерти, печальныя вѣсти съ далекой родины и на завтра первое рѣшительное сраженіе этого похода, исхода котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ все это даетъ достаточное понятіе о нашемъ душевномъ настроеніи. Мы пробыли вмѣстѣ до поздняго вечера и разстались лишь потому, что каждый долженъ былъ еще приготовиться къ предстоящему сраженію.

ГЛАВА VI.

Въ ночь, предшествовавшую генеральному сраженію, немногіе спали. Мы видѣли удобныя позиціи, занятыя рускими, ихъ высокіе окопы. Знали, что они имѣли много тяжелыхъ орудій и думали, что для такого большого сраженія они собрали все и всѣхъ, что могло увеличить ихъ силу и численность. У насъ были твердо убѣждены, что мы числомъ превзойдемъ противниковъ, и если на нашей сторонѣ было преимущество въ опытности и въ искусствѣ нашихъ начальниковъ, то русскимъ нельзя было отказать въ храбрости и стойкости. Мои коллеги вчера вечеромъ мнѣ разсказали о слѣдующемъ характерномъ случаѣ: Наша кавалерія преслѣдовала колонну пѣхоты до Смоленска. Она такъ мужественно отбивала всѣ аттаки, что отступила въ полномъ порядкѣ. Инфантерія и артиллерія уже съ вечера заняла свои позиціи. Чуть забрежилъ разсвѣтъ, какъ мы уже усѣлись на коней; — люди и лошади ничего не ѣли, всѣ безъ завтрака. Мы двинулись вправо, по направленію къ лѣсу,

переполненному нашей пѣхотой. Передъ лѣсомъ былъ расположенъ лѣвый флангъ русской арміи, подъ прикрытіемъ большого редута. Было еще очень рано, солнце еще не взошло. Приказали слѣзть съ лошадей. Холодное утро принудило нашихъ солдатъ срубить нѣсколько вѣтокъ кустарника и развести огонь. Дымъ отъ костра поднимался прямо къ небу. Кто-то заключилъ по этому признаку о благопріятномъ исходѣ дня. Сдѣлалось свѣтлѣе, мы сѣли на коней, и адъютантъ графъ фонъ-Гревсницъ, на нѣмецкомъ языкѣ, прочелъ намъ извѣстный и замѣчательный суточный приказъ Наполеона. Адъютантъ былъ такъ возбужденъ предстоящимъ сраженіемъ, что вмѣсто того, чтобы закончить, какъ было написано: «У Москвы», закончилъ чтеніе такъ: «Москва, 7 сентября 1812 г. Наполеонъ».

Тѣмъ временемъ выглянуло солнце и началась битва. Первый редутъ на нашемъ правомъ флангѣ былъ взятъ. Взялъ его корпусъ Нея, въ составъ котораго входили французы, наши земляки и поляки подъ начальствомъ Понятовскаго. Мы пока были въ безопасности; ни одна пуля не достигала лѣса. Но вскорѣ дѣло стало серьезнѣе. Мы должны были отступить влѣво, но все же оставались внѣ выстрѣловъ. Мы рысью прошли мимо выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ полковъ и получили приказъ остановиться въ центрѣ боевой линіи, передъ центральнымъ русскимъ редутомъ, впереди колонны гвардейской пѣхоты. Впродолженіи всего сраженія эта колонна простояла здѣсь, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и не понеся никакихъ потерь; къ ней присоединили нѣсколько прусскихъ баттарей. Когда во время дальнѣйшаго боя пѣхота, поддерживаемая кирасирами, нѣсколько разъ ходила въ аттаки на

средній бастіонъ русскаго лагеря, непріятельскія пули дали больше перелетовъ, чѣмъ попаденій.

Я, между тѣмъ, нашелъ недалеко отъ нашего фронта такое удобное мѣсто, какое только могутъ пожелать себѣ врачи во время сраженія. Ровъ, по которому протекалъ маленькій ручей, обросшій здѣсь и тамъ кустами, сдѣлался мѣстопребываніемъ для меня, для моихъ помощниковъ и нашихъ лошадей. Я имѣлъ вначалѣ время поближе разсмотрѣть ужасную забаву; однако просвистѣвшія вблизи меня пули, охладили мое любопытство. Приводили и приносили офицеровъ, простыхъ солдатъ, саксонцевъ, вестфальцевъ, французовъ, вюртемберцевъ, иногда и русскихъ. Это были, большею частью, кавалеристы съ тяжелыми рваными ранами и раздробленными костями. Многое можно было бы сказать объ особенностяхъ пораненій и контузій, которыя я наблюдалъ у раненыхъ въ этомъ сраженіи и о поведеніи ихъ во время перевязки, но это завело бы разсказъ слишкомъ далеко. Я упомяну только о нѣкоторыхъ. Одному кирасиру гвардейскаго корпуса, человѣку гигантскаго роста, осколокъ гранаты разорвалъ совершенно, до самой кости, мышцы лѣвой ляшки. Висящіе раздѣльно мышцы и лоскутья кожи дѣлали рану прямо страшной, несмотря на почти полное отсутствіе крови. Вообще рваныя раны, благодаря параличу сосудовъ, не сопровождаются сильнымъ кровотеченіемъ; даже поврежденіе артеріи часто не вызываетъ крови. Напротивъ, при ранахъ, нанесенныхъ острымъ орудіемъ, всегда много крови. Этотъ длинный саксонецъ былъ также мужественъ, какъ и великъ ростомъ. «Моя рана,—сказалъ онъ,—хотя и большая, но скоро заживетъ, потому что я здоровъ и имѣю чистую кровь». Менѣе бодръ и увѣренъ въ себѣ былъ молоденькій офицеръ этого

же полка, принадлежавшій, вѣроятно, къ знатнѣйшему дворянскому роду своего отечества. Ружейная пуля пробила ему дельтовидную мышцу верхней части руки. Онъ не жаловался на боль, но досадовалъ по поводу того,что онъ раненъ и можетъ остаться калѣкой, что потерялъ лошадь и шинель и что находится такъ далеко отъ родины. Мнѣ было очень жаль этого юношу, и я охотно передалъ бы его послѣ перевязки его матери, еслибъ Гжатскъ былъ бы Дрезденомъ. Французы, въ общемъ, держали себ'я спокойно и не проявляли признаковъ нетерпѣнія; многіе умирали отъ тяжелыхъ пораненій картечью, прежде, чѣмъ доходила до нихъ очередь для перевязки. Этого нельзя сказать о союзникахъ. Такъ, одинъ вестфалецъ, потерявшій правую рукv, ругалъ и проклиналъ Наполеона и его брата и сожалѣлъ, что не можетъ имъ отомстить.

Въ полдень количество раненыхъ въ моемъ оврагѣ стало такъ велико, что медицинскій персоналъ полка не могъ уже со всѣми справиться и только сотрудничество прикомандированныхъ къ намъ врачей помогло оказать помощь всѣмъ нуждавшимся въ ней. Инымъ изъ этихъ раненыхъ суждено было навсегда остаться въ этомъ оврагѣ. За перевязанными раненными прибыла телѣга. Раненыхъ нашего полка отвозили на мѣсто нашей лагерной стоянки, другихъ помѣщали въ монастырѣ, расположенномъ неподалеку отъ поля сраженія; большую же часть раненыхъ размѣщали въ сосѣднихъ деревняхъ. Уборка раненыхъ и уходъ за ними въ этомъ сраженіи были весьма неудовлетворительны. Такъ, заранѣе не было опредѣлено даже мѣсто куда бы нужно было направлять получившихъ первую помощь раненыхъ. Прекращеніе на нѣкоторое время пушечной пальбы со стороны непріятеля

возбудило во мнѣ желаніе посмотрѣть, что происходитъ наверху у нашихъ. Я нашелъ, что они перемѣнили свою позицію и это, казалось, предвѣщало счастливый исходъ сраженія. Пушечная пальба прекратилась только на нашемъ флангѣ, въ другихъ же мѣстахъ бой продолжался съ прежней силой. На разстояніи, приблизительно, въ тридцать шаговъ влѣво отъ себя, я увидѣлъ, какъ уважаемый и любимый нами французскій дивизіонный генералъ Мондрюкъ внезапно поблѣднѣлъ и покачнувшись, упалъ съ лошади. Я поспѣшилъ къ нему на помощь, но меня предупредили французскіе врачи. Осколокъ гранаты смертельно ранилъ его въ область живота. Съ грустью вернулся я въ свой оврагъ. Притокъ раненыхъ въ это время нѣсколько уменьшился, потому что взяли второй большой редутъ, лежащій къ югу отъ насъ и аттака производилась, главнымъ образомъ, на правый флангъ непріятеля. Новоприбывшіе раненые разсказали намъ о многократныхъ аттакахъ на этотъ редутъ; о кучѣ труповъ, буквально заполнившихъ его, объ обоюдномъ упорствѣ, съ какимъ нападали и защищались.

Въ это время проѣхалъ мимо насъ съ большой свитой Наполеонъ. Его лицо, казалось намъ, выражало спокойствіе и довольство ходомъ сраженія; мы тогда не знали, что это лицо во всѣхъ обстоятельствахъ, въ счастьи и несчастьи, оставалось холодно спокойнымъ. Мимо насъ потянулись остатки полковъ, благодаря малочисленности не могшіе уже самостоятельно дѣйствовать, потерявшіе свои части офицеры и солдаты различныхъ націй. Прошелъ, между-прочимъ, полкъ вюртембергской легкой кавалеріи герцога Генриха. Въ немъ мы насчитали только трехъ офицеровъ и 20 солдатъ. Я и мои коллеги покинули оврагъ; мы вскорѣ нашли наши полки,

значительно порѣдѣвшіе; всѣ жаловались на огромныя потери и разспрашивали о состояніи раненыхъ. Тамъ, гдѣ находились мы, сраженіе окончилось; ни одна пуля больше до насъ не долетала. Адъютантъ писалъ на спинѣ одного солдата рапортъ относительно нашихъ потерь; но у деревни Горки, на правомъ флангѣ непріятеля, гдѣ онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, сраженіе продолжалось до наступленія ночи, прекратившей дальнѣйшую пальбу; русскіе отступили обратно за лѣсъ. Намъ, врачамъ, пришлось много поработать. Когда я нѣсколько освободился одинъ офицеръ повелъ меня къ вырытому ядромъ углубленію въ землѣ; въ немъ лежалъ тяжело раненый русскій артиллерійскій унтеръ-офицеръ, которому пуля раздробила обѣ бедреныя кости. Молодой человѣкъ, по происхожденію курляндецъ, свободно говорилъ по нѣмецки и по французски. Офицеръ просилъ меня перевязать этого несчастнаго; раненый относился къ своему положенію равнодушно, но мужественно переносилъ свои страданія. Когда я его изслѣдовалъ и объяснилъ ему, что каждое движеніе вызоветъ новое кровоизліяніе, что хорошая перевязка причинитъ новыя страданія, что темнота вечера дѣлаетъ невозможной перевязку сосудовъ, что для ампутаціи поврежденія слишкомъ близки къ тазу и т. д., онъ только вздохнулъ. Мы покрыли его шинелью и попрощались съ нимъ, обѣщавъ рано утромъ снова придти къ нему. На полѣ сраженія стало темно и тихо; полки ушли въ свои лагеря, разбитые наканунѣ. Я нашелъ своихъ раненыхъ лежащими вокругъ огня, въ большинствѣ въ удовлетворительномъ состояніи. Какъ ни велика была общая нужда, однако для раненыхъ приготовили супъ. Я за весь этотъ день, кромѣ кусочка хлѣба, которымъ подѣлился со мной одинъ

коллега, ничего не ѣлъ. Въ лагерѣ я нашелъ и для себя немного пищи, но недостаточно для того, чтобы насытиться. Я спалъ у огня вмѣстѣ съ ранеными и рано утромъ уже былъ на ногахъ. Осмотрѣвъ и перевязавъ своихъ раненыхъ, я рѣшилъ взглянуть на полѣ битвы. Когда взошло солнце я уже былъ наверху редута, который вчера вечеромъ взяли приступомъ итальянцы. Я нашелъ тамъ вице-короля съ нѣсколькими адъютантами; они грѣлись у огня. Горѣла задняя часть лафета разбитой русской пушки. Я узналъ позже, что король провелъ здѣсь ночь. Среди труповъ, окружавшихъ редутъ обратилъ на себя общее вниманіе молодой русскій. Оживили ли его первые солнечные лучи или его разбудили ходившіе по полю, однимъ словомъ, онъ приподнялся, протеръ глаза, медленно всталъ, удивленно посмотрѣлъ вокругъ себя и пошелъ по тому направленію, гдѣ думалъ встрѣтить своихъ, никто изъ нашихъ его не задержалъ. Вѣроятно, этотъ молодой человѣкъ упалъ, оглушенный и контуженный разорвавшимся около него снарядомъ и, какъ мнимо-умершій, провелъ ночь среди труповъ. Когда я вернулся снова въ полкъ тамъ уже былъ приказъ о выступленіи. Раненыхъ было приказано отправить въ одну изъ окрестныхъ деревень. При нихъ остались младшій врачъ съ фельдшеромъ и солдаты, потерявшіе вчера въ бою лошадей, я же долженъ былъ слѣдовать за полкомъ. Наша дивизія двинулась по Можайской дорогѣ. У лѣса, куда отступили вчера вечеромъ русскіе, насъ вмѣстѣ съ другими кавалерійскими полками остановили. Мы должны были здѣсь ожидать неаполитанскаго короля. Солдаты, воспользовавшись остановкой, обыскивали мертвыхъ, но находки, въ большинствѣ мѣдныя монеты, вызывали съ ихъ

стороны неудовольствіе. Мы смѣялись надъ ними, потому что ихъ неудовольствіе выражалось комично.

Наконецъ, явился энергичный, никогда не устававшій Мюратъ. И мы двинулись впередъ черезъ овраги и холмы на дорогу. Нашъ полкъ былъ первымъ; съ нами былъ и король, пославшій одинъ эскадронъ впередъ въ лѣсъ. Направо отъ насъ, въ кустахъ, лежалъ повидимому, убитый, но когда мы подъѣхали ближе, онъ задвигалъ руками и раскрылъ глаза. Это былъ французскій офицеръ раненый вчера вечеромъ и перенесенный сюда. Раненій получилъ онъ много. Изъ одежды у него остались только рубаха и панталоны. Лежа на землѣ съ неперевязанными ранами, онъ провелъ здѣсь послѣднюю холодную ночь, вѣроятно, безъ сознанія, потому что въ то время, какъ мы подошли къ нему, онъ, казалось, сталъ оживать. Король приказалъ этого офицера, уже не молодого, сѣдого и лысаго, (показавъ намъ, полученныя имъ вчера раны, онъ показалъ также и рубцы, оставшіеся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Италіи, Германіи и Испаніи) отправить въ близъ лежащую за нами деревню къ остальнымъ раненымъ. Это порученіе было дано мнѣ, такъ какъ я былъ ближе всѣхъ. Мой паціентъ могъ ходить; я взялъ свою лошадь подъ уздцы, и мы благополучно добрались до переполненной ранеными деревни Горки, гдѣ я, согласно приказанію короля, передалъ его итальянскимъ врачамъ. Своихъ я нашелъ уже далеко въ лѣсу на привалѣ. У дороги лежало не мало убитыхъ русскихъ. Они были обысканы, и мои подчиненные съ радостью сообщили мнѣ, что они нашли сухари и соль въ мѣшкахъ и ранцахъ. Одинъ даже нашелъ мѣшочекъ съ мускатными орѣхами; все это я заставилъ ихъ подѣлить со мной, и они намъ чрезвычайно пригодились при голодовкѣ въ лагерѣ

при Тарутинѣ. Стало уже вечерѣть, когда мы выбрались изъ лѣсу. На высотахъ, по эту сторону Можайска, мы замѣтили русскихъ. Сначала мы обмѣнялись нѣсколькими пушечными выстрѣлами, перешедшими потомъ въ усиленную канонаду. Влѣво отъ меня, возлѣ дороги, я увидѣлъ вблизи, какъ ядро сорвало одному французскому инженеру голову, при чемъ туловище еще нѣсколько мгновеній держалось совершенно прямо. Русскіе не отступили, а отстояли свою позицію и городокъ Можайскъ. У дороги, по которой мы двинулись, выйдя изъ лѣса, лежала маленькая деревня, которая вчера загорѣлась, наполненная русскими ранеными. Отъ большихъ домовъ остался лишь пепелъ. Мы видѣли черные, обуглившіеся скелеты и отдѣльныя кости этихъ несчастныхъ жертвъ вчерашняго дня, истекавшихъ сначала кровью при Бородинѣ, съ мучительными болями, доставленныхъ сюда, чтобъ погибнуть въ пламени.

Здѣсь мы отклонились вправо отъ дороги, держась, однако, фронтомъ противъ фронта русскихъ, послѣдніе часто были такъ близко отъ насъ, что одинъ казачій офицеръ вызвалъ одного изъ нашихъ, лейтенанта фонъ-Менцижена, на единоборство. Они сошлись; глаза всѣхъ были устремлены на нихъ; долго рубились они, но безрезультатно. Наконецъ, утомленные этимъ безкровнымъ боемъ, оба вернулись обратно на свои мѣста. Было уже темно, когда мы расположились лагеремъ вправо отъ Можайска за какой-то деревней. Накрапывалъ легкій дождикъ. Едва привязали лошадей и развели огонь, какъ часть солдатъ отправилась въ деревню на поиски съѣстныхъ припасовъ. Поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ: въ этотъ день всѣ насытились. Солдаты намъ разсказали, что встрѣтились съ русскими,

лагерь которыхъ расположенъ по другую сторону деревни такъ же близко, какъ и нашъ. Русскіе пришли съ тою же цѣлью, что и наши. По безмолвному соглашенію и наши и русскіе не препятствовали другъ другу въ этихъ поискахъ. Ночью мы слышали лагерный шумъ у русскихъ, до которыхъ, вѣроятно, долеталъ шумъ нашихъ лагерей. Видѣли и бивуачные огни другъ друга, но ночь прошла спокойно. Здѣсь вступила въ свои права природа, сказалось встрашное утомленіе, послѣ двухдневнаго боя нуженъ былъ отдыхъ. Правда, если бы въ розыскахъ пищи приняли участіе офицеры—дѣло не обошлось бы безъ схватки, но солдаты не находили основаній для ссоры другъ съ другомъ. Этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что насытились и спокойно спали.

ГЛАВА VII.

9-го сентября рано утромъ русскіе покинули Можайскъ и выстроились густыми колоннами за городомъ. Было много мелкихъ стычекъ и усиленная артиллерійская стрѣльба. Среди раненыхъ въ этотъ день, перевязанныхъ мною, интересенъ слѣдующій рѣдкій случай. Одному егерю казачья пика вырвала глазное яблоко изъ глазной впадины вмѣстѣ съ мышцами и зрительными нервами, на которыхъ оно высѣло, но совершенно не поврежденное и едва кровоточившее, человѣкъ могъ ходить и лишь жаловался на боли; глазъ былъ покрытъ землей. Омывъ водой и очистивъ, я, въ нѣсколько пріемовъ, вставилъ глазъ обратно. Перевязавъ и положивъ ему компрессъ, я отправилъ его, вмѣстѣ съ остальными ранеными, въ этотъ же день въ тылъ арміи.

О его судьбѣ, также какъ и о судьбѣ всѣхъ раненыхъ въ этотъ день, я ничего не могъ узнать. Всѣ послѣдующія дни (послѣ Бородинскаго боя и до вступленія въ Москву) не прекращались стычки нашего авангарда съ арьергардомъ русской арміи. Тяжелѣе всего приходилось кавалеріи, прокладывавшей дорогу впередъ. У насъ и въ другихъ полкахъ было много раненыхъ и убитыхъ. Какъ и прежде, условія жизни были ужасныя: питались впроголодь; однако, слѣдовавшимъ за нами приходилось еще хуже: тамъ ѣли только конину. Не удивительно поэтому, что мечтой всѣхъ сдѣлалось желаніе достичь Москвы какъ можно скорѣе, съ занятіемъ которой связывалась надежда на миръ, обѣщанный императоромъ. Наканунѣ вступленія въ Москву мы весь день провели на коняхъ. Наступила ночь, а мы рыскали далеко вправо отъ дороги въ лѣсу, куда насъ послали на рекогносцировку. Наконецъ, приказано было остановиться; лагерь разбили здѣсь же въ лѣсу.

Рано утромъ 14-го сентября мы снова были на большой дорогѣ къ Москвѣ. Всѣ съ напряженіемъ ожидали рѣшительнаго сраженія. Армія была выстроена въ боевомъ порядкѣ. Однако распространилась вѣсть о перемиріи и насъ остановили. Нервы были напряжены до крайности; передъ нами въ разстояніи всего получаса ѣзды разстилалась огромная, величавая Москва—цѣль нашего тяжелаго похода. Скоро насъ двинули впередъ. Вправо по полю, параллельно дорогѣ, ѣхалъ въ сѣромъ пальто на бѣлой лошади Наполеонъ съ небольшой свитой, въ которой находился, между прочимъ, польскій еврей, въ своемъ національномъ костюмѣ и показывалъ и объяснялъ, повидимому, опредѣленныя мѣста города. Мы увидѣли также укрѣпленія, возведенныя рус-

скими до нашего прибытія. Когда подошли къ городу, Мюратъ сталъ во главѣ дивизіи, и Наполеонъ отъѣхалъ вправо отъ дороги, будто бы съ намѣреніемъ отправиться въ близъ лежащую дачу. Десятый польскій гусарскій полкъ первымъ вошелъ въ городъ. За нимъ шли прусскіе уланы, нашъ полкъ, французскіе гусарскіе и егерскіе полки и конная артиллерія нашей дивизіи. Москва, такъ думали всѣ, конечная цѣль похода, съ его нуждой и лишеніями,—поэтому понятно то чувство горделивой радости, которой были преисполнены, когда мы одни изъ первыхъ вступали въ этотъ интересный городъ. Эта радость заставила насъ позабыть даже прошлое. Мы чувствовали себя побѣдителями . .

Нашей дивизіи былъ отданъ строжайшій приказъ ни подъ какимъ видомъ, во время марша по городу, не оставлять рядовъ, а тѣмъ болѣе слѣзать съ коня. На врачей также распространялось дѣйствіе этого приказа. Въ предмѣстьи города, до Москвы-рѣки мы не встрѣтили ни одной живой души. Все казалось вымерло. Лишь когда мы перешли въ бродъ—мостъ былъ разрушенъ—неглубокую Москву-рѣку, стали изрѣдка попадаться люди. Большею частію, слуги, оставшіеся, чтобы присматривать за барскими домами. Все было пусто. Рѣдко, рѣдко у оконъ или на балконахъ появлялись, обезпокоенныя шумомъ нашего движенія, мужскіе и женскіе фигуры. Офицеры любезно отдавали честь, имъ вѣжливо отвѣчали. Въ глубинѣ города мы догнали группу русскихъ отсталыхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ и нѣсколько не успѣвшихъ выѣхать изъ города телѣгъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ.

Москва, въ общемъ, своей планировкой и характеромъ строеній, болѣе походитъ на Азіатскій, нежели Европейскій городъ. Множество церквей-

башенъ *), съ ихъ чуждой для насъ архитектурой, особенно привлекали наше вниманіе. На одной изъ площадей, бывшей, судя по множеству торговыхъ помѣщеній, центромъ московской торговли, всѣ лавки были открыты и товары разбросаны повсюду въ страшномъ безпорядкѣ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто бы здѣсь хозяйничала шайка грабителей. Двигались мы медленно и часто останавливались. Трупы русскихъ солдатъ все чаще и чаще попадались на нашемъ пути. Однако наши солдаты, какимъ-то сверхъестественныхъ чутьемъ почувствовали, что эти трупы въ дѣйствительности пали подъ тяжестью водки, которая имѣлась у нихъ у всѣхъ въ походныхъ фляшкахъ. Наши, несмотря на приказъ не сходить съ лошадей, ухитрились все-таки достать водку. Они саблями очень ловко отрѣзывали ремни, которыми фляжки прикрѣплялись къ ранцамъ, затѣмъ въ ходъ пускался эфесъ сабли и при помощи крючка у рукоятки фляжка подымалась вверхъ.

Мюратъ, командовавшій аръергардомъ, куда входила и наша дивизія, все время былъ впереди.

Мы приблизились къ старинному зданію, оказавшемуся арсеналомъ.

Значительная группа русскихъ крестьянъ, ремесленниковъ и мѣщанъ толпилась у воротъ арсенала. На улицахъ и площади передъ арсеналомъ, валялось много различнаго оружія. Толпа русскихъ была вооружена, очевидно, оружіемъ, взятымъ изъ арсенала; на приказаніе адъютанта Мюрата разойтись толпа отвѣтила бранью и угрозами. Толпа все увеличивалась, вновь приходившіе скрывались въ воро-

---

*) **Башнями авторъ называетъ колокольни.**

Прим. перев.

тахъ арсенала и возвращались оттуда вооружѐнными. Мюратъ, видя, что приказаніямъ разойтись не подчиняются, а возбужденіе растетъ — приказалъ конной артиллеріи пустить въ толпу нѣсколько зарядовъ. Послѣ третьяго выстрѣла толпа разсѣялась по всѣмъ направленіямъ. Во время этой остановки у арсенала мое вниманіе было привлечено разбросаннымъ повсюду оружіемъ, среди котораго я замѣтилъ очень красивую саблю; желаніе взять ее, на память о Москвѣ, было у меня такъ велико, что я, рискуя серьезной отвѣтственностью въ нарушеніи приказа, запрещавшаго сходить съ лошадей, быстро спрыгнулъ съ лошади и взялъ красивую саблю. Порядокъ на площади былъ возстановленъ, и мы двинулись впередъ, по этому огромному городу, самому большому изъ всѣхъ, которыя я когда-либо видѣлъ.

Чѣмъ болѣе мы приближались къ восточной части города, тѣмъ чаще и чаще намъ попадались отставшіе русскіе; были моменты, когда рядомъ съ нами двигались и цѣлыя шеренги русскихъ, мы ихъ не трогали, они, разумѣется, тоже не выражали желанія сражаться съ нами и только старались поскорѣе выбраться изъ Москвы. Остановили мы только одного русскаго деньщика, ѣхавшаго на удивительно красивой лошади. Его мы заставили оставить лошадь у насъ. У воротъ города два казака упорно пытались помѣшать нашему проходу, но и эти въ концѣ концовъ предпочли оставить насъ въ покоѣ.

Солнце заходило, когда мы достигли противоположнаго конца Москвы. Болѣе трехъ часовъ потратили мы, чтобы пройти черезъ Москву. Выйдя изъ предмѣстій Москвы, мы увидѣли значительный отрядъ русской кавалеріи, не предпринимавшій въ

отношенiи насъ никакихъ враждебныхъ дѣйствiй. Мы выстроились недалеко отъ русскихъ. Нѣкоторые русскiе офицеры и солдаты выѣзжали изъ рядовъ и приближались къ нашимъ передовымъ постамъ, дружелюбно бесѣдовали съ нашими и угощали ихъ водкой. Но это продолжалось не долго, прискакалъ во весь опоръ какой-то русскiй генералъ съ адъютантомъ и запретилъ эти переговоры. Мы оставались на мѣстѣ, а русскiе начали медленно отступать. Мы замѣтили, что лошади русскихъ были также измучены, какъ и наши.

Наступила темнота ночи—время отдыха. Мы съ артиллерiей и дивизiей кирасиръ расположились лагеремъ недалеко отъ города, вправо отъ дороги на Владимiръ и Казань. Какъ то особенно ярко и свѣтло, казалось намъ, горѣли въ эту ночь наши бивуачные огни. Запасъ пищи, полученный нами, сознанiе огромной важности пережитаго дня и, главное, надежда на близкiй миръ—дѣлали нашъ лагерь шумнымъ и веселымъ, несмотря на то, что всѣ мы нуждались въ отдыхѣ. Мимо нашего лагеря проходили еще многiе русскiе, догонявшiе своихъ. Среди нихъ было много раненыхъ во время отдѣльныхъ стычекъ въ городѣ. Наши офицеры посылали ихъ къ моему огню. Въ то время, какъ я дѣлалъ одному такому пѣхотному офицеру, имѣвшему много порѣзовъ на головѣ, перевязку, онъ мнѣ разсказалъ, что онъ, чтобы перемѣнить бѣлье, хотѣлъ разыскать своихъ родныхъ; но онъ ихъ уже не нашелъ въ городѣ, но все же замѣшкался и отсталъ отъ полка и ему пришлось пробираться по городу, когда городъ былъ занятъ нашими. Послѣ перевязки я показалъ этому офицеру русскiе бивуачные огни (вообще, всѣмъ отставшимъ мы указывали дорогу). У насъ и вокругъ насъ царило такое бодрое

настроеніе, что каждый забылъ объ усталости и снѣ, и не будь этого, то послѣдовавшія затѣмъ событія должны были бы отбить охоту ко сну. Я не могу сказать, было ли это въ срединѣ или въ концѣ города, такъ какъ ночью легко ошибиться, вдругъ произошелъ взрывъ такой страшной силы, что у каждаго видѣвшаго и слышавшаго это, тотчасъ должна была явиться мысль, что взорванъ либо магазинъ съ огнестрѣльными снарядами, либо пороховой погребъ или разорвалась, такъ называемая, адская машина очень большихъ размѣровъ. Надъ городомъ сразу вспыхнуло огромное зарево. Этотъ взрывъ казался намъ сигналомъ къ началу, ставшаго для насъ столь гибельнымъ, пожара этого города. Сначала огонь былъ виденъ только надъ мѣстомъ взрыва, но черезъ нѣсколько минутъ языки пламени замелькали надъ различными частями города. Это зрѣлище удручающе подѣйствовало на насъ, и мы удивленно смотрѣли другъ на друга; казалось каждый видѣлъ въ этомъ плохое предзнаменованіе. Первымъ заговорилъ штабъ-ротмистръ фонъ-Рейнгардтъ: «Это плохая шутка,—сказалъ онъ,—это предвѣщаетъ много плохого и уничтожаетъ надежду на миръ. Этотъ пожаръ это не неосторожность нашихъ, это дѣло рукъ нашихъ противниковъ, рѣшившихъ пожертвовать Москвой, чтобы погубить насъ». Скоро пламя появилось и въ предмѣстьѣ города, возлѣ насъ; оно освѣтило насъ и всю окрестность; съ увеличеніемъ свѣта и пламени исчезла наша воскресшая было бодрость, и изъ яркаго свѣта мы тѣмъ печальнѣе глядѣли въ темное будущее.

Наступила полночь. Пламя заняло уже обширную площадь; море огня волновалось надъ колоссальнымъ городомъ. Шумъ въ немъ увеличился; ми-

мо нашего лагеря то и дѣло проходили бѣглецы, спѣшно покидающіе Москву; число мародеровъ сильно возросло. Мы, наконецъ, устали отъ этого страшнаго зрѣлища и легли отдохнуть. Послѣ непродолжительнаго сна мы замѣтили, что пламя стало еще сильнѣй и захватило еще большее пространство, а съ наступленіемъ дня показались колоссальныя облака дыму самыхъ различныхъ оттѣнковъ и самыхъ причудливыхъ образовъ, громадными валами находившія одно на другое и сплошь покрывавшія собою гигантскій городъ.

Итакъ, я увидѣлъ городъ царей, знаменитую древнюю Москву въ послѣдній ея день и огонь, пожиравшій этотъ гордый городъ и принесшій намъ гибель, въ первый моментъ его появленія. Многіе уже легли костьми, только половина изъ насъ, покинувшихъ берега Дуная, добрела сюда. Такъ же печально обстояли дѣла и въ другихъ полкахъ нашей дивизіи. Но, однако, мы еще не теряли бодрости, были преисполнены самыми тщеславными надеждами и довольно твердо вѣрили еще въ лучшее будущее. Утромъ, съ восходомъ солнца, я всталъ и пошелъ во дворъ близъ лежащаго, очень похожаго на монастырь, зданія; тамъ я нашелъ воду и вымылся. Къ моему удивленію, я увидѣлъ здѣсь людей, спокойно занимавшихся своими дѣлами, какъ будто все происшедшее со вчерашняго дня въ городѣ не оказало на нихъ ровно никакого вліянія или не было совершенно замѣчено ими. Я былъ единственный чужой среди нихъ, но не возбудилъ ихъ вниманія. Когда я снова возвратился въ лагерь, всѣ были уже въ движеніи, садились на лошадей и готовились къ выступленію. На разсвѣтѣ мы замѣтили, что русскіе уже успѣли покинуть свой лагерь, расположенный недалеко отъ нашего. Мы послѣдо-

вали за ними и встрѣтили ихъ раньше, чѣмъ ожидали, и снова расположились на виду у нихъ у первой же деревни, лежащей къ востоку, по дорогѣ въ Казань. Конные караулы казаковъ и нашихъ стояли такъ близко другъ отъ друга, какъ никогда за все время войны, но несмотря на это мы все-таки позволили себѣ нѣкоторыя удобства въ этотъ холодный день. Находившееся передъ нашей лагерной линіей картофельное поле заняло многихъ изъ нашихъ и насытило всѣхъ. Я долженъ сознаться, что плоды этой почвы были лучше, красивѣе и привлекательнѣе плодовъ нашего отечества, воспроизводимыхъ изъ лучшихъ голландскихъ сѣмянъ.

ГЛАВА VIII.

Днемъ, 15-го сентября, мимо нашей стоянки неожиданно проскакалъ Мюратъ, въ сопровожденіи одного сигналиста; онъ наскоро отдалъ намъ приказъ трубить у аванпостовъ тревогу и садиться на коней, затѣмъ помчался дальше. Приказъ Мюрата скоро былъ приведенъ въ исполненіе, и мы поѣхали по направленію къ Богородску. Попутный вѣтеръ окутывалъ насъ облаками дыма горѣвшаго города, и лучи солнца, пробивающіеся сквозь эти облака, окрашивали насъ и все окружающее въ желтый цвѣтъ. Близко отъ насъ были казаки, но сегодня мы не обмѣнялись ни однимъ выстрѣломъ. Мы, вѣроятно, находились уже на разстояніи мили отъ Москвы. Съ наступленіемъ ночи мы расположились лагеремъ, а на слѣдующій день отправились дальше. Мы миновали довольно красивыя, указывающія на достатокъ, деревни, которыхъ особенная архитектура, внѣшняя чистота и украшенія намъ очень

понравились. Вечеромъ, при приближенiи къ находящемуся вправо отъ дороги и состоящему изъ деревянныхъ строенiй городку Богородску, мы впервые увидѣли нашихъ противниковъ. Въ то время какъ наша кавалерiя приближалась мѣрнымъ шагомъ, мы замѣтили нѣсколькихъ казаковъ на крутой вершинѣ горы, вокругъ которой дорога дѣлаетъ поворотъ, прежде чѣмъ перерѣзать рѣку Клязьму, текущую здѣсь съ юга на сѣверъ. Мы остались по эту сторону и расположились передъ самымъ городкомъ. Здѣсь, благодаря старанiю нѣсколькихъ офицеровъ, мы получили изъ Москвы посылку со съѣстными припасами, чему мы, конечно, очень обрадовались.

17-го, послѣ полудня, намъ предстояло перейти рѣку Клязьму. Начальники наши не рѣшились довѣрить свои полки и пушки наскоро построенному мосту, и поэтому мы отправились искать брода. Послѣ продолжительныхъ поисковъ и произведенныхъ измѣренiй нашли глубину Клязьмы столь значительной, что нельзя было и требовать отъ ѣздившихъ на низкорослыхъ лошадяхъ, чтобъ они проѣхали вмѣстѣ съ другими, и потому приказано было посадить на тѣхъ больныхъ и отослать ихъ въ Москву. Это наскоро было сдѣлано также и во всей дивизiи, и я долженъ былъ при этомъ отпустить съ отправленными самаго опытнаго изъ моихъ младшихъ врачей. Я лишился также и моего другого помощника, а вмѣстѣ съ нимъ и сабли, память о Москвѣ, поднятой мною въ Кремлѣ. Гора, на вершинѣ которой мы видѣли вчера казаковъ, осталась отъ насъ вправо; мы ѣхали поперекъ поля, проѣхали лагерное мѣсто русскихъ, снова попали на главную дорогу и застали жителей первой же деревни занятыми укладкой своего скарба и готовя-

щимися къ бѣгству. Одна крестьянка, домъ которой стоялъ на возвышенiи возлѣ самой дороги, была усердно занята нагруженiемъ телѣги кроватями и т. д.; усаживая на нихъ своихъ дѣтей и привязывая сзади корову, несмотря на то, что телѣга еще не была запряжена, она возбудила смѣхъ и удивленiе. Мы проѣхали мимо; никто ей не помѣшалъ, но красивая, молодая женщина продолжала совершенно серьезно и угрюмо свою работу, не озираясь на насъ. Продолжая маршировать дальше, влѣво отъ дороги мы увидѣли далеко простирающуюся, состоящую большею частью изъ луговъ, равнину, на которой безчисленными купами сложено было приготовленное на зиму сѣно. Мы встрѣчали много деревень и въ каждой возвышающуюся помѣщичью усадьбу. Въ темный вечеръ мы расположились на холмистой мѣстности у деревни, находящейся между Богородскомъ и Покровомъ. Разставивъ патрули, командиры отправились въ деревню, такъ какъ кругомъ ничего подозрительнаго не было; тамъ они разсчитывали хорошо закусить. Рано утромъ я посѣтилъ моего командира, полковника фонъ-Милькау. Онъ сказалъ мнѣ, что до новыхъ распоряженiй мы останемся здѣсь, такъ какъ потеряли слѣдъ непрiятеля. Однако, въ полдень, пришелъ уже приказъ, предписывающiй немедленно выступить.

Мы пошли къ западу отъ Казанской дороги, на которой мы еще вчера бесѣдовали о Коцебу и объ его путешествiи въ Сибирь. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды по полю мы достигли сахарнаго завода, обширныя зданiя котораго, вмѣстѣ съ красивыми садами, составляли прекрасное помѣстье. Здѣсь мы застали уже слѣды опустошенiя, произведеннаго отрядомъ, проѣхавшимъ раньше насъ.

Отсюда мы направились по столбовой дорогѣ,

ведущей къ рѣкѣ Москвѣ. Берега этой рѣки не высоки, но круты; мѣстность кругомъ довольно живописная; попадались намъ деревни, помѣстья, фабрики, но жителей мы почти не видѣли; большинство изъ нихъ при приближенiи нашемъ бѣжало. Казаковъ мы также не встрѣчали на этомъ пути.

Весь слѣдующiй день шелъ дождь. Мы ѣхали великолѣпнымъ лѣсомъ и восторгались мощными дубами. Затѣмъ опять проѣзжали мимо богатыхъ помѣстiй, по чуднымъ нивамъ, съ оставшимися на нихъ колосьями ржи и гречи.

Эта великолѣпная страна съ своеобразной культурой, со множествомъ богатыхъ усадебъ съ цѣлыми складами сѣна и хлѣба дала намъ поводъ мечтать и говорить объ отдыхѣ, мирѣ, несмотря на то, что дымъ Московскаго пожара мы все еще чувствовали. Такъ же мирно были настроены и другiя народности нашего отряда; пруссаки, поляки, французы—всѣ мечтали о мирѣ; офицеры и солдаты охотно вели бесѣды на эту тему. Враги наши куда то исчезли, и мы не имѣли ни малѣйшаго представленiя ни объ ихъ намѣренiяхъ, ни о мѣстонахожденiи. Въ такомъ же полномъ невѣдѣнiи мы были и относительно другихъ частей нашей армiи.

Кругомъ царствовала тишина; только по ночамъ далекiй отблескъ Московскаго пожара напоминалъ намъ о войнѣ, но несмотря на это намъ казалось, что воюющiя стороны заняты разработкой условiя мира.

Слѣдующiе дни были и дождливѣе, и холоднѣе.

Ночью мы повернули со столбовой дороги вправо и скоро пришли въ городокъ Подольскъ, лежащей при рѣкѣ Пахрѣ, въ долинѣ которой нашему отряду пришлось провести страшно дождливую, бурную и холодную ночь. Твердо увѣренные,

что здѣсь намъ придется заночевать, я и два моихъ помощника укрылись въ стѣнномъ сараѣ. Подъ кровлею, защищенные отъ бури и дождя, мы чувствовали себя превосходно и мало думали о томъ, что происходило за дверьми сарая, хотя почти всю ночь былъ слышенъ конскій топотъ: это проѣзжала кавалерія. Младшій врачъ отыскалъ владѣлицу сарая и раздобылъ яицъ, масла и хлѣба. Между тѣмъ наступило утро; дождь прошелъ и небо прояснилось. Бодрые и подкрѣпленные отдыхомъ и ѣдой, мы сожалѣли только о томъ, что самую тяжкую изъ ночей за все время этой войны, солдатамъ нашимъ пришлось провести подъ открытымъ небомъ. Это была ночь съ 25 на 26 сентября, когда мы снова присоединились къ арміи, покинувшей насъ у Богородска, по дорогѣ въ Казань. Теперь Мюратъ опять былъ съ нами.

Утромъ 26-го выступили и скоро миновали рѣку Пахру.

На этихъ переходахъ мы встрѣтили русскихъ крестьянъ, и сегодня на возвышеніи крестьянскіе дворы, жители которыхъ безъ боязни и равнодушно выходили посмотрѣть, что принесетъ имъ наступающій день. Командиръ знаками показалъ имъ, что онъ хочетъ пить. Одинъ изъ крестьянъ въ широкой и глубокой деревянной посудѣ принесъ и вѣжливо и простодушно подалъ какой-то желтоватый напитокъ. Командиръ, утоливъ свою жажду, передалъ посуду окружающимъ. Мы нашли его чрезвычайно вкуснымъ. Крестьянинъ получилъ обратно пустую посуду и серебряную посуду нашей чеканки. Онъ такъ низко поклонился, что волосы его коснулись земли—обычай выраженія благодарности, какого мы никогда еще не видѣли. Лишь на слѣдующее лѣто въ Борисовѣ при Березинѣ я узналъ,

что этотъ напитокъ называется квасомъ. Въ этотъ день, 26 сентября, мы снова встрѣтили русскихъ, которые словно пропали съ того времени, какъ мы ихъ видѣли у вершины горы, близъ Богородска. Снова начались кровавыя стычки и ежедневно съ утра до вечера раздавалась пальба. Русскіе все отступали, а мы слѣдовали за ними, терпя большія потери ранеными, убитыми, истощенными людьми и лошадьми. Въ первую ночь казаки напали и окружили выставленный нашимъ полкомъ аванпостъ. Изъ 16 человѣкъ нѣкоторые были убиты, большинство взято въ плѣнъ, и только три раненыхъ егеря вернулись обратно въ лагерь и принесли намъ это извѣстіе.

Въ ночь на 29-ое казаки напали на лагерь поляковъ, разбитый у одного изъ окрестныхъ деревень. Нападеніе было неожиданнымъ и поэтому казаки многихъ захватили въ плѣнъ. Одинъ прусскій ротмистръ, помѣстившійся вслѣдствіе нездоровья въ этой деревнѣ, спасся отъ нихъ, но оставилъ весь свой багажъ. Вернувшись туда послѣ ухода казаковъ, онъ нашелъ свой чемоданъ открытымъ, вещи разбросанными на столѣ, однако ничего не было взято. Это необыкновенное событіе онъ объяснилъ тѣмъ обстоятельствомъ, что казаки увидѣли, вѣроятно, на его мундирѣ, полученный имъ отъ императора Александра при заключеніи Тильзитскаго мира, орденъ Св. Владиміра, и изъ уваженія къ ордену ничего не тронули. Нападенія казаковъ сдѣлались ежедневными, то одинъ, то другой полкъ долженъ былъ отражать аттаки. Больныхъ и раненыхъ мы принуждены были отправлять въ Москву, не зная навѣрное, имѣются ли тамъ госпитали. Не хватало телѣгъ для перевозки и конвоя, т. к. полки понесли значительныя потери.

Мало было и врачей. Изъ семи старшихъ врачей, бывшихъ въ нашей дивизіи у рѣки Мемеля, остался только я одинъ, остальные были взяты въ плѣнъ, или остались при раненыхъ. Прусскій полкъ имѣлъ только одного врача съ его помощникомъ. Многіе солдаты, раненые пиками и имѣвшіе часто четыре и болѣе колотыхъ раны, предпочитали оставаться со своими товарищами, потому что въ госпиталяхъ царствовала такая же нужда, какъ и всюду въ арміи, да и къ тому же раненые часто оставались гдѣ-нибудь въ тылу, безъ прикрытія и попадали въ руки русскихъ. Въ нашемъ полку были солдаты, получившіе 10—15 колотыхъ ранъ; одинъ егерь былъ 24 раза раненъ пикой. Въ общемъ раны, причиняемыя пиками не опасны. Я назвалъ бы ихъ въ общемъ легкими ранами, потому что при этихъ раненіяхъ, большею частію, приходилось наблюдать только поврежденія кожи и мускуловъ; сквозныя колотыя раны были рѣдкостью.

2 октября произошелъ снова жаркій бой, въ которомъ приняла участіе вся кавалерія, причемъ особенно пострадали прусскіе уланы; всеобщаго одобренія заслужила артиллерія, дѣйствовавшая превосходно. 3 октября мы не видѣли непріятеля; но на слѣдующій день, 4 октября, снова встрѣтились мы съ нимъ. Мы въ этотъ день совершили длинный переходъ; люди и лошади устали и почти выбились изъ силъ отъ голода и лишеній. Уже наступилъ вечеръ, когда мы приблизились къ лѣсу, расположенному влѣво отъ дороги, ведущей изъ Москвы въ Тарутино. «И этотъ еще нужно пройти!» ворчали мы. Себастіани велъ насъ по какой-то узкой просѣкѣ. Послѣдніе ряды не успѣли еще выйти изъ лѣса, какъ первымъ уже пришлось вступить въ схватку съ казаками. Мы стали подвигаться быст-

рѣе; полки легкой кавалеріи наступили развернутымъ фронтомъ, стрѣляя изъ пистолетовъ и карабиновъ въ ряды русскихъ, выстроившихся между этимъ лѣсомъ и деревней. Я остался съ моими подчиненными на опушкѣ лѣса; до меня со свистомъ долетали пули русскихъ. Я понималъ всю важность дѣла и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ предвидѣлъ дурной его исходъ для насъ. Тутъ впервые я почувствовалъ отвращеніе къ жизни; былъ ли это упадокъ духа, не знаю, но я въ тотъ моментъ хотѣлъ только, чтобы какая-нибудь изъ пролетавшихъ такъ близко отъ меня пуль положила конецъ моему печальному существованію. Однако мое желаніе не осуществилось. Вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: Коли! Ура! Коли! Ура! По обѣимъ сторонамъ за фронтомъ нашихъ появились изъ лѣсу казаки съ пиками на перевѣсъ, они обошли нашу дивизію, все смѣшалось въ одну какую-то безформенную массу. Пальба и крики: Коли! Коли! все усиливались; наши не выдержали натиска, дрогнули и побѣжали. На опушкѣ лѣса я замѣтилъ это и поворотилъ мою лошадь; не было времени размышлять ни о желаніи, ни о нежеланіи жить. Моя вороная лошадь, давно уже переставшая обращать вниманіе на понуканіе и шпоры, теперь, вѣроятно, испугавшись страшнаго шума, понесла, фыркая и перескакивая черезъ лежащіе на пути предметы. Не было времени оглянуться; все-таки я замѣтилъ прусаковъ, французовъ, русскихъ, поляковъ впереди и рядомъ со мной. Я видѣлъ, какъ кололи, рубили, падали, сбивали съ лошадей. Скакавшій рядомъ со мной молодой, уже раненый, прусскій офицеръ все время почему-то твердилъ: Извините! Страшная погоня продолжалась почти до половины этого, казавшагося безконечно длиннымъ, лѣса. Вдругъ гдѣ то

зазвучала барабанная дробь. Совсѣмъ близко передо мной стояли польскій барабанщикъ и офицеръ. Погоня прекратилась. Помощь пришла во время; кто еще держался въ сѣдлѣ, какъ я, тѣ были спасены. Мы собрались за лѣсомъ и могли успокоиться, узнавъ отъ прибывшихъ позже, что лѣсъ занятъ польской пѣхотой. Мы не нашли ничего, кромѣ дровъ и соломы и, какъ ни нуждались въ пищѣ, пришлось довольствоваться только отдыхомъ. Громко и много ругали въ лагерѣ того человѣка, который повелъ насъ поздно вечеромъ черезъ лѣсъ. Онъ это чувствовалъ или, можетъ быть, слышалъ: онъ ходилъ отъ огня къ огню. Онъ подошелъ также и къ нашему огню. Меня, единственнаго, кто еще въ силахъ былъ приподняться, онъ, казалось, хотѣлъ пронизать своимъ взоромъ и смѣрилъ меня съ головы до ногъ. Такъ какъ я не обладаю искусствомъ притворяться, то онъ навѣрное, по выраженію моего лица, угадалъ мысли лежащихъ вокругъ огня.

Наши потери въ этой схваткѣ были велики; полкъ потерялъ приблизительно 5 офицеровъ и 25 егерей; три союзныхъ полка вмѣстѣ потеряли 14 офицеровъ и 120 солдатъ. Я не знаю, сколько потеряли четыре французскихъ полка. Русскіе, мнѣ кажется, имѣли незначительныя потери, потому что они были нападавшіе, и оказанное нами сопротивленіе имѣло малое значеніе. Когда разсвѣло, нужно было поискать съѣстного, но не нашлось ничего, кромѣ пустыхъ внутренностей убитаго ранѣе рогатаго скота, оставленнаго русскими. Но пришлось довольствоваться и этимъ. Въ полдень мы выступили, чтобъ снова пройти черезъ этотъ лѣсъ. Двигались медленно и осторожно и только къ вечеру выѣхали на поляну. Вмѣстѣ съ корпусомъ Понятовскаго и кирасирами мы стали лагеремъ у рѣчки

Черничной. Когда начальство надъ дивизiею принялъ Себастiани, въ ней было 1,500 лошадей; но теперь полки такъ растаяли, что каждый равнялся приблизительно эскадрону. У насъ, у прусскихъ уланъ и французскихъ полковъ лошадей было не больше 100—130. Мы стояли на лѣвомъ флангѣ лагеря у деревни Теретинка, лежащей у рѣки Черничной, по имени которой и называютъ состоявшееся здѣсь впослѣдствiи сраженiе. Передъ деревней расположилась дивизiя кирасиръ, за ней ея артиллерiя, впереди насъ вправо пѣхота Понятовскаго; лагерь остальныхъ частей тянулся вправо черезъ дорогу, ведущую черезъ Нару въ Тарутино. Здѣсь, при перемѣнной осенней погодѣ, хотя и сухой, но часто довольно холодной, мы спокойно простояли 14 дней; непрiятель насъ ни разу не потревожилъ; но мы боролись съ невѣроятной нуждой и жили только надеждой на миръ, такъ необходимый для насъ. Разговоровъ о немъ было много, но надежда съ каждымъ днемъ уменьшалась. Мы слышали почти ежедневно, какъ русскiе,—лагерь ихъ находился отъ насъ на разстоянiи почти двухъ миль,—производили ученiе. Полковникъ Уминскiй, посланный къ русскимъ, разсказывалъ, что у нихъ царствуютъ достатокъ и бодрость духа. Онъ говорилъ съ Платовымъ и другими высшими офицерами, которые открыто ему сказали: «Вы устали отъ войны, а мы хотимъ лишь теперь серьезно ее начать. Ваши фур-

гоны, вашу добычу, багажъ и пушки,—все мы думаемъ у васъ забрать» и т. д.

Прохладные дни и часто очень холодныя ночи требовали много дровъ. Запасы вокругъ деревни вскорѣ были истреблены. Срывали сначала всѣ пристройки, сараи и амбары, но балокъ не кололи, а клали ихъ однимъ концомъ въ огонь и подвигали до тѣхъ поръ, пока онѣ не сгорали. Когда все это было разрушено, принялись за жилыя помѣщенія, такъ что, наконецъ, осталось только нѣсколько избушекъ для старшихъ офицеровъ и больныхъ. Соломы хватало только для корма лошадей. Ночью на ней спали, а днемъ давали лошадямъ. Были такія холодныя ночи, что солома, служившая намъ покрываломъ, такъ сильно замерзала, что утромъ ее приходилось ломать. Присланныя изъ тыла арміи рожь, ячмень, гречиха большей частью варились въ сыромъ видѣ, пока зерна, разбухая, размягчались, и можно было снять верхнюю кожицу, сваривъ ихъ густо или жидко, получали кашу или супъ. Иногда зерно мололи на жерновахъ или ручныхъ мельницахъ, чтобъ приготовить изъ него хлѣбъ. Эта работа была тяжела для слабыхъ и худыхъ рукъ; работали усердно, часто смѣнялись, но все же получали вмѣсто муки только крупу, изъ которой съ трудомъ приготовлялся тяжелый хлѣбъ. Офицеры и солдаты безъ различія вертѣли жерновъ. Кто не хотѣлъ работать, тотъ лишался своей порціи и долженъ былъ голодать. Мои исхудалыя руки были

часто въ состояніи лишь три, четыре раза повернуть жерновъ; однако всѣ дѣлали это, потому что заставляла нужда. Очень часто не хватало соли, въ особенности на этой стоянкѣ, поэтому вмѣсто нея нѣсколько разъ употребляли порохъ. При варкѣ онъ разлагался на свои составныя части, всплывавшія на поверхность въ видѣ чернаго угля и сѣры, которые снимались; селитра же растворялась въ супѣ. Селитра имѣетъ острый, вяжущій, непріятный вкусъ и вызываетъ жажду и поносъ, и поэтому мы должны были пріучиться обходиться безъ нея. Масла не было и вмѣсто него употребляли сало, а иногда также и сальныя свѣчи. Однако, счастливѣе всѣхъ были пруссаки и мы, намъ не пришлось въ этомъ лагерѣ ѣсть лошадиное мясо: когда съѣли весь убойный скотъ въ окрестностяхъ, счастливый случай доставилъ къ намъ остатокъ того рогатаго скота и овецъ, которые были пріобрѣтены нами еще за Нѣманомъ. Понятно, что эти животныя, которымъ пришлось въ жару совершить такой длинный путь, по дорогѣ, почти лишенной пастбищъ, не были жирными, но все же были вкуснѣе конины. Въ то время, какъ мы ежедневно имѣли свѣжее мясо, французы часто питались лошадиной падалью. Супъ изъ телятины и говядины мы пили, какъ чай и кофе. Мясо въ общемъ сдѣлалось такой рѣдкостью, что даже король выпрашивалъ у насъ его для своего стола, и ему посылали то овцу, то четверть быка. Случалось иногда, правда рѣдко,

что пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ, отставшихъ въ Москвѣ, и привозилъ съ собой, чай, кофе, сахаръ и т. п. Горячіе напитки, трубки табаку, скрашивали наше печальное существованіе; у костровъ завязывались оживленныя бесѣды. Темы для бесѣдъ были весьма разнообразны, однако, все-же чаще всего говорили о войнѣ и нашей печальной участи. Фонъ-Рейнгардтъ и нѣкоторые другіе офицеры еще вѣрили Наполеону и его генію и старались поддерживать бодрость духа у тѣхъ, которые мрачными красками рисовали наше будущее. «Пока живетъ и стоитъ во главѣ управленія онъ», сказалъ однажды фонъ-Рейнгардтъ: «нужно всегда полагаться на счастье!» Большинство унтеръ-офицеровъ и солдатъ возражали на это. «Вы, господа, исполняете ваши обязанности, скрывая печальное положеніе дѣлъ ,однако ваши слова—не ваши мысли!» Еще смѣлѣе были женщины, варившія намъ кофе и старавшіяся перещеголять другъ друга въ ругательствахъ по адресу Наполеона. Мы дозволяли женщинамъ свободно высказывать свои мнѣнія; но съ нашей стороны никто, разумѣется, не осмѣливался выражать ничего подобнаго.

Въ одну изъ первыхъ четырехъ ночей, проведенныхъ нами на этой остановкѣ, одинъ гусаръ принесъ съ передовыхъ постовъ письмо отъ одного изъ пяти офицеровъ нашего полка, взятыхъ въ плѣнъ 4 октября вечеромъ. Адресовано оно было къ командиру полка; содержаніе его приблизительно слѣ-

дующее: «Любезные друзья! Мы всѣ живы. Ноэръ, Финкъ, Минцингенъ и Го *) легко ранены; я же чувствую себя хорошо. Мы всѣ очень нуждаемся въ деньгахъ; генералъ Милорадовичъ обѣщалъ намъ, что письмо съ деньгами для насъ будетъ пропущено черезъ русскіе форпосты. Остальныхъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нами въ плѣнъ, мы не видимъ. Шлемъ добрыя пожеланія.

6 октября 1812. Гремпъ фонъ-Фрейденштейнъ».

Утромъ, съ высочайшаго соизволенія, нѣкоторая сумма дукатовъ и талеровъ, вложенная въ письмо, была отправлена къ нашимъ форпостамъ и здѣсь передана первому стоящему напротивъ на аванпостѣ русскому офицеру. Въ 1818 году я снова встрѣтился съ господиномъ Гремпомъ и узналъ, что онъ не получилъ отправленныхъ ему денегъ, какъ и князь фонъ-Гогенлоэ. Въ другую ночь къ намъ снова прибыли двое изъ солдатъ полка, взятыхъ въ плѣнъ 8 августа при Инковѣ. Видъ ихъ, одѣтыхъ совершенно какъ русскіе крестьяне, возбудилъ удивленіе. Пригнавшіе намъ скотъ изъ-за Нѣмана разсказывали самыя печальныя, самыя грустныя исторіи о томъ, что они видѣли по дорогѣ. Самымъ страшнымъ, однако, было видѣнное ими на полѣ битвы при Бородинѣ. Тамъ, по ихъ словамъ, еще до сихъ поръ можно встрѣтить забытыхъ раненыхъ,

---

*) Этого имени я не помню.

которые, не будучи въ состоянiи ходить, подползаютъ къ павшимъ лошадямъ и ногтями и зубами, съ ужасными муками добываютъ себѣ пищу; эти несчастные черны, какъ дикiе звѣри, и лишь по фигурѣ походятъ на человѣка. Тамъ успѣли собрать множество пуль и оружiй, но объ этихъ несчастныхъ не позаботились *).

Въ концѣ нашего пребыванiя на этой стоянкѣ до насъ дошли печальныя извѣстiя о томъ, что Витгенштейнъ одержалъ побѣду при Двинѣ, результатомъ которой будетъ отступленiе великой армiи, и что баварцы совершенно разбиты. День придетъ, и заботу принесетъ, говоритъ пословица; но здѣсь этихъ заботъ было безчисленное множество. Каждый день утромъ разсылались команды за кормомъ и съѣстными припасами. Вечеромъ онѣ являлись, принося съ собой въ большинствѣ случаевъ немного ржи и соломы и всегда, вслѣдствiе нападенiй вооруженныхъ крестьянъ и казаковъ, потерявъ большее или меньшее число людей и лошадей. Въ концѣ концовъ стали на фуражировку посылать

---

*) И другiе участники похода разсказываютъ такiе-же случаи; особенно страшный случай (достовѣрность котораго, правда, оспаривается Бурго) разсказываетъ графъ Сегюръ въ 8 главѣ 9 книги его извѣстной Histoire de Napoléon. A de la grande armée en 1812. Характерно это для гордившихся своей культурностью и человѣколюбiемъ французовъ. *Прим. перев.*

даже небольшіе отряды пѣхоты съ пушками. Они должны были, сражаясь, добывать себѣ скудное пропитаніе, платя за это людьми и лошадьми. Эти фуражировки такъ сильно уменьшали и безъ того незначительное число нашихъ, что кавалерія, благодаря этимъ командировкамъ, потеряла половину своихъ людей и лошадей. Въ полку, къ которому принадлежалъ я (за два дня до происшедшаго тамъ сраженія *) въ строѣ были командиръ, два штабъ-офицера, одинъ штабъ-ротмистръ, пять лейтенантовъ, четыре вахмистра, пять унтеръ-офицеровъ, шестнадцать егерей, и нестроевыхъ: старшій врачъ, младшій врачъ, одинъ санитаръ, два эскадронныхъ кузнеца и одинъ денщикъ.

18 октября, раннимъ, холоднымъ и туманнымъ утромъ еще до разсвѣта мы были разбужены двумя пушечными выстрѣлами; одна бомба упала недалеко отъ меня, но разорвалась, не причинивъ вреда. Быстро сѣли на коней, но непріятель уже успѣлъ обойти насъ. Русская артиллерія открыла сильный огонь, прежде чѣмъ одна изъ нашихъ баттарей двинулась съ мѣста. Мнѣ казалось, что наше положеніе безвыходное, и что русскіе разобьютъ насъ на голову; но какимъ то чудомъ этого не случилось. Спасло насъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, искусство

---

*) Рѣчь о битвѣ при Тарутино, гдѣ Мюратъ понесъ значительныя потери (3500 человѣкъ).

(Примѣчаніе издателя).

короля, сумѣвшаго такъ ловко воспользоваться кирасирами, что главная опасность была предотвращена. Въ началѣ битвы замѣшательство было такъ велико, что у меня создалось впечатлѣніе будто наши ищутъ только возможности спастись. Я съ двумя моими помощниками поспѣшилъ къ ближайшей опушкѣ лѣса,—тамъ раньше стояла польская пѣхота,—и тамъ нѣкоторое время мы были въ безопасности. Съ этого мѣста мы ясно видѣли сраженіе и нашихъ, которые отступили, защищаясь; мы видѣли, какъ русскіе отбили у насъ 36 пушекъ, стоявшихъ за лагеремъ кирасиръ. Въ половину ихъ еще не запрягли лошадей. Наше состояніе было столь жалкое, что напади на насъ русскіе не на разсвѣтѣ, а въ 10 или 12 часовъ, когда на фуражировки посылалась лучшая часть нашихъ полковъ, они заняли бы нашъ лагерь безъ выстрѣла. Мы вскорѣ должны были покинуть опушку лѣса, чтобъ также повернуть назадъ. Мы вскорѣ нашли нашу кучку, все еще называвшуюся полкомъ, съ остальными, носившими вмѣстѣ громкое названіе: бригада. Во весь опоръ прискакалъ адъютантъ короля съ приказомъ, чтобъ «бригада» шла въ аттаку. Это было исполнено. До сихъ поръ наша кучка насчитывала лишь одного легко раненаго офицера, больше она въ это утро не пострадала. Но вотъ частью изъ-за того, что тяжело было править нашими жалкими лошадьми, частью изъ-за ограниченнаго пространства, на которомъ маневрировалъ нашъ полкъ, я со своими

помощниками чѣмъ-то помѣшали польскому ротмистру, который, мы давно это знали, ненавидѣлъ нѣмцевъ. Онъ металъ молніи и плевалъ отъ злобы и гнѣва; когда мы къ нему приблизились, онъ бросился на насъ, легко ранилъ саблей младшаго врача Майера и его лошадь, а меня обругалъ. Между тѣмъ стали энергично дѣйствовать пѣхота и артиллерія; мы далеко отошли отъ нашего лагеря и, когда наша кучка сдѣлала привалъ, мы поѣхали туда жаловаться и требовать удовлетворенія. Насъ утѣшали и соболѣзновали, но съ удовлетвореніемъ посовѣтовали подождать до болѣе благопріятнаго времени. Наши потери пока были не велики. Среди раненыхъ былъ и польскій ротмистръ, оскорбившій насъ. Маленькая пуля пронзила ему верхнюю часть руки и раздробила кость (os humeri). Изъ врачей были тутъ только мы; мы обошлись съ нимъ человѣчнѣе, чѣмъ онъ, и наложили перевязку, хотя раненіе требовало ампутаціи, но этого не допускала поспѣшность отступленія. Перевязка раненыхъ и затѣмъ поиски фуража для нашихъ обезсиленныхъ лошадей на лагерномъ мѣстѣ, влѣво отъ главной дороги, ведущей обратно въ Москву и были причиною того, что я потерялъ нашъ полкъ. Канонада давно прекратилась; прибывшіе обратно по дорогѣ раненые и обозные увѣряли, что отступленіе продолжается. Изъ того, что мы не встрѣтили по дорогѣ ни одной боевой части корпуса, мы заключили, что король избралъ ту дорогу, по которой мы шли 4 и 5 числа,

и это предположеніе заставило насъ принять рѣшеніе продолжать путь обратно съ обозомъ. Этотъ еще и теперь наводящій на меня ужасъ лагерь при рѣчкѣ Черничной у деревни Теретинкѣ, гдѣ стояла наша дивизія, и я—съ остатками полка былъ, слѣдовательно, конечнымъ пунктомъ нашего тяжелаго похода въ глубь Россіи, и 18 октября мы должны были начать отступленіе. Покинутый нами лагерь представлялъ, навѣрняка, одно изъ самыхъ ужасныхъ и страшныхъ зрѣлищъ въ этой войнѣ; русскимъ, по крайней мѣрѣ, онъ позволилъ составить правильное мнѣніе объ истинномъ нашемъ положеніи. Мы не имѣли ни палатокъ, ни шалашей, ни бараковъ. Несмотря на холодныя октябрьскія ночи, спали подъ открытымъ небомъ и, при недостаткѣ соломы, на голой землѣ. Большое число, приблизительно болѣе половины, лошадей было съѣдено, и за эту двухнедѣльную стоянку съ ея ужасными фуражировками мы потеряли половину личнаго состава, а сраженіе и трехдневное отступленіе повлекли за собой совершенное уничтоженіе полка, къ которому принадлежалъ и я.

Ты у цѣли, отдохни, родимый,
Отъ своихъ великихъ дѣлъ,
Знай, что голуби къ тебѣ не станутъ
Въ ротъ летѣть, какъ ты хотѣлъ.
Здѣсь, на грани бурнаго потока,
Здѣсь предѣлъ твоей есть славы.
Ну, такъ будь же самъ послушенъ зову рока:
«Поверни кругомъ направо».

ГЛАВА IX.

19 октября мы прибыли въ деревню Вороново, гдѣ намъ показали остатки сожженной самимъ губернаторомъ московскимъ, Растопчинымъ, собственной усадьбы и разсказали, какъ происходило дѣло. 20-го мы продолжали нашъ путь по дорогѣ въ Москву и вечеромъ уже встрѣтили отряды армейскаго корпуса маршала Нея. Ночью я нашелъ въ саду усадьбы, гдѣ помѣщался Ней со своей свитой, моего друга, старшаго хирурга Келрейтера. Я засталъ его за ѣдой, т. е. передъ нимъ на землѣ стояли хорошо приготовленныя кушанья, какихъ я не видѣлъ во время этой войны. Я поужиналъ съ нимъ, и когда я насытился, начались обоюдные разсказы о нашихъ приключеніяхъ. Его разсказы о томъ, что онъ видѣлъ и пережилъ въ Москвѣ, его медицинскія и хирургическія наблюденія были, конечно, куда интереснѣе, чѣмъ мои о плачевной стоянкѣ въ лагерѣ при рѣкѣ Черничной и о сраженіи при ней. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ у него была польская бричка, и въ ней только запасъ бинтовъ, нѣсколько бутылокъ водки и нѣсколько хлѣбовъ; теперь же онъ имѣлъ роскошный экипажъ съ шестеркой лошадей, наполненный отличными мѣхами, золотыми вещами и большимъ запасомъ провіанта. «Радуйся, другъ,—сказалъ я ему—

своему добру, пока ты его еще имѣешь, такъ какъ и твоей радости скоро придетъ конецъ!» Я передалъ ему разговоръ русскихъ генераловъ съ полковникомъ Уминскимъ и это согнало съ его лица выраженіе радости и довольства и сдѣлало его серьезнымъ. Послѣ моего разсказа о событіяхъ, пережитыхъ мною за послѣдніе дни, онъ сказалъ: «Завтра я тебя представлю графу фонъ-Шелеру, и ты поработаешь у насъ до тѣхъ поръ, пока мы снова не встрѣтимся съ твоими». Я провелъ ночь у него въ саду.

Утромъ, 21-го числа, я нашелъ генералитетъ, пѣхотный корпусъ нашихъ земляковъ, составившихъ нѣсколько баталіоновъ, и съ ними нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашего полка. Графъ фонъ-Шелеръ— онъ зналъ меня еще со времени Рейнскихъ походовъ,—увидѣвъ меня, подозвалъ къ себѣ. Онъ заставилъ меня разсказать о нашихъ приключеніяхъ и о сраженіи, интересовался также и предметами моего призванія и выказалъ много состраданія и участія ко мнѣ. Меня и остатки офицеровъ нашего полка онъ прикомандировалъ къ штабу. Какъ только графъ фонъ-Шелеръ отпустилъ меня, мнѣ пришлось взяться за работу. Штабъ-офицеры, фонъ-Мюнхингенъ и фонъ-Фалькенштейнъ—съ ними я былъ также знакомъ еще со временъ Рейнскихъ походовъ, попросили меня осмотрѣть ихъ раны. Одинъ носилъ лѣвую, другой правую руку на перевязи; оба были старые друзья и товарищи по оружію. У меня все

еще до сихъ поръ живетъ въ памяти та неблагопріятная обстановка, при которой я дѣлалъ имъ перевязку. Было морозно, шелъ снѣгъ и дулъ сильный вѣтеръ; потомъ, при дальнѣйшемъ леченіи, часто приходилось удалять осколки кости изъ ранъ ночью при огнѣ и при такихъ же условіяхъ дѣлать новыя перевязки; все-таки раны во время отступленія заживали. Мы покинули до обѣда эту усадьбу и двинулись назадъ, въ сторону отъ большой дороги. На этомъ переходѣ я замѣтилъ, какъ порѣдѣли наши войска, но всѣ бывшіе въ Москвѣ поправились, запаслись одеждой и провіантомъ и, несмотря на незначительное число людей, возили съ собой еще всѣ свои пушки. Въ этотъ день мы встрѣтились также съ прибывшей изъ Москвы гвардіей Наполеона. Гордые, красивые, бодрые и свѣжіе, какими приходятъ лишь съ зимнихъ квартиръ, шли они сомкнутыми колоннами, хорошо одѣтые, съ обозомъ, нагруженнымъ провіантомъ. Каждый имѣлъ уложенные наверху на ранцѣ три, четыре бѣлыхъ хлѣба и висящую на саблѣ или перевязи бутылку водки. Всѣ генералы и высшіе офицеры обзавелись экипажами, а низшіе дрожками, все это нагружено драгоцѣнными вещами и съѣстными припасами. Женатые солдаты поручили своимъ женамъ всякаго рода повозки, нагруженныя всѣмъ, что только попадалось подъ руку и имѣло какую-нибудь цѣну. Маркитантскіе телѣги были наполнены виномъ, водкой, сахаромъ, чаемъ; всѣ вьючныя лошади также были нагружены.

Первое, что я узналъ, присоединившись къ арміи, былъ слухъ, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе проникнуть въ южныя губерніи, житницы Россіи, по дорогѣ разбить русскихъ, уничтожить тульскіе оружейные заводы и предоставить намъ тогда или хорошія зимнія квартиры, или повести домой черезъ богатыя страны. Послѣднее сраженіе и отступленіе отъ Москвы разрушило всѣ надежды на миръ и потому въ этихъ извѣстіяхъ находили новое утѣшеніе, одинаково всѣ: и желавшіе мира, и жаждующіе добычи. Наше назначеніе, казалось, было защищать съ тыла великую армію въ то время, какъ она направлялась къ Малоярославцу; наша пѣхота заняла ущелья въ окрестностяхъ Боровска, а остатки нашихъ трехъ кавалерійскихъ полковъ заняли возвышенности и доставляли работу окружающимъ насъ казакамъ. Вечеромъ пошелъ дождь, заставившій насъ ночевать на кирпичномъ заводѣ. За нами внизъ по верхнему краю глубокаго оврага тянулась узкая столбовая дорога, по которой двигались многіе экипажи и фуры къ расположенной внизу деревнѣ. Мы замѣтили среди другихъ почтовый четырехмѣстный экипажъ, въ которомъ сидѣли четыре хорошо одѣтыхъ дамы. На другое утро мы узнали, что этотъ экипажъ съ людьми и лошадьми свалился въ оврагъ, и когда мы двинулись дальше, мы увидѣли несчастныхъ, лежащими мертвыми на страшной глубинѣ. Французская армія съ ея невѣроятнымъ обозомъ выступала постепенно изъ

Москвы по дорогѣ въ Малоярославецъ, и мы стояли то въ Боровскѣ, то въ его окрестностяхъ, видя всегда, какъ вокругъ насъ рыскали казаки. 27-го числа мы заняли возвышенность впереди Боровска, по дорогѣ, ведущей въ Малоярославецъ. Гдѣ то впереди, на разстояніи двухъ, трехъ часовъ отъ насъ, слышалась сильная канонада. Привыкшіе уже давно къ безпрестанному грому пушекъ, мы болѣе обращали вниманіе на то, что происходило вблизи насъ. Мы здѣсь нашли большой военный обозъ, нагруженный большей частью драгоцѣнностями и съѣстными припасами изъ Москвы; много было здѣсь и женщинъ. Онъ, казалось, дожидалъ окончанія боя, происходившаго впереди. Женщины распаковывали свое добро, частію, чтобъ снова разсмотрѣть его, но, главнымъ образомъ, для того, чтобъ обмѣнять, продать и такимъ образомъ облегчить себя. Для этой цѣли многое было отложено въ сторону и оставлено. Я видѣлъ здѣсь самыя красивыя одѣяла и ковры, какихъ никогда не видѣлъ раньше, роскошные занавѣси изъ самыхъ дорогихъ матерій, богато вышитые золотомъ и серебромъ, съ каймой и бахромой. Много было цѣлыхъ кусковъ шелковой матеріи всѣхъ цвѣтовъ, рѣдкой красоты мужскія и женскія платья; кромѣ этого, у однихъ были драгоцѣнные камни, у другихъ шкатулки съ брильянтами, или свертки дукатовъ, у третьихъ горы серебра. Я смотрѣлъ на все это съ удивленіемъ. Весь этотъ блескъ и богатство не

вызывалъ во мнѣ зависти и недоброжелательства, мною овладѣло чувство сожалѣнія къ этимъ счастливымъ, такъ какъ я былъ увѣренъ, что это кратковременно. При такихъ наблюденіяхъ и приключеніяхъ прошелъ день.

Ночью я, вмѣстѣ съ нѣсколькими кавалерійскими офицерами, ушелъ спать подъ какой-то маленькій навѣсъ. Мы давно уже спали, какъ вдругъ три—четыре человѣка стащили полъ крыши; намъ на лицо посыпались мусоръ и песокъ, разбудившій насъ. Что такое? Кто позволяетъ себѣ это? Каждый изъ насъ хотѣлъ схватить одного изъ нарушителей нашего спокойствія съ намѣреніемъ серьезно его проучить. Въ темнотѣ моя рука прикоснулась къ голой, холодной, какъ ледъ, и такой худой груди, какъ будто по холоднымъ ребрамъ была протянута сухая паутина. Я самъ былъ тогда очень слабъ и не могъ грубо прикоснуться, но человѣкъ этотъ былъ такъ обезсиленъ, что отъ моего прикосновенія упалъ на землю и сказалъ по-французски: «О, мой Богъ! Мой Богъ! Какіе люди, какая страна, какъ я несчастенъ, дайте мнѣ умереть!» Я, кажется, былъ болѣе испуганъ, чѣмъ этотъ человѣкъ, потому что, за исключеніемъ труповъ, рука моя никогда не прикасалась ни къ чему подобному. Мое участіе въ защитѣ нашего ночлега окончилось; эти люди (то были французскіе пѣхотинцы) отправились дальше, и мы снова легли. Это приключеніе, одно изъ ужасныхъ въ моей

жизни, воскресило снова въ моей памяти всѣ картины бѣдствія, пережитыя во время этой войны, и скверно повліяло на мое душевное состояніе. Я видѣлъ будущее въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что распространилась вѣсть, что мы будемъ отступать снова по прежней дорогѣ *). 25 числа до обѣда мы снова слышали пушечную пальбу; облака дыма все приближались къ намъ. Скоро мы замѣтили, что армія отступаетъ. Мы отступили снова къ Боровску. Всюду говорили, что Наполеонъ не можетъ проникнуть въ губерніи, богатыя хлѣбомъ, что армія отступаетъ по той дорогѣ, по которой пришла, и эти слухи вскорѣ подтвердились. При возбуждающемъ ужасъ шумѣ, трескѣ, огнѣ и въ облакахъ дыма армія прибыла въ Боровскъ. Былъ данъ приказъ сжигать и предавать пламени все, что оставляютъ. Деревни отъ Малоярославца уже горѣли, обозныя фуры, которыя не могли слѣдовать за арміей, были взорваны. Какъ русскіе, когда мы шли сюда, сжигали деревни, зерновой хлѣбъ и сѣно на поляхъ и лугахъ, такъ и мы еще безчеловѣчнѣе и ужаснѣе приводили въ исполненіе новый приказъ.

---

*) Оказанное (24 октября) русскими при Малоярославцѣ сопротивленіе (см. введеніе), заставило Наполеона покинуть избранную имъ дорогу въ Калугу и отступить по большой дорогѣ къ Смоленску, по которой онъ пришелъ. Это отступленіе арміи черезъ совершенно разоренныя мѣстности вело ее къ гибели.

Прибывшіе, словно бѣшеные, быстро предали пламени романтически и красиво расположенный Боровскъ.

Мы получили приказъ выступить и двинулись обратно въ долину. Наша тяжелая артиллерія двигалась впереди. Вечеръ былъ чудный, всюду у насъ царили порядокъ и спокойствіе; превосходная дорога благопріятствовала началу этого похода, и мы всѣ желали, чтобъ она и дальше была столь хороша. Прибывъ поздно ночью въ деревню, мы расположились въ домахъ: жители ихъ не покинули. Солдаты нашли провіантъ. Покинутая нами мѣстность горѣла со всѣхъ сторонъ, и пламя освѣщало окрестности. Ночью многіе опередили насъ, такъ что утромъ дорога была густо усѣяна артиллеріей, обозами, отдѣльными кавалеристами и пѣхотинцами. Много говорили объ ожидающей насъ судьбѣ на дорогѣ въ Смоленскъ. Какъ достать пищу, фуражъ и все другое, необходимое для такого многочисленнаго войска тамъ, гдѣ ничего нѣтъ? Пугала и приближающаяся зима, холода уже давали себя чувствовать. Не всѣ были хорошо одѣты; многіе носили еще лѣтніе штаны; ни у кого въ общемъ не было перчатокъ и тому подобныхъ необходимыхъ вещей. Мы достигли красиваго небольшого города Верети, еще не сожженнаго, провели въ немъ нѣсколько часовъ, и въ это время мимо насъ прошло и проѣхало много войска и

экипажей. Здѣсь я видѣлъ также остатокъ польскаго 10 гусарскаго полка, имѣвшій еще 20 лошадей. Подвигаясь дальше по хорошей дорогѣ мы 27-го миновали, при хорошей погодѣ, Борисовъ, гдѣ намъ пришлось питаться лукомъ и капустой, безъ мяса и соли. На этой дорогѣ, изъ Верети въ Можайскъ, мы встрѣчали поля, гдѣ еще не былъ сжатъ созрѣвшій хлѣбъ. Въ Можайскъ мы прибыли поздно ночью 28 октября; шелъ снѣгъ. Я расположился спать на развалинахъ сгорѣвшаго дома. На другое утро я узналъ, что корпусный штабъ провелъ ночь такъ же, какъ и я. Уголокъ полусгорѣвшаго дома, гдѣ переодѣвался графъ фонъ-Шелеръ, именовался главной квартирой. Его свита сидѣла на грудахъ камней и балкахъ вокругъ огней, и нѣкоторые были заняты погребеніемъ земныхъ останковъ фонъ-Денгера, умершаго только что отъ военной чумы, у насъ тогда уже свирѣпствовавшей. Мы пробыли здѣсь до полудня 29 и дальше двинулись по большой дорогѣ, гдѣ уже раньше мы перенесли такъ много тяжелаго. Здѣсь къ намъ присоединились войска, оставшіяся въ Москвѣ. Они долгое время жили хорошо, хорошо выглядѣли. Это были большей частью пѣшіе кавалеристы, вооруженные, какъ пѣхотинцы, взятымъ въ Москвѣ въ цейхгаузѣ оружіемъ. Это вооруженіе такъ имъ не нравилось, что они, увидѣвъ безпорядокъ, тогда уже царившій у насъ, побросали оружіе и аму-

ницію, и всѣ разбрелись, продолжая путь съ ранцемъ на спинѣ и съ шомполомъ вмѣсто посоха въ рукѣ, и никто не могъ этому помѣшать. Другіе, прибывшіе изъ Москвы, были частью выздоравливающіе, частью страдающіе еще отъ ранъ офицеры и солдаты. Господинъ фонъ-Нагель, адъютантъ генерала фонъ-Бреднинга, обоихъ я зналъ съ 1805 года, были также въ этомъ походѣ. Здѣсь я встрѣтилъ перваго, который повелъ меня къ лежащему въ оврагѣ у большой дороги генералу, только что умершему отъ чумы. Тутъ у дороги лежали земные останки человѣка, бывшаго моего друга, имѣвшаго обыкновеніе серьезно и въ шутку говорить товарищамъ и подчиненнымъ: «Я увижу тебя, лежащимъ въ шоссейномъ оврагѣ!» или: «Ты умрешь и окрасишь своей кровью землю!» Ему выпало на долю умереть отъ часто быстро умерщвляющей болѣзни, названной нами уже тогда военной чумой; онъ заболѣлъ въ Москвѣ и умеръ около Можайска. Его адъютантъ разсказалъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ въ Москвѣ и разспрашивалъ съ большими подробностями о моихъ.

Дорога вела насъ черезъ лѣсъ, лежащій между Можайскомъ и Бородинскимъ полемъ сраженія. Онъ, со времени битвы, много пострадалъ. Мы двинулись черезъ него густыми, безпорядочными кучами; артиллерія и армейскія фуры по срединѣ, кавалеристы и пѣхотинцы подлѣ. Подъ нашими ногами

лежало оружіе и заряды, прибывшихъ пѣшкомъ изъ Москвы кавалеристовъ, и ихъ гибельному примѣру послѣдовали затѣмъ очень многіе. Миновавъ лѣсъ, мы увидѣли влѣво отъ насъ поле битвы. Растоптанная въ этотъ кровавый день рожь, за время нашего отсутствія поднялась, и въ ея зелени мы видѣли трупы людей и лошадей. Наступилъ вечеръ; мы приблизились къ Волоцкому монастырю, сдѣлавшемуся со времени битвы госпиталемъ и складомъ всѣхъ собранныхъ орудій, пушекъ и пуль. Входъ былъ обнесенъ стѣной, и на углахъ были поставлены для защиты пушки. Не всѣмъ желающимъ былъ разрѣшенъ входъ. Я со многими генералами и штабъ-офицерами ночевалъ въ монастырѣ у разведеннаго нами огня. Здѣсь мы нашли магазинъ съ провіантомъ. Холодная ночь съ 29 на 30 миновала. Мы спали мало, потому что въ монастырѣ, переполненномъ отступающими войсками, было чрезвычайно шумно. Наполеонъ также ночевалъ здѣсь. Рано утромъ былъ данъ приказъ взять съ собой находящихся здѣсь раненыхъ. Каждый проѣзжавшій экипажъ, принадлежалъ ли онъ полковнику или маршалу, каждый фургонъ, каждая маркитантская телѣга или дрожки должны были принять одного или двухъ раненыхъ. Вюртембергская бригада, состоявшая изъ пѣшихъ егерей и пѣхоты, число которыхъ простиралось до 200 человѣкъ, была назначена императоромъ для исполненія этого приказа. Эти

солдаты выносили раненыхъ, а офицеры размѣщали ихъ. Въ то время какъ офицеры видѣли въ такомъ порученіи предпочтеніе, почетную обязанность, солдаты горько сѣтовали. Все же приказъ былъ самымъ точнымъ образомъ приведенъ въ исполненіе, и дѣло было окончено въ полтора часа. Несчастнымъ раненымъ пришлось плохо. Они были поручены грубымъ кучерамъ, гордымъ камердинерамъ, невѣжественнымъ маркитантамъ, жестокосердымъ товарищамъ по оружію и преневѣжественнымъ обозным солдатамъ; эти всѣ заботились только о томъ, чтобъ поскорѣе освободиться. Ихъ оставляли на мѣстахъ ночлега или дорогою, когда эти несчастные имѣли потребность слѣзть съ лошади, или перевязывали свои раны. Уже на другой день я видѣлъ нѣсколькихъ, лежащихъ у дороги и жалобно молящихъ о помощи; позже, хотя сами и не видѣли этого, мы слышали ужасные разсказы объ ихъ участи и о дикости и жестокости ихъ провожатыхъ.

ГЛАВА X.

30 октября мы двинулись къ Гжатску. Императоръ со своей гвардіей былъ впереди; шли форсированнымъ маршемъ. Кое-кто, правда, какъ исключеніе, сохранилъ еще бодрость духа. Такъ, я слышалъ, какъ одинъ прусскій гусаръ, окруженный многочисленнымъ пестрымъ обществомъ, среди котораго были и женщины, громкимъ голосомъ декламировалъ какое-то юмористическое стихотвореніе. Утренній холодъ заставилъ меня съ нѣкоторыми друзьями, не ожидая выступленія полка, двинуться впередъ. Въ это время Наполеонъ и гвардія уже успѣли пройти довольно значительное разстояніе по направленію къ Гжатску. По дорогѣ наше вниманіе привлекли свѣжіе трупы русскихъ солдатъ, незадолго, какъ ясно было видно, убитыхъ выстрѣломъ въ голову; одинъ трупъ нами найденъ еще теплымъ. Мы не могли себѣ объяснить этого страннаго явленія, но въ Гжатскѣ мы узнали, что при обозѣ императора находятся плѣнные русскіе. Ихъ конвоировали ба-

денскіе гренадеры, которымъ былъ данъ безчеловѣчный приказъ, тотчасъ разстрѣлять того, кто устанетъ и не сможетъ итти дальше. Въ этотъ день мы нашли приблизительно пять труповъ русскихъ. Правдивость приведеннаго выше объясненія подтвердилась тѣмъ, что баденскіе гренадеры дѣйствительно сопровождали до Березины багажъ, казну и кухню Наполеона. Еще болѣе подробныя свѣдѣнія по этому поводу я получилъ позже въ Борисовѣ при Березинѣ, гдѣ два, взятые тамъ въ плѣнъ унтеръ-офицера — баденскіе гренадеры—часто разсказывали мнѣ (они были моими вѣстовыми) объ этомъ происшествіи. Они говорили, что Наполеонъ самъ далъ этотъ приказъ; что офицеры его штаба частью были за, частью противъ этого рѣшенія; среди послѣднихъ они называли Бертье *) и еще другого, тайкомъ убѣждавшихъ нѣкоторыхъ гренадеровъ позволить ночью понемногу спасаться бѣгствомъ. Унтеръ-офицеры увѣряли меня, что они дѣлали все возможное, чтобъ помочь плѣннымъ убѣжать, они дѣлали имъ соотвѣтствующіе знаки, особенно ночью, посылали ихъ за водой, но тѣ всегда возвращались, приносили воду, не рѣшаясь на бѣгство. Эта ужасная расправа съ плѣнными

*) Бертье, Людовикъ-Александръ (1753—1815), генералъ-маіоръ наполеоновской гвардіи, впослѣдствіи маршалъ, приближенный Наполеона.

Примѣчаніе переводчика.

прекратилась, когда на другой день между Гжатскомъ и Вязьмой насъ снова стали тревожить нападенія казаковъ *). Мы ,впрочемъ, съ самаго начала повѣрили въ возможность существованія свирѣпаго приказа о разстрѣлѣ плѣнныхъ, т. к. все наше отступленіе сопровождалось массой жестокостей, вродѣ поджоговъ деревень, черезъ которыя мы проходили. Каменныя постройки, которыхъ не могъ разрушить огонь—разрушались порохомъ: ихъ взрывали.

Видъ этой опустошенной дороги не могъ приводить насъ въ радостное настроеніе: мы уже видѣли на пути, пройденномъ нами большей частью пѣшкомъ (лошадей вели подъ уздцы), лежащихъ у дороги труповъ, умершихъ съ голоду и отъ истощенія. Я часто думалъ: гдѣ же то мѣсто, на которомъ ты останешься лежать и умрешь отъ голода и истощенія. Какъ-то погруженный въ эти размышленія, я вдругъ увидѣлъ на дорогѣ деревянную, красивой формы, ложку. Я быстро поднялъ ее и съ этого момента видѣлъ въ ней ниспосланную мнѣ съ неба знаменіе, что не умру голодной смертью, и мое малодушіе исчезло. Прибывъ вечеромъ въ Гжатскъ, я встрѣтилъ лейтенанта Вей-

*) Графъ Сегюръ въ своемъ описаніи разстрѣла плѣнныхъ уклоняется отъ истины, приписывая его не приказу Наполеона, а злобѣ солдатъ.

са, раненаго 6 іюля и лечившагося въ Вильно. Послѣ своего выздоровленія онъ собралъ всѣхъ людей и лошадей, отставшихъ по разнымъ причинамъ отъ полка со времени перехода черезъ Нѣманъ, образовалъ изъ нихъ команду и привелъ ее къ полку. Онъ хотѣлъ видѣть Москву, но пришелъ слишкомъ поздно. Мы съ нѣсколькими знакомыми, между ними былъ и полковникъ фонъ-Норманъ *) устроили общій ужинъ. Вейсъ лучше всѣхъ умѣлъ варить; онъ отлично приготовилъ изъ лука и мяса клецки и фрикадели, удовлетворившія нашъ аппетитъ. За ужиномъ мы узнали, что прибылъ курьеръ изъ Штутгарта, который привезъ съ собой деньги для войска, ордена и почетныя сабли, золотыя и серебряныя медали для солдатъ и офицеровъ, представленныхъ къ наградамъ. Въ этотъ вечеръ мы должны были выступить и двинуться дальше и для ночевки расположились поздно ночью у деревни, далеко отстоящей отъ дороги. На одномъ изъ перекрестковъ большой дороги я встрѣтилъ одного изъ своихъ знакомыхъ — штабнаго офицера. Онъ стоялъ ,прислонившись къ березѣ, изнуренный и дрожащій отъ холода и голода. Два дня спустя онъ

---

*) Карлъ Фридрихъ Лебрехтъ графъ Норманъ-Эренфельзъ (1784—1822) перешелъ въ 1813 году къ союзникамъ и принялъ потомъ участіе въ войнѣ за независимость эллиновъ и умеръ въ Греціи.

Прим. издателя оригинала.

умеръ, не перенеся лишенiи. Онъ сообщилъ мнѣ, что прибывшiй курьеръ привезъ и для меня орденъ. Это извѣстiе хотя и застигло меня врасплохъ, но въ правильности его я не сомнѣвался и отвѣтилъ: «Еслибъ мы были въ безопасности, ваше извѣстiе обрадовало бы меня, но теперь важнѣе всего забота о сохраненiи жизни, потому что смерть грозитъ со всѣхъ сторонъ». Ко всѣмъ бѣдствiямъ, что мы переживали, прибавилось еще одно—гладкiя подковы, лишенныя шиповъ. Уже въ Гжатскѣ многiе старались исправить подковы у лошадей или заново ихъ подковать, но все напрасно. Лошади постоянно скользили и падали и это бѣдствiе преслѣдовало насъ все время отступленiя, и оно было причиной безчисленныхъ несчастныхъ случаевъ.

На другой день, 31 октября, мы остановились для отдыха на разстоянiи приблизительно около мили отъ Вязьмы. Я, коллега Шауманъ, лейтенантъ Вейсъ и капитанъ фонъ-Хюгель приготовили себѣ черную мучную кашу.. Мы были уже готовы двинуться дальше, какъ вдругъ рядомъ крикъ: Казаки! Казаки! Вейсъ поскакалъ рысью, а я поѣхалъ за нимъ такъ быстро, насколько только была въ состоянiи моя вороная лошадь; такимъ образомъ мы спаслись. Многiе были взяты въ плѣнъ, многiе ранены; много печальныхъ приключенiй разсказали намъ прибывшiе вслѣдъ за нами объ этомъ нападенiи. Со времени Боровска это была первая стычка съ казаками.

Когда мы достигли Вязьмы, мы узнали, что южнѣе города идетъ упорный бой *). Въ городѣ было много раненыхъ, особенно среди пѣшихъ егерей. Поздно вечеромъ, послѣ долгихъ поисковъ, намъ удалось въ какой-то отдаленной улицѣ найти себѣ мѣсто для ночлега. Мы постучали въ ворота новаго деревяннаго дома, у оконъ котораго видѣли людей.

«Чего хотятъ товарищи?»—спросили насъ. Мы объяснили свое желаніе.

«Если у васъ есть провіантъ и вы захотите подѣлить его съ нами, то мы готовы васъ принять»,—отвѣтили намъ.

Мы согласились. «У Вейса, сказалъ я, есть мука и мясо, у меня горохъ и кофе».

Намъ открыли. Въ домѣ были молодой офицеръ саксонской конной гвардіи и вестфальскій капитанъ. Ночь прошла въ варкѣ ѣды и разсказахъ объ ужасныхъ событіяхъ, которыя мы переживали въ послѣднее время и о томъ, что готовитъ намъ будущее. Утромъ оба офицера отправились въ Смоленскъ; Вейсъ отыскалъ свою команду, а я—нашъ генералитетъ. Весьма жалкое состояніе всѣхъ ли-

*) Сраженіе при Вязьмѣ, гдѣ русскій генералъ Милорадовичъ пытался отрѣзать французскій арріергардъ, чѣму помѣшалъ вице-король Евгеній, было лишь 3 ноября. Въ текстѣ, повидимому, числовыя даты нѣсколько не точны.

нейныхъ войскъ (исключая гвардіи Наполеона), побудили начальство послать изъ Вязьмы впередъ въ Вильно графа фонъ-Шелера, главнаго корпуснаго хирурга, чтобъ онъ устроилъ тамъ къ нашему прибытію два госпиталя, одинъ для офицеровъ, другой для солдатъ. Для этой цѣли ему выдали значительное число дукатовъ; онъ долженъ былъ уѣхать еще въ этотъ день, меня же назначили на его должность. Изъ 26 старшихъ врачей армейскаго корпуса я былъ самымъ старшимъ по службѣ, и, при выступленіи въ походъ, мнѣ обѣщали при первой открывшейся вакансіи дать повышеніе. Чувствовалъ я себя въ это время довольно скверно, но все же не терялъ бодрости духа. Я посѣтилъ тотчасъ больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ и заботился, насколько могъ, какъ о тѣхъ, которыхъ можно было взять съ собой, такъ и о тѣхъ, которыхъ должны были оставить.

При выступленіи 2 ноября изъ Вязьмы, мнѣ показали тѣхъ солдатъ пѣхоты, которымъ довѣрили охрану знаменъ. Нашъ генералитетъ и раньше уже велѣлъ припрятать половину знаменъ, но теперь было приказано всѣ знамена снять съ шестовъ и частью просто обвязать ихъ вокругъ животовъ болѣе сильныхъ и болѣе выносливыхъ людей, частью запаковать, чтобъ они такимъ образомъ лучше сохранились. Впослѣдствіи мнѣ сообщили, что вюртембергскій корпусъ не потерялъ въ Россіи ни

одного изъ своихъ знаменъ *). Это было мнѣ объявлено съ той цѣлью, чтобъ, въ случаѣ болѣзни или раненія одного изъ этихъ знаменосцевъ, я возможно болѣе о немъ заботился и, въ случаѣ смерти, содѣйствовалъ бы спасенію знамени. Въ полдень мы выступили изъ Вязьмы. Наполеонъ пріѣхалъ верхомъ въ своемъ сѣромъ пальто; однако въ этотъ разъ онъ прикрылъ свою вѣнценосную голову не шляпой, а теплой зеленой шапкой съ сѣрымъ мѣхомъ. Подлѣ него ѣхали его ближайшіе родственники, находившіеся въ арміи **). Впрочемъ, его свита была немногочисленна, и здѣсь, несмотря на всѣ неудачи похода, его ореолъ въ глазахъ большинства не померкъ. Я слышалъ и здѣсь и впослѣдствіи, какъ офицеры различныхъ націй говорили: «Пока Наполеонъ съ нами, мы не падаемъ духомъ, если только насъ не покидаютъ силы. Послѣдніе три дня стояла ужасная стужа, началась суровая зима, унесшая много жертвъ. Однажды я наблюдалъ такую сцену. На нашемъ пути сломалось нѣсколько телѣгъ, сейчасъ же послышались восклицанія: Сахаръ! Водка! Словно гонимая бурей, подбѣжала къ телѣгамъ группа голодныхъ солдатъ

---

*) Въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, гдѣ хранятся всѣ взятыя во время этой войны знамена, нѣтъ ни одного вюртембергскаго.

**) Съ одной стороны король неаполитанскій, а съ другой вице-король Италіи.

и черезъ нѣсколько минутъ все было растащено. Порядокъ и дисциплина въ это время въ арміи совершенно отсутствовали. При грабежахъ, а грабили теперь собственные обозы, водки больше проливалось, чѣмъ выпивалось; сахаръ, напротивъ, всегда тщательно сохраняли. Я многократно убѣждался въ питательномъ свойствѣ сахара; часто ничего не имѣя другого, кромѣ куска сахара, я съѣдалъ его во время перехода, и это облегчало переносить голодъ; иногда появлялось даже ощущеніе сытости. Правда, на нѣкоторыхъ, склонныхъ къ желудочныхъ заболѣваніямъ, употребленіе сахара дѣйствовало плохо.

Выпавшій снѣгъ очень затруднилъ намъ путь, особенно тяжело приходилось артиллеріи. Кавалеристы должны были слѣзать съ лошадей. Послѣднихъ въ полномъ снаряженіи съ ихъ сѣдельной сбруей впрягали въ пушки; въ виду недостатка хомутовъ, постромки прикрѣплялись къ подпругамъ. Все это однако приносило чрезвычайно мало пользы. На другое утро пришлось оставить тяжелыя орудія, потому что ночью пало множество лошадей. Земля крѣпко замерзла; стала неровной, вслѣдствіе чего путь сдѣлался еще болѣе труднымъ. Рано утромъ, 3 ноября, я былъ свидѣтелемъ того, какъ графъ фонъ-Шелеръ велѣлъ забить дула и распилить лафеты у восьми тяжелыхъ пушекъ, 16 и 24 фунтовыхъ. Эта необходимость опечалила всѣхъ при-

сутствовавшихъ: настроеніе было такое, какъ будто мы были принуждены покинуть родственника или друга въ нуждѣ и нищетѣ, не имѣя возможности ничего сдѣлать для того, чтобы оказать ему помощь и спасти его. Это были первыя пушки, которыя потерялъ въ этой войнѣ вюртембергскій корпусъ.

На одномъ изъ приваловъ, возлѣ почтовой станціи у меня украли мою шпагу, которой я пользовался при приготовленіи пищи. Здѣсь же я наблюдалъ, съ какимъ усердіемъ и проворствомъ французы приготовляли лошадиное мясо. Двигаться приходилось по глубокому снѣгу, совершенно засыпавшему дорогу, при сильномъ морозѣ. На ночевку расположились въ лѣсу; количество больныхъ съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше, на разсвѣтѣ я увидѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ замерзли. 4-го, рано утромъ мы снова сдѣлали привалъ опять у почтовой станціи. Здѣсь былъ расположенъ небольшой отрядъ пѣхоты, состоявшій изъ молодыхъ, большею частію шестнадцатилѣтнихъ рекрутовъ, только что пришедшихъ, часть которыхъ была еще въ національномъ платьѣ. Эти молодые эльзасцы и лотарингцы разсказывали намъ, что они должны сражаться, защищая почти ежедневно домъ отъ казаковъ и провожая транспорты въ армію и курьеровъ. Внутри почтовый домъ, переполненный людьми, походилъ болѣе на конюшню, чѣмъ на ка-

зарму; у нихъ, однако, хлѣбъ былъ въ избыткѣ и они продавали его намъ по высокой цѣнѣ. Я далъ 4 монеты по 24 крейцера за порцію, насытившую меня ненадолго. Послѣдніе дни (4-го и 5-го) наше отступленіе сопровождалось ужасными мученіями, погода не позволяла сворачивать съ дороги, чтобы отыскать пищу; морозы усиливались. Нужда принимала ужасные размѣры. Павшія лошади тотчасъ подбирались солдатами, часто трупъ одной лошади окружали десятки голодныхъ людей, отрѣзывавшихъ себѣ куски мяса. Часто лошади еще двигались, еще жили даже и послѣ того, какъ у нихъ почти до половины срѣзывалось мясо. Постоянно приходилось наблюдать ссоры и драки, вспыхивавшія изъ-за самыхъ незначительныхъ причинъ. При малѣйшемъ противорѣчіи всякій, имѣвшій еще саблю, тотчасъ вынималъ ее изъ ноженъ. Я видѣлъ даже, какъ обозный солдатъ изъ-за куска хлѣба раздробилъ своему товарищу голову. Дни дѣлались очень короткими, мы спѣшили и шли, поэтому, до поздней ночи. Утромъ мы выступали рано. На бивуакахъ оставались всегда трупы людей и лошадей. Потеря лошади обыкновенно выводила изъ строя и солдата, до того вполнѣ здороваго. Даже привычные къ ходьбѣ умирали отъ холода и недостатка пищи.

---

*) Подробные факты сообщаютъ и вюртембергскій офицеръ Хр. Л. фонъ-Гелинъ, капитанъ Куанье, графъ Хохбергъ и др.

Прим. издателя.

Однажды я засталъ у огня товарищей, убивавшихъ бѣлую собаку. Сыну одного чиновника изъ Кингена, Вицигенрейтеру, досталась голова собаки. Онъ всю ночь варилъ ее, съѣлъ и скоропостижно умеръ. Когда мы утромъ выступили, мнѣ показали его трупъ, лежащій въ лѣсу у дороги. Прибывъ 6 ноября въ Дорогобужъ (день рожденія нашего короля), мы сдѣлали на нѣсколько часовъ привалъ, въ надеждѣ, что въ магазинахъ найдется еще провіантъ. Но намъ пришлось двинуться дальше такими же голодными, какими мы и прибыли сюда, потому что все, что было, роздали уже гвардіи. Мы разбили нашъ бивуакъ приблизительно на разстояніи мили за городомъ, на голой равнинѣ, у главной дороги. Было очень холодно, и дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, который вмѣсто того, чтобъ раздувать огонь, тушилъ его. Я ночевалъ съ нашей артиллеріей, имѣвшей еще приблизительно девятнадцать пушекъ. 18 офицеровъ, у которыхъ я былъ въ гостяхъ, не имѣли буквально ни крошки хлѣба; ощущался также недостатокъ и въ дровахъ. Капитанъ фонъ-Бирги далъ для поддержанія костровъ военную фуру, которую онъ все равно долженъ былъ оставить изъ-за отсутствія лошадей. Чтобъ возможно лучше защитить себя отъ сильнаго вѣтра, каждый изъ насъ бралъ патронный ящикъ, всовывалъ туда свою голову, обращенную къ вѣтру, и ложился ногами къ огню. Холодъ, сильный вѣтеръ, большая усталость и главное тяжелыя мысли мѣ-

шали спать. Отрядъ изъ нѣсколькихъ солдатъ послали искать фуражъ. Въ полночь часть ихъ вернулась съ небольшимъ количествомъ сѣна и съ извѣстіемъ, что ихъ товарищи взяты въ плѣнъ казаками. Эта вѣсть еще болѣе увеличила наши заботы изъ-за опасенія нападенія, котораго, однако, не послѣдовало. Съ другой стороны прибѣжали, запыхавшись два, полуодѣтые солдата и разсказали со смертельнымъ страхомъ, что они вечеромъ, чтобъ поискать пищу, свернули съ дороги въ сторону, но въ одной деревнѣ на нихъ напали съ пиками и топорами вооруженные крестьяне и окружили ихъ; большинство ихъ товарищей были заколоты на мѣстѣ, и только они съ большимъ трудомъ избѣгли опасности. Уже за полночь прибылъ изъ Доробужа артиллерійскій офицеръ, оставшійся въ главной квартирѣ, чтобъ принять какой-нибудь провіантъ. Онъ принесъ въ рукавѣ своей шинели три хлѣба, каждый вѣсомъ въ полтора фунта, и сказалъ: «Здѣсь все, что генералъ шлетъ ко дню рожденія короля». Эти 4½ фунта хлѣба были раздѣлены на 19 частей; сколько досталось каждому и мнѣ, какъ гостю, можно догадаться. Я сварилъ супъ вмѣстѣ съ артиллерійскимъ офицеромъ Фаберъ ди Форъ, мы съѣли его съ этимъ хлѣбомъ и легли спать.

Послѣ этой страшно холодной ночи моя лошадь, побѣлѣла отъ инея и почти окоченѣла отъ холода. Въ эту же ночь у меня украли мой ранецъ. Въ

немъ находилась самая дорогая для меня часть наслѣдства, оставленнаго мнѣ отцемъ, карманная книжка, въ которой были записаны имъ достопримѣчательныя событія Рейнскихъ походовъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, я началъ записывать. Зато самыя интересныя событія нашей войны, грабежи и кражи сдѣлались такими обычными явленіями, что не пощадили даже и высшихъ офицеровъ. Вызывались они исключительно голодомъ; воровали, надѣясь найти хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. 7-го числа мы продолжали нашъ путь, окруженные густымъ туманомъ и страшно страдая отъ холода. Мы натягивали пальто выше рта и носа до самыхъ глазъ, чтобъ предохранить эти части отъ отмораживанія; туманъ не позволялъ различать третьяго или четвертаго человѣка впереди себя. Мы шли до полудня; туманъ въ это время разсѣялся. Сдѣлали привалъ; растопили снѣгъ, чтобъ приготовить кофе, и поспѣшно его выпить. Къ нашему огню подошелъ погрѣться отставшій солдатъ. Снявъ со спины ранецъ, онъ распаковалъ его и сказалъ утомленнымъ голосомъ: «Я хочу продать всѣ мои вещи, полученныя мной въ Москвѣ, чтобъ имѣть возможность купить себѣ въ Смоленскѣ провизію». Самую большую цѣнность въ его маленькомъ имуществѣ (онъ его, положимъ, считалъ неоцѣнимымъ) имѣла пара дорожныхъ сапоговъ изъ бархата, на фланелевой подкладкѣ. Ихъ я ку-

пилъ за четыре гульдена, и имъ я обязанъ тѣмъ, что сохранилъ свои ноги. Вечеромъ, когда стемнѣло и холодъ снова увеличился, мы достигли узкаго и крутого спуска у деревни Соловьевой у Днѣпра. Объ этомъ спускѣ, уже заранѣе много говорилось. При сильномъ морозѣ и гололедицѣ, съ истощенными и голодными лошадьми безъ зимнихъ подковъ и часто совершенно безъ подковъ, этотъ спускъ дѣлался почти непроходимымъ, особенно съ пушками и обозными фурами. Люди и животныя мучились безполезно; лишь съ большимъ напряженіемъ удалось перевезти нѣсколько пушекъ. Наверху у дороги стоялъ маршалъ Ней съ небольшой свитой, въ парадномъ мундирѣ безъ пальто; онъ крикнулъ нашимъ генераламъ на эльзаскомъ нарѣчіи: «Господа, это не оступленіе, а бѣгство, ничего подобнаго я никогда не видѣлъ!». Едва мы отошли отсюда на разстояніе четверти часа, какъ были настигнуты массой людей, страшно перепуганныхъ. Оказалось, что казаки напали на нашихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра у моста, захватили пушки и обозъ, и вызвали такую панику и замѣшательство, что всѣ бросились сразу на мостъ, оканчивавшійся упомянутымъ выше крупнымъ спускомъ, и многіе, конечно, погибли. Еще ночью приходили къ намъ раненые казаками, среди которыхъ были и женщины. У этого узкаго прохода осталась половина пушекъ, вюртембергской артиллеріи, и многія другія, попавшія въ руки русскихъ; спас-

ло насъ только то, что казаки не продолжали преслѣдованія. За этимъ переходомъ слѣдовала еще болѣе ужасная ночь, не для меня, однако, такъ какъ я съ нашимъ генераломъ нашелъ, хотя и чрезвычайно бѣдное убѣжище, но все же довольно теплое, убогую крестьянскую избу, которую мы и заняли. Я нашелъ знакомую женщину въ амбарѣ, занятую приготовленіемъ ѣды, и былъ ею приглашенъ раздѣлить трапезу. Кушанье было весьма вкусно, и, когда мы все съѣли, она спросила меня, знаю ли, что я ѣлъ? «Нѣтъ», отвѣтилъ я ей: «но кушанье это было очень вкусно». Это было разрѣзанное на маленькіе кусочки мясо въ кисломъ соусѣ. «То лошадиное мясо, два раза вареное, съ соусомъ изъ уксуса и муки», сказала она: «Солдаты убили вчера молодую лошадь, мы запаслись ея мясомъ на много дней». Уже разсвѣтало, когда мы проснулись. Генералъ фонъ Кернеръ вышелъ на свѣжій воздухъ и черезъ нѣкоторое время вернулся въ такомъ состояніи, какъ будто онъ перенесъ сильную боязнь. Онъ долго молчалъ и, наконецъ, сказалъ:—«Теперь я увидѣлъ самое страшное въ моей жизни. На равнинѣ наши люди лежатъ вокругъ огней, окоченѣвшіе, замерзшіе и мертвые въ томъ положеніи, въ какомъ они расположились вечеромъ». Такъ въ слово слово звучала рѣчь генерала фонъ-Кернеръ.

Рано утромъ, 8 ноября, мы выступили. Дорога наша шла черезъ эту равнину. Множество

труповъ солдатъ различныхъ частей лежало вокругъ потухшихъ костровъ. Эти костры, разведенные изъ срубленныхъ, сырыхъ сучьевъ, давали слишкомъ мало тепла, чтобъ при сильномъ холодѣ поддерживать слабую жизнь голодныхъ и усталыхъ людей. На этой остановкѣ замерзло болѣе 300 человѣкъ. Много труповъ видѣли мы и у дороги. Въ эту страшную ночь армія потеряла большинство лошадей. Окутанные густымъ туманомъ, при сильномъ морозѣ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ казаками, приближались мы къ Смоленску, гдѣ надѣялись хоть нѣсколько отдохнуть. Когда мы, 11 ноября, достигли города, морозы нѣсколько уменьшились. Городъ былъ полуразрушенъ, особенно пострадала крѣпость, казалось, что она выдержала продолжительную осаду. Всюду выгорѣвшіе дома, открытыя настежь церкви, частью опустошенныя, частью обращенныя въ лазареты, солдаты въ полуобгорѣлой и оборванной одеждѣ, жалкія лошади, словомъ, всѣ страшные признаки опустошительной войны. Однако все же были здѣсь еврейскіе купцы и маркитанты, а на боковыхъ улицахъ мы нашли еще довольно квартиръ. Для арміи были приготовлены всякаго рода запасы. Гвардейцы получили большую часть ихъ, а для самыхъ нуждающихся, для сражающихся, осталось мало. Наше главное начальство купило достаточно муки, рису, мяса и водки, и каждый приходившій получалъ ихъ достаточно. Но многіе этого не знали,

и для такихъ Смоленскъ не былъ мѣстомъ отдыха. Прибывали все новые и новые голодные и оборванные солдаты и офицеры, въ самомъ жалкомъ состояніи, возбуждавшемъ въ одно и то же время сострадание, отвращеніе и омерзеніе. Среди нихъ я увидѣлъ бывшаго со мной въ лагерѣ при Тарутинѣ младшаго врача Мейера *) въ такомъ жалкомъ состояніи, что возстановленіе его потрясеннаго здоровья казалось невозможномъ. Онъ имѣлъ въ рукѣ стебель кочана капусты съ корнемъ и, показавъ его мнѣ, сказалъ: «Это было въ теченіи пяти дней моей пищей; у меня нѣтъ денегъ, и я не знаю, какъ себя прокормлю». Я далъ ему два альбертовскихъ талера и указалъ ему мѣсто, гдѣ наше главное начальство раздавало пищу; я совѣтовалъ ему присоединиться къ намъ; но я его больше не видѣлъ. Эти три дня, что мы стояли въ Смоленскѣ, мнѣ было сносно. Здѣсь я получилъ пожалованный мнѣ королемъ орденъ, и главное, досталъ пищи, которая для меня, изголодавшагося, была дороже всѣхъ орденовъ міра.

Обиліе пищи послѣ долгой голодовки, конечно, пагубно отражалась на здоровьи, тѣмъ болѣе, что объ умѣренномъ потребленіи пищи не могло быть и рѣчи. Но съ этимъ слабому желудку пришлось очень плохо; чего-нибудь поѣшь, едва, кажется, что насытился, какъ снова появляется голодъ, на-

*) Сынъ придворнаго музыканта въ Штутгартѣ.

чинаешь ѣсть снова, и появлялись боли въ желудкѣ. На настроеніе это вліяло страшно. Въ насъ заглохли чувства честности, дружбы и любви. Изъ всѣхъ офицеровъ полка я, напримѣръ, былъ очень друженъ съ ротмистромъ Рейнгардтомъ. Въ теченіе пяти лѣтъ мы жили съ нимъ по-братски, а со времени этой войны всегда дѣлились тѣмъ немногимъ, что имѣли. Здѣсь, въ Смоленскѣ, случилось, что графъ фонъ-Шелеръ подарилъ мнѣ нѣсколько бутербродовъ и стаканъ краснаго вина. Этотъ рѣдкій даръ издали замѣтилъ Рейнгардтъ и подошелъ ко мнѣ со словами: «Сегодня вы подѣлитесь со мной?». «Нѣтъ!», отвѣтилъ я ему. «Хорошо, это я вамъ припомню!», сказалъ онъ. Онъ удалился, а я съѣлъ все принесенное одинъ. Я долго упрекалъ себя въ этомъ поступкѣ, пока пять лѣтъ спустя Рейнгардтъ на мое извинительное письмо не написалъ мнѣ изъ Эльзаса, между прочимъ, слѣдующее: Мнѣ очень жаль, что вы до сихъ поръ еще упрекаете себя за свой отказъ подѣлиться со мной бутербродами. Вы должны были лучше знать меня; я не злопамятенъ, да и тогдашнее печальное положеніе побуждало многихъ поступать вопреки желаніямъ сердца». Ротмистръ фонъ Рейнгардтъ, участвовавшій со времени заключенія союза нѣмцевъ и французовъ во всѣхъ войнахъ и сраженіяхъ полка, не былъ никогда раненъ и умеръ въ чинѣ полковника, вслѣдствіе паденія съ лошади во время прогулки вблизи гарнизона Лудвигсбургъ, гдѣ

стоялъ полкъ, которымъ онъ командовалъ. Моя должность главнаго хирурга давала мнѣ въ Смоленскѣ много дѣла. Я посѣщалъ больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ, находившихся еще здѣсь съ августа мѣсяца, принималъ устные и письменные рапорты немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ врачей нашего корпуса, и заботился объ оставшихся въ этой крѣпости больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было болѣе везти дальше. Всѣхъ ихъ помѣстили въ церкви, находившейся на возвышенiи; чистота и порядокъ въ этомъ госпиталѣ были такiе, какихъ я не видѣлъ еще за все время этой войны. Мы должны были оставить 50 больныхъ съ младшимъ врачемъ, имѣвшимъ письмо отъ командира корпуса къ русскому военному начальству. Онъ самъ добровольно и съ большой рѣшимостью вызвался на это; ему поручили значительное число дукатовъ, чтобъ ими, гдѣ возможно помогать своимъ больнымъ. Но, когда всѣ наши покинули Смоленскъ, онъ прiунылъ, оставилъ своихъ больныхъ и украдкой ушелъ. Я провелъ въ этомъ городѣ три ночи; одну въ разрушенномъ домѣ, другую подъ открытымъ небомъ и третью у польскаго обывателя. Этотъ, державшiй сторону нашихъ, говорилъ хорошо по-нѣмецки, прiютилъ въ теченiи двухъ дней большое число вюртембергскихъ офицеровъ и теперь, послѣ ухода ихъ, я квартировалъ у него. Онъ радушно угощалъ меня солеными почками, картофелемъ и водкой; онъ по-

слалъ мнѣ постель (первая со времени этой войны), и занималъ меня разговорами, касавшимися скораго побѣдоноснаго нашего возвращенія, въ которое онъ твердо вѣрилъ. Ночью онъ кормилъ и ухаживалъ за моей лошадью, утромъ сѣдлалъ ее; взялъ за квартиру и столъ альбертовскій талеръ.

ГЛАВА XI.

Въ ночь съ 13 на 14 ноября, Наполеонъ и большинство французовъ покинули Смоленскъ. Я выступилъ со штабомъ корпуса еще до полудня. Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней наступили снова сильные холода, и гололедица. Не успѣли мы пройти и двухъ верстъ, какъ снова насъ окружили казаки, тѣснившіе до самаго вечера. Намъ пришлось все время отражать со всѣхъ сторонъ аттаки. Вечеромъ стало спокойнѣе, и мы расположились лагеремъ за лѣсомъ, вблизи нѣсколькихъ домовъ, влѣво отъ дороги къ Красной, приблизительно на полдорогѣ отъ Смоленска. Начиная со Смоленска, я часто замѣчалъ прибывшаго изъ Москвы офицера нашей легкой инфантеріи, фонъ Трелтшъ, совершившаго отступленіе на нагруженной мѣшками чая телѣгѣ, въ какихъ въ Германіи возятъ овесъ. Этотъ расположился сегодня у моего огня. Онъ приготовилъ себѣ чай, пилъ его и позволилъ также своимъ деньщикамъ воспользоваться испитымъ чаемъ. Эта безчеловѣчная бережливость при невѣроятномъ запасѣ чаю на телегѣ, возбудила мое негодованіе, и я упрекнулъ

его въ скупости. «Что вы думаете», отвѣтилъ онъ мнѣ: «мой чай, если я его счастливо доставлю въ Германію, сразу сдѣлаетъ меня богатымъ человѣкомъ». Мы выступили очень рано. Но этотъ офицеръ возился со своимъ чаемъ и запоздалъ; тотчасъ-же послѣ нашего выступленія казаки напали на нашъ лагерь, и вѣроятно взяли его въ плѣнъ съ его телѣгой чая, потому что съ тѣхъ поръ его болѣе никогда не видѣли.

Весь день 15 ноября насъ безпрестанно тревожили казаки. Наполеонъ съ гвардіей давно опередилъ насъ. Мы слѣдовали въ арріергардѣ, и поэтому должны были постоянно отражать аттаки казаковъ, вѣрнѣе удирать отъ нихъ. Приблизительно на разстояніи часа отъ Красного, мы натолкнулись на значительныя каваллерійскія силы непріятеля, занявшихъ окружающія возвышенности. Мы не могли двинуться ни впередъ, ни назадъ, дорога шла черезъ крутой спускъ, оканчивающійся узкимъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ небольшую рѣченку. Мостъ былъ занятъ нашимъ обозомъ и артиллеріей. На этотъ пунктъ, повидимому, русскіе обратили все свое вниманіе, и тамъ сосредоточили огонь своей артиллеріи. Наша толпа отсталыхъ, офицеровъ и солдатъ всѣхъ націй, носившая громкое названіе «арьергердъ», состояла изъ 300 человѣкъ. Генералы фонъ Штокмейеръ и фонъ Кернеръ постарались выстроить эту толпу въ боевомъ порядкѣ; большинство имѣло въ рукахъ палки и шомполы и дер-

жала ихъ на плечахъ, какъ ружья. Я самъ примкнулъ съ моей лошадью къ правому флангу, чтобъ увеличить строй. Въ это время подъѣхала одна изъ нашихъ пушекъ; но она была такъ нагружена ранцами, что прошло много времени, прежде чѣмъ ее приготовили для стрѣльбы, и когда она наконецъ выстрѣлила, выстрѣлъ былъ до того слабый, что одинъ изъ нашихъ замѣтилъ: «Ну, мы дошли до крайности, даже порохъ теряетъ силу, какъ люди и лошади». Когда до насъ долетѣло нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ, раздалась команда храбраго генерала фонъ Штокмейера: Направо кругомъ! Впередъ! Маршъ! И мы двинулись къ мосту. Ручей замерзъ, и большая часть нашихъ перешла по льду, несмотря на стрѣльбу русской артиллеріи, наши потери были незначительны. Перейдя рѣку мы свернули вправо отъ дороги, потому что вся она была загромождена повозками. Мы благополучно достигли ночью Красного. Въ этотъ день, вмѣстѣ съ другими непріятель отбилъ и послѣднія вюртембергскія пушки. На базарной площади Красного, въ угловомъ домѣ, мы нашли всѣхъ офицеровъ нашего корпуса, покинувшихъ раньше насъ Смоленскъ. Въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи квартировали всѣ чины, теперь не давали преимуществъ, и генералы довольствовались тѣми же помѣщеніями, что и младшіе офицеры; остатокъ нашего корпуса, носившій еще оружіе, расположился передъ воротами. Наступилъ день 16 ноября. Маленькій городъ

былъ переполненъ людьми, лошадьми и повозками. То тамъ, то здѣсь вспыхивали пожары. За стѣной весь день шла пальба изъ ружей и пушекъ. Графъ фонъ Шелеръ получалъ со всѣхъ сторонъ рапорты раненыхъ и больныхъ, такъ что у меня, какъ у исправл. должность старшаго хирурга, работы было вдоволь. Одному старику артиллеристу, старшему наводчику, пушечное ядро раздробило голень. Я нашелъ его съ женой въ снятой квартирѣ. Раненый былъ перевязанъ, и за нимъ былъ хорошій уходъ; все-таки у него была лихорадка, сильныя боли, и рана кровоточила. Я удалилъ вчерашнюю перевязку и изслѣдовалъ поврежденіе. Кости были раздроблены, и кожа, мускулы, сосуды были разорваны. При этомъ пораненіи единственнымъ средствомъ сохранить жизнь была бы ампутація ноги выше сустава; хотя я и потерялъ мои хирургическіе инструменты, однако, все же ампутацію кое какъ можно было бы сдѣлать. Но едва я заикнулся объ ампутаціи ноги, какъ жена раненаго перебила меня: «Какъ», сказала она: «вы такъ жестоки, что хотите еще увеличить наше горе?» и, рыдая, въ отчаяніи, она продолжала: «Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ эту страну, мы боролись съ голодомъ, жаждой, стужей и заботились только о томъ, чтобъ какъ-нибудь сохранить свою жизнь, и Богъ охранялъ насъ до сихъ поръ. Я не хочу просить его отомстить этому жестокому человѣку, доведшаго насъ до этого несчастья и не сочувствующаго че-

ловѣческимъ страданіямъ». Съ этими словами она безъ памяти упала на полъ; я занялся ею, а затѣмъ перевязкой ноги. Но храбрый человѣкъ сказалъ: «Оставьте мою ногу такъ, какъ она есть; я такъ же спокойно покоряюсь здѣсь моей судьбѣ, какъ спокойно ожидалъ я часто смерти у моей пушки. Только заботы объ моей женѣ и дѣтяхъ, оставшихся дома, дѣлаютъ теперь для меня медленную смерть тяжелой». Не менѣе трогательную сцену засталъ я въ военномъ госпиталѣ. На небольшой кучкѣ соломы, превратившейся въ навозъ, лежало много раненыхъ и больныхъ лихорадкой. Въ этой толпѣ я разыскалъ нѣсколькихъ, принадлежавшихъ къ нашему корпусу; изъ нихъ одинъ молодой обозный артиллерійскій солдатъ, сказалъ мнѣ: «Ахъ, какъ хорошо, что мы пришли», обратился онъ ко мнѣ и разсказалъ: «Вчера на мосту сидѣлъ я спокойно на своей лошади, какъ вдругъ мнѣ въ ногу попала пуля. Ночью меня доставили сюда, и никто не пришелъ, чтобы взглянуть на меня. Онъ былъ раненъ въ лѣвую голень съ раздробленнымъ переломомъ икряной трубки. Во время перевязки онъ держался спокойно и все время говорилъ: «Я сынъ кирпичнаго мастера Іоганна изъ Оберленнингена (или Унтерленнингена) у Овена. Если вы тамъ когданибудь будете, передайте моему отцу привѣтъ и скажите, что видѣли меня. Я умру здѣсь; но прежде я хочу за него помолиться». На улицѣ, въ чемъто вродѣ кибитки, я нашелъ тяжело больного воен-

нымъ тифомъ (военной чумой) капитана Шмидта. Онъ былъ почти безъ сознанія, въ страшномъ поту. Языкъ былъ сухъ и покрытъ чернобурымъ налетомъ. Пульсъ бился очень быстро. Вмѣсто того, чтобъ привѣтствовать его, я не видѣлъ его со времени войны 1805 года, я сказалъ ему въ утѣшеніе: «Если теперешнее ваше состояніе — кризисъ — то вы скоро выздоровѣете». «Я не вѣрю въ выздоровленіе, а потому я прошу только объ одной дружеской услугѣ: доставить мнѣ воды съ виномъ», отвѣтилъ онъ въ какомъ-то экстазѣ. Спорить съ нимъ и успокаивать его я, конечно, не сталъ, такъ какъ мы каждую минуту ожидали нападеній русскихъ и приказа къ выступленію. Я постарался поскорѣе исполнить его желаніе. Когда я донесъ графу о томъ, что я видѣлъ и сдѣлалъ, онъ далъ мнѣ бутылку вина для капитана и горсть серебряныхъ монетъ въ 40 крейцеровъ для раздачи самымъ нуждающимся солдатамъ. Исполнивъ послѣднее порученіе, я засталъ внизу въ военномъ госпиталѣ французскихъ хирурговъ, занятыхъ ампутаціей раненыхъ вчера и сегодня. Здѣсь были пять врачей, работавшихъ подъ руководствомъ почтеннаго старика; послѣдняго я принялъ за господина Ларрея. Врачи очень ловко оперировали, а солдаты, большинство изъ молодыхъ гвардейцевъ, мужественно переносили свое несчастье. Вообще я удивлялся, что врачи до сихъ поръ сохранили свою хорошую одежду, а ихъ паціенты не были изнурены. Мы, не при-

надлежавшіе къ гвардіи, ходили давно уже оборванцами, исхудалыми, особенно мы, пришедшіе изъ Тарутина. Наступилъ вечеръ. Я встрѣтилъ моего коллегу Шафера, недавно прибывшаго со стороны Двины; у него было (словно онъ также былъ въ Москвѣ) — много провіанта и «добычи»: лошади, экипажи, одѣяла и проч. Провизію онъ щедро раздавалъ знакомымъ, особенно кофе и чай. Ночью я нашелъ другого друга, аудитора Фаулгабера. Слабый и исхудалый, онъ походилъ на старика. «Другъ, будь добръ, достань мнѣ супъ», привѣтствовалъ онъ меня. Супу не было, но я ему принесъ нашу армейскую, черную мучную кашу. «Достань мнѣ также ложку». Я вытащилъ изъ кармана свою, но не отходилъ отъ него, чтобъ не потерять ея. Холодной, дрожащей рукой подносилъ онъ съ благодарностью эту пищу ко рту. Онъ былъ уже до того слабъ, что не могъ болѣе ходить, и я полагаю, что онъ умеръ въ Красномъ. Я провелъ ночь у Шефера; хотя у насъ горѣлъ костеръ, но было холодно подъ открытымъ небомъ. Наступило утро (17 октября), а съ нимъ снова пришли въ движеніе порохъ, свинецъ и желѣзо. Вскорѣ замѣчены были и первые признаки выступленія, и до полудня мы двинулись туда, гдѣ непріятель уже занялъ въ ожиданіи насъ высоты дороги, ведущей въ Ляды. Съ этихъ высотъ, вправо отъ дороги, по которой двигался Наполеонъ со своей гвардіей, на насъ полился дождь ядеръ и пуль, и мы должны

были проходить снова, какъ и третьяго дня, подъ огнемъ непріятеля. Примкнувъ къ гвардейскимъ частямъ, среди которыхъ шелъ пѣшкомъ императоръ, мы, безъ большихъ потерь, поздно ночью прибыли въ Ляды.

Уже задолго до разсвѣта былъ отданъ приказъ выступить изъ Лядъ, но выступленіе замедлилось. Причина этого осталась мнѣ неизвѣстной. Я, съ небольшой группой офицеровъ, двинулся впередъ, не зная, что армія задержится. Мы продолжили нашъ путь, не ожидая остальныхъ,и вечеромъ достигли Дубровны, сдѣлавъ этотъ переходъ вполнѣ благополучно. Здѣсь мы нашли очень мало войскъ, но жители, христіане и евреи, не покинули своихъ домовъ. Мы вскорѣ нашли квартиру, а генералъ Вейсъ досталъ гдѣ-то провіантъ. Вскорѣ прибылъ сюда и императоръ, гвардія, мои генералы и остатокъ нашего корпуса. Я указалъ нашимъ генераламъ удобный домъ для помѣщенія вблизи моей квартиры, который они и заняли. Императоръ тоже остановился неподалеку отъ насъ; гвардія расположилась лагеремъ за городомъ. Наступила оттепель, и ночью начался дождь. Спалось въ теплыхъ комнатахъ необыкновенно хорошо. 19 ноября мы выступили. Гололедица, какъ и всегда, была причиной многихъ несчастій. Если случалось, что упавшій не могъ уже болѣе подняться, то ближайшіе его товарищи бросались на него и самымъ безжалостнымъ образомъ срывали съ него одежду.

При дѣлежѣ ссорились и дрались, а раздѣтый товарищъ оставался лежать и, понятно, замерзалъ на дорогѣ. Наполеонъ на этомъ переходѣ нѣсколько разъ дѣлалъ привалъ, что и помѣшало намъ достигнуть Орши. Онъ, какъ это часто случалось въ послѣднее время, шелъ въ рядахъ гвардіи и иногда разговаривалъ съ офицерами союзныхъ войскъ. У одного онъ похвалилъ его собаку; съ другимъ, капитаномъ нашей легкой пѣхоты, фонъ-Гринбергомъ, вступилъ въ болѣе длинный разговоръ. Онъ спросилъ его, между прочимъ: «Какъ вы можете при этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ тащить за собой корову?» (Слуга велъ ее за веревку, а его жена погоняла). Капитанъ отвѣтилъ: «Моя болѣзненность и мой слабый желудокъ, переваривающій только кипяченое молоко, принуждаютъ меня это дѣлать; съ потерей этого молока погибну и я». Давно мы замѣтили уже, что солдаты стали плохо видѣть, и многіе совершенно ослѣпли, но особенно замѣтили мы это снова на этомъ переходѣ. Видно было, какъ люди вели за собой своихъ товарищей за палку, какъ нищихъ. Натираніе глазъ снѣгомъ помогло нѣсколько. Нѣкоторые, благодаря этому, даже сохранили свое зрѣніе, другіе ослѣпли. Часто такихъ несчастныхъ постигала жестокая участь: товарищи ихъ покидали. Болѣзнь глазъ вызывалась, главнымъ образомъ, отъ дыма бивуачныхъ костровъ: чтобъ возможно лучше согрѣться, люди держали

ночью голову и руки надъ огнемъ. Съ другой стороны плохо дѣйствовали и снѣжныя равнины, по которымъ мы шли. У лошадей также замѣчалось ослабленіе зрѣнія и слѣпота. Этимъ животнымъ выпалъ на долю тотъ же жребій, что и намъ. Моя лошадь давно служила мнѣ только для того, чтобъ везти провизію, если таковая у меня имѣлась. Я шелъ пѣшкомъ со времени наступленія сильныхъ холодовъ, и часто мнѣ стоило большого труда тащить за собой это изможденное животное. Послѣ бѣгства изъ Вязьмы мнѣ часто хотѣлось пожертвовать ее въ пищу, однако меня всегда удерживало отъ этого чувство благодарности за всѣ оказанныя мнѣ ею услуги. Въ эту ночь у костра я и капитанъ Лезуиръ, адъютантъ генеральнаго штаба, порѣшили, что онъ возьметъ мою лошадь и заплатитъ за нее послѣ заключенія мира или на родинѣ. 20 ноября погода стала мягче; моя шуба была слишкомъ тепла и тяжела, а я самъ слишкомъ слабъ, чтобъ носить теперь лишнюю тяжесть. Пришлось бросить ее. Дальнѣйшій путь я прошелъ въ сюртукѣ и шинели, съ кожаной сумкой съ перевязочнымъ матеріаломъ, перекинутой черезъ одно плечо, и съ офицерской патронной сумкой черезъ другое. Я былъ такой же оборванный и полуобгорѣлый, какъ большинство окружавшихъ меня. Въ полдень достигли мы Орши. Понтонный мостъ, перекинутый черезъ широкій уже въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ, ввелъ насъ въ городъ, какъ

въ гавань спокойствія и отдыха. Здѣсь былъ гарнизонъ; жители, какъ и въ Дубровнѣ не разбѣжались; въ особенности было много евреевъ. Съ послѣдними можно было дѣлать дѣло; у нихъ были припасы, а у насъ деньги, слѣдовательно можно было столковаться. Гвардія Наполеона здѣсь освободилась отъ собранныхъ ею въ Москвѣ банковыхъ ассигнацій... Я только одинъ разъ видѣлъ въ Гжатскѣ синій билетъ, оказавшійся ассигнаціей, цѣны котораго никто изъ насъ не зналъ. Познакомившись впослѣдствіи съ этимъ родомъ денегъ, я понялъ, какъ ужасно были обмануты солдаты въ Оршѣ евреями при размѣнѣ денегъ. На этой остановкѣ нѣкоторымъ удалось даже достать себѣ бѣлье. Грязны всѣ были ужасно, даже генералы по количеству насѣкомыхъ не уступали солдатамъ. Въ Оршѣ графъ Шелеръ захотѣлъ вознаградить меня за понесенный мною убытокъ и подарилъ мнѣ, вмѣсто похищенной у меня сумки, очень красивый портфель и карманные часы. Я дружески поблагодарилъ его и сказалъ ему, что подарокъ я буду беречь и такъ же высоко цѣнить, какъ и потерянный въ сумкѣ подарокъ отца; что касается часовъ, я просилъ его разрѣшить мнѣ распорядиться ими по своему усмотрѣнію. Я подарилъ ихъ въ ту же ночь человѣку, заботившемуся о продовольствіи всѣхъ генераловъ и офицеровъ штаба нашего корпуса и бывшему, такъ сказать, экономомъ главной квартиры. Этотъ человѣкъ, Бас-

леръ, совершалъ во время труднаго отступленія отъ Вязьмы до Березины въ своемъ родѣ чудеса: когда все должно было голодать, у него одного находили хлѣбъ; часто онъ доставалъ вдругъ, какъ бы изъ облаковъ или изъ земли, мясо и имѣлъ по дорогѣ водку, и никто не могъ угадать, откуда онъ ее получилъ; словомъ, этотъ Баслеръ оказалъ большія услуги генераламъ и офицерамъ и часто прямо спасалъ меня и многихъ другихъ отъ голодной смерти; онъ былъ скроменъ, вѣжливъ, услужливъ, охотно всѣмъ дѣлился, но любилъ это дѣлать втайнѣ и давалъ всегда втихомолку. Этотъ полезный намъ во время войны человѣкъ убѣжалъ со ввѣренными ему деньгами, былъ задержанъ въ Богеміи, гдѣ военный судъ приговорилъ его къ повѣшенію, что и было приведено въ исполненіе.

ГЛАВА XII.

Русскіе между тѣмъ подвинулись къ лѣвому берегу Днѣпра и стояли близко около города. Послѣ прибытія маршала Нея разрушили мостъ. Мы выступили въ полночь съ 21 на 22 ноября и снова оставили больныхъ и все лишнее въ Оршѣ, чтобъ легче было отступать. Чтобъ не быть замѣченными съ лѣваго берега русскими, мы выступали насколько возможно тихо и шли окольными путями. Пройдя нѣкоторое разстояніе, мы снова вышли на большую дорогу и сдѣлали, когда разсвѣло, привалъ въ какой-то деревнѣ. Здѣсь мы получили самыя прискорбныя извѣстія о томъ, что русская армія, бывшая въ Молдавіи, выступила уже изъ Минска въ Борисовъ, завладѣла всѣми магазинами, и генералъ графъ фонъ-Витгенштейнъ идетъ отъ Двины къ Березинѣ, которую намъ предстояло перейти, и что баварцы отступаютъ такъ же, какъ и мы *).

---

*) Малдавская армія подъ начальствомъ Чичагова первоначально дѣйствовала противъ Турціи, но послѣ заключенія мира присоединялась къ главнымъ силамъ непріятеля и должна была преградить Наполеону дорогу черезъ Березину.

24-го числа послѣ полудня мы достигли Бобра. Бобръ не пострадалъ отъ пожара пока я тамъ находился, но не могу этого же сказать о деревнѣ Немоница, въ которой мы ночевали 25 числа. Я самъ долженъ былъ, какъ это часто случалось, носить бревна для костра и напрягать свои ослабѣвшія силы. Здѣсь было много швейцарцевъ, голландцевъ и другихъ союзниковъ, добравшихся сюда частью изъ Минска, частью со стороны Двины. Ночь прошла безъ сна, въ тревожномъ ожиданіи перехода черезъ Березину, гдѣ мы были окружены тремя русскими арміями. Въ ночь съ 25 на 26 за полночь мы выступили, я въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ. Бодрымъ шагомъ, озаренные звѣзднымъ небомъ, шли мы къ Борисову. Отдавъ свою лошадь, я принужденъ былъ теперь выпросить себѣ денщика солдата, который долженъ былъ носить мою будущую провизію. Въ эту ночь предложилъ мнѣ одинъ артиллеристъ купить у него лошадь. Я пріобрѣлъ ее за одинъ дукатъ. Мой денщикъ долженъ былъ вести ее. Когда разсвѣло, Баслеръ мнѣ сказалъ, что эту лошадь украли у него ночью, однако онъ не требовалъ ея обратно. Недалеко на мосту, перекинутомъ черезъ какую-то рѣченку, скопилось масса людей, экипажей и телѣгъ, и какъ всегда, произошла страшная давка. Въ это время одинъ изъ моихъ спутниковъ укралъ у кого-то мѣшокъ и передалъ его моему денщику. Въ мѣшкѣ находилась ветчина, немного хлѣба, луку и

картофеля. Въ Борисовѣ все это мы, конечно, съѣли.

Изъ этого города мы отдѣльными кучками двинулись вверхъ по теченію рѣки Березины; на правомъ берегу ея, противъ города, видѣли русскія баттареи, пушки и солдатъ. Мы подошли къ лѣсу, гдѣ дорога должна была соединить разсѣянныхъ до сихъ поръ людей, экипажи и все принадлежащее къ арміи. Намъ русскіе не помѣшали. Мы знали, что Наполеонъ съ гвардіей былъ впереди насъ. За лѣсомъ дорога шла мимо помѣстья «Старый-Борисовъ», гдѣ Наполеонъ провелъ ночь съ 25 на 26. За этимъ имѣніемъ мы сдѣлали привалъ. Я лежалъ на снѣгу. Недалеко отъ насъ шла ружейная стрѣльба, но на нее никто не обращалъ вниманія, и она не мѣшала мнѣ вспоминать далекое прошлое, проведенное у родного очага. Мы выступили отсюда съ наступленіемъ сумерокъ и достигли деревни Студянки, гдѣ застали императора и гвардію. Всюду былъ ужасный безпорядокъ. Я, съ генералами нашего корпуса, занялъ сарай на краю деревни; остатокъ же нашей пѣхоты, приблизительно человѣкъ сто, расположился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, въ маленькомъ лѣсу, на покрытомъ снѣгомъ холмѣ. Неподалеку отъ насъ остановился прибывшій сюда изъ Москвы, съ семействомъ и экипажами, художникъ, родомъ изъ Страсбурга. Онъ сказалъ намъ, что видѣлъ по дорогѣ русскихъ по ту сторону рѣки.

Я съ однимъ офицеромъ легъ спать въ боко-

вой пристройкѣ. Мы проснулись на разсвѣтѣ. Я не могу описать, какъ мы испугались не найдя никого изъ прибывшихъ съ нами вечеромъ. На первые же наши вопросы намъ отвѣтили, что всѣ выступили ночью въ два часа и перешли черезъ рѣку. Присутствіе вблизи насъ императора, гвардій и многихъ лицъ нашего отряда успокоили меня и моего компаніона въ первый же моментъ. Все же мы сдѣлали попытку перейти рѣку, чтобы догнать нашихъ, но не могли приблизиться къ мосту, занятому множествомъ пушекъ и войскъ, загромождавшихъ въ ожиданіи перехода все пространство до моста. Въ полдень мы сдѣлали вторую попытку, но встрѣтили тѣ же препятствія и услышали, что прежде всего имѣютъ право проходить только вооруженные и сражающіеся. Вечеромъ давка сдѣлалась еще большей, въ толпѣ ожидающихъ говорили, что поправляютъ мостъ и что теперь никого не пропускаютъ. Въ деревнѣ и окрестностяхъ ея видны были все еще прибывающіе отряды войскъ, артиллерія и обозы. Со всѣхъ сторонъ раздавалась артиллерійская канонада. Всѣ прибывавшіе хотѣли тотчасъ протѣсниться къ мосту, это только увеличивало давку и безпорядокъ. Говорили, что самъ Наполеонъ стоитъ у моста, и жандармы не пропускаютъ его, что всѣ фургоны и экипажи офицеровъ сожжены. Вечеромъ говорили, что какъ только императоръ и жандармы перешли мостъ, ожидавшая толпа хлы-

нула туда; и теперь нѣтъ возможности подойти къ мосту, что нельзя его перейти безъ опасности для жизни, потому что онъ угрожаетъ въ каждый моментъ обрушиться. Огорченный тѣмъ, что я отсталъ отъ своего отряда, я сдѣлалъ пять безуспѣшныхъ попытокъ перейти черезъ Березину, но всякій разъ попадалъ въ такую давку, что меня оттѣсняли, и я не только не достигалъ моста, но даже и не видѣлъ его. Я удивляюсь еще теперь, какъ не случилось тамъ со мной какого-либо несчастія *). Штабъ-офицеръ нашей кавалеріи сказалъ мнѣ: «Наполеонъ будетъ на другомъ берегу такъ ловко маневрировать, что мы всѣ безпрепятственно перейдемъ рѣку, потому что къ нему присоединились новыя войска изъ Минска и Вильны, и Чичаговъ уже отступаетъ». Повѣривъ этимъ рѣчамъ и надѣясь на счастье Наполеона, я забрался ночью въ карету генерала фонъ Хигеля **), довѣренную почти ослѣпшему кавалеристу изъ Штутгардта, въ которую, дожидая переѣзда, улегся и заснулъ. Рано утромъ 28-го толкотня въ деревнѣ Студянкѣ и вокругъ нея, а также у моста, была такая же, какъ и въ предыдущіе два дня, и всѣ наши старанія совершить снова переходъ

---

*) При Студянкѣ и противолежащей деревнѣ Стаховѣ произошла собственно битва при Березинѣ.

**) Эрнстъ-Евгеній-Фр. фонъ Хигель, позже вюртембергскій военный министръ.

(Прим. издателя).

были безуспѣшны. Я съ двумя офицерами приготовлялъ въ одномъ какомъ-то сараѣ кофе; зерна были уже поджарены, какъ вдругъ сообщили о приближенiи русскихъ. А скоро раздались и крики: Казаки! Казаки! одновременно послышались выстрѣлы и слова: Коли! Коли! которыя я научился понимать уже 4 октября. Поднялась страшная суматоха, вызванная промчавшимися за нашимъ сараемъ казаками. Вскорѣ ее усилили упавшiе по близости нѣсколько ядеръ. Положенiе стало серьезнымъ и пора было покинуть сарай. Сначала тронулся мой солдатъ съ лошадкой, а я послѣдовалъ за ними. Обозныя повозки, пушки, экипажи, фургоны и телѣги такъ напирали другъ на друга, что трещали ихъ спицы и оси. Ругаясь и проклиная на всѣхъ европейскихъ языкахъ, пѣхотинцы прокладывали себѣ дорогу прикладами, кавалеристы саблями, а обозные солдаты за неимѣнiемъ другого оружiя дѣйствовали кнутами; отовсюду неслись крики и плачъ женщинъ и дѣтей. Въ этой невѣроятной давкѣ не потерять своихъ было почти невозможно. Скоро и я очутился среди чужихъ; русскiя пушки продолжали насъ обстрѣливать. Въ этой давкѣ меня почти вплотную притиснули къ одной повозкѣ, я влѣзъ на нее и увидѣлъ, къ моему величайшему ужасу, наше отчаянное положенiе. Военный обозъ изъ тысячи, можетъ быть, фуръ, въ самомъ большомъ безпорядкѣ столпился у моста, русскiе вступили уже въ деревню и тѣснымъ

кольцомъ охватывали насъ. Вправо отъ меня, у рѣки, вверхъ по ея теченію я замѣтилъ мѣсто, незанятое русскими и толпу многихъ нашихъ, направлявшихся туда. «Это единственное средство спастись», сказалъ я стоявшимъ вокругъ нашей повозки. Во время нашего пребыванія у Студянки, распространился слухъ о томъ, что построено два моста, изъ которыхъ одинъ здѣсь для нашего перехода, а другой выше для баварцевъ; впрочемъ, нѣкоторые увѣряли, что оба моста здѣсь передъ нами. Я до сихъ поръ не видѣлъ еще ни одного моста, даже стоя на повозкѣ, такъ какъ мѣшало множество телѣгъ и людей. Я быстро слѣзъ съ повозки; въ это время ядро попало въ колеса телѣги, производя ужасный трескъ, и ранило жену солдата. Я поспѣшилъ къ мѣсту, гдѣ мы думали найти спасеніе. Насъ пошло много, но еще больше встрѣчалось возвращавшихся. Наверху нѣтъ моста, утверждали они. Въ этомъ мы убѣдились, пройдя лишь версту по направленію къ деревнѣ Веселово. На обратномъ пути я увидѣлъ въ лѣсу огни и солдатъ съ оружіемъ. Желая отдохнуть и главное составить новые планы—подошелъ къ нимъ. Это были польскіе гренадеры, они стерегли нѣсколько головъ сѣраго убойнаго скота. Они также подтвердили, что тамъ дальше нѣтъ моста. Отдохнувъ, рѣшили вернуться обратно въ деревню. Когда мы подходили къ опушкѣ лѣса, мы увидѣли бѣжавшую прямо на насъ толпу на-

шихъ, а за ними казаковъ. Я повернулъ было уже влѣво, чтобъ снова спрятаться въ лѣсу, какъ вдругъ одинъ казакъ схватилъ меня за воротникъ пальто. «Ты офицеръ?» «Да», отвѣтилъ я. Какъ ни испугался я сразу, но все-таки въ этотъ моментъ я нѣсколько успокоился и былъ доволенъ, что не чувствую холоднаго желѣза его пики въ своемъ тѣлѣ. Я приготовился мужественно перенести всякаго рода несчастія, но на дѣлѣ оказалось все-таки иначе: я, какъ всегда это бываетъ съ плѣнными, оробѣлъ. Казакъ, взявшій меня въ плѣнъ, былъ молодой человѣкъ, приблизительно 24 лѣтъ, безъ бороды, съ рябоватымъ добродушнымъ лицомъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и приказалъ распаковать и передать ему все, что я имѣю. Прошло много времени прежде, чѣмъ я добрался до карманныхъ часовъ, находившихся подъ пальто и сюртукомъ, и, вытащивъ 14 дукатовъ, завернутыхъ въ бумагу, передалъ ему. Онъ посмотрѣлъ на нихъ, спряталъ, а затѣмъ, вонзивъ пику въ землю, знаками, держа обѣ руки у праваго уха и щелкая языкомъ, спросилъ: есть ли у меня часы? Я отрицательно покачалъ головой. Онъ разсердился, схватилъ висящее у него на спинѣ оружіе, пистолетъ, взвелъ курокъ и прицѣлился. Тутъ меня совершенно покинули хладнокровіе и мужество, я опустился на колѣни и произнесъ, дрожа, почти безсознательно слово: Pardon! Понялъ ли онъ это, я тогда не зналъ; но онъ слѣзъ съ лошади и при-

нялся меня обыскивать. Нашелъ лейпцигскіе часы, приложилъ ихъ тотчасъ къ своему уху и бросилъ на меня угрожающій взглядъ. Неудовлетворившись дукатами и часами, онъ обыскалъ еще разъ, и нашелъ мой орденъ съ лентой, завернутый въ бумагу. Я самъ его еще ни разу не надѣвалъ, потому что у насъ ордена носили только на мундирѣ, а не на сюртукѣ. Найдя орденъ, онъ чрезвычайно обрадовался, и, казалось, почувствовалъ ко мнѣ дружеское расположеніе; обыскъ его однако, этимъ не закончился. Изъ моей офицерской патронной сумки онъ вынулъ мои альбертовскіе талеры, хранившіеся у меня съ бородинской битвы вмѣстѣ съ полученными отъ поляка при Леснѣ серебряными рублями, а изъ кожанной сумки онъ вынулъ мой хирургическій карманный футляръ. Я настоятельно просилъ вернуть мнѣ обратно послѣднее, но просьбы мои были безуспѣшны. У меня остались трубка для табаку, ножницы, и нѣсколько перевязочныхъ средствъ. Казакъ имѣлъ георгіевскій крестъ, мой орденъ онъ тотчасъ же прикрѣпилъ рядомъ со своимъ. Послѣ этого онъ велѣлъ мнѣ идти за нимъ. Серьезный бой разгорѣлся вправо отъ насъ, и я вскорѣ убѣдился, что нахожусь за русской боевой линіей. Въ это время пригнали кучу плѣнныхъ, среди нихъ я увидѣлъ молодого офицера нашего пѣхотнаго герцога Вильгельма полка. Я мигнулъ ему; онъ подошелъ ко мнѣ, я схватилъ его за руку ,и съ тѣхъ поръ

мы крѣпко держались другъ за друга. Ему пришлось хуже, чѣмъ мнѣ: у него отняли шляпу, пальто и всѣ вещи. Онъ остался въ одномъ мундирѣ съ непокрытой головой. «Моя фамилія Шеферъ, я сынъ пастора изъ Филдернъ, началъ онъ свой разсказъ. Когда онъ кончилъ, я разсказалъ ему о себѣ. Насъ тѣмъ временемъ присоединили къ еще большей кучѣ плѣнныхъ. Молодой казакъ, взявшій меня въ плѣнъ, присталъ къ своимъ, а насъ поручили охранять другимъ. Мы двинулись снова впередъ за русской арміей. Вправо отъ насъ шла сильная пушечная пальба. Шеферъ предложилъ мнѣ покончить вмѣстѣ самоубійствомъ, такъ какъ надежды у насъ на что-либо хорошее не было. Онъ страдалъ отъ голода и жажды; и я тоже былъ натощакъ и вчера не насытился. Шеферъ предлагалъ купить водки, выпить, чтобъ захотѣлось спать, а затѣмъ зарыться въ снѣгъ и заснуть, чтобъ никогда больше не просыпаться. Я одобрилъ его совѣтъ, но предложилъ постараться утолить жажду холодной водой, потому что у насъ нѣтъ денегъ и возможности купить водки, а вода при нашей усталости и увеличившемся сегодня морозѣ окажетъ то же самое дѣйствіе. По пути мы встрѣчали много рускихъ отрядовъ, большей частью ополченцевъ въ сѣрыхъ сюртукахъ, круглыхъ шляпахъ, съ желтыми крестами; они были вооружены ружьями. Ихъ офицера были одѣты въ зеленое съ краснымъ и носили такіе же, какъ и

солдаты, кресты на шапкахъ. Мы удивлялись той военной выправкѣ, съ которой маршировали сомкнутыми колоннами эти походившія на крестьянъ войска. Многіе французы, особенно офицеры нашего транспорта, жаловались офицерамъ ополченія, что ихъ ограбили; послѣдніе, не обращая вниманія, шли со своими колоннами далѣе: Казаки, сопровождавшіе насъ, нагайками заставляли жалобщиковъ возвращаться обратно въ ряды.

Я и Шеферъ продолжали идти подъ руку, безъ всякихъ непріятныхъ случайностей, какъ вдругъ раздалась команда: Офицеры впередъ! Мы оба повиновались этому приказу и заняли указанное намъ мѣсто. Въ это время, я не могу объяснить, почему, одинъ старый казакъ обогналъ меня и предложилъ мнѣ сѣсть на лошадь, которую онъ велъ подъ узцы; я сѣлъ на нее, но казакъ предложилъ то же и Шеферу. Мой казакъ, имѣвшій, несмотря на свою сѣдую голову и бороду, такую воинственную благовидную наружность, захотѣлъ вступить со мной въ разговоръ. Я на всѣ его слова отвѣчалъ по-нѣмецки: «да или нѣтъ», кивалъ головой, стараясь схватить значеніе его словъ. Онъ далъ мнѣ кусокъ хлѣба и жестяную бутылку съ водкой, а немного спустя еще кусокъ сахару. Но его щедрость была не безкорыстна. Онъ думалъ, что въ моемъ черномъ шелковомъ галстукѣ есть дукаты; онъ ощупалъ его два раза и, наконецъ, присвоилъ. Онъ замѣнилъ также свою

простую шинель моей болѣе хорошей и очень хотѣлъ завладѣть бархатными дорожными сапогами, давая мнѣ понять, что уступитъ мнѣ за нихъ свои; этого намѣренія онъ однако не осуществилъ. Мы подошли тѣмъ временемъ къ деревнѣ, гдѣ находилось много плѣнныхъ. Здѣсь же были и русскія войска. Вправо отъ насъ продолжалась пальба изъ пушекъ и ружей. Пожилой офицеръ, котораго я принялъ за нѣмца, остановился здѣсь верхомъ на лошади. Я спросилъ его, куда вела эта дорога? Въ Борисовъ! Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ сказалъ: «Сегодня, вѣроятно, окончится эта война, сегодня мы поймаемъ и птицу въ ея гнѣздѣ». Стало холоднѣе, падалъ снѣгъ. Шеферъ безъ шляпы, перчатокъ и пальто, почти замерзалъ. Конвоировавшая насъ команда уменьшилась; мой старый казакъ также удалился, и я снова долженъ былъ идти пѣшкомъ. Усталые до крайности, мы прибыли поздней ночью въ Борисовъ, гдѣ со страхомъ ожидали того, что пошлетъ намъ судьба въ дальнѣйшемъ. Насъ долго водили по улицамъ, пока казаки не нашли человѣка, который завѣдывалъ плѣнными, и который бы надъ нами начальствовалъ. Остановились, наконецъ, передъ маленькимъ домомъ. Одинъ изъ нашихъ вожатыхъ вошелъ туда, другой остался караулить передъ дверью, а прочіе окружили нашу толпу. Нѣсколько французскихъ офицеровъ хотѣли зайти въ этотъ домъ, но и здѣсь караульные прогнали ихъ нагайками. Мы

стояли здѣсь, вѣрно, съ часъ, прежде чѣмъ послѣдовалъ приказъ относительно насъ. Въ невѣроятной сутолкѣ, при свѣтѣ пожара, насъ пригнали теперь къ ряду горящихъ домовъ. Тутъ вдругъ среди насъ распространился слухъ, что насъ вгонятъ въ это огненное море. Раздались крики, рыданія, плачъ и мольбы, причемъ отличились преимущественно нѣсколько женщинъ. Оказалось, однако, что намѣренія рускихъ были вовсе не такъ ужасны; насъ не думали сжигать, но желали, чтобы мы не замерзли. Съ этой цѣлью и былъ отданъ приказъ привести насъ сюда, гдѣ мы застали сотни другихъ плѣнныхъ, грѣющихся у горящихъ домовъ, какъ возлѣ костровъ. Вокругъ насъ размѣстились русскіе пѣхотинцы, какъ мы скоро узнали-- Тобольскаго полка. Мы улеглись на голой землѣ. Вначалѣ спать мѣшали караульные, обыскивавшіе насъ и отбиравшіе то, что еще оставили казаки. Многіе, сохранившіе еще ранцы, должны были разстаться съ ними; сопротивлявшихся били. Подошелъ и ко мнѣ одинъ съ вопросомъ: «Ты капитанъ?»

— Да—отвѣтилъ я.

Скажи я: нѣтъ, меня, вѣроятно, тоже не освободили бы отъ обыска; впрочемъ, скоро другой солдатъ обыскалъ и меня. Скоро однако обыски прекратились, и мы, тѣсно прижавшись другъ къ другу, заснули.

Я проснулся часа черезъ два. Всѣ вокругъ меня мирно спали. Я рѣшилъ поискать земляковъ. Я

долго ходилъ никѣмъ не останавливаемый среди плѣнныхъ, но мои поиски оставались тщетными. Наконецъ, я нашелъ у костра четырехъ кавалеристовъ легкаго егерскаго полка, одинъ изъ нихъ былъ вахмистръ. Я тотчасъ присоединился къ нимъ. Они говорили именно о возможности бѣгства и полагали, что имъ это удастся, такъ какъ одинъ изъ нихъ немного зналъ по-польски, другой имѣлъ у себя еще нѣсколько дукатовъ, кромѣ того, они думали, что вблизи есть мостъ черезъ Березину, построенный для перехода баварцевъ. Я убѣдилъ ихъ въ противномъ и разсказалъ имъ, какъ желаніе найти мостъ явилось причиной моего плѣненія, они отказались отъ своего плана и принялись готовить пищу. Я имѣлъ еще размельченный кофе, а одинъ изъ солдатъ—пару маленькихъ картофелинъ. Было уже около полуночи; мы сидѣли, погруженные въ невеселыя размышленія о грядущемъ. Вдругъ къ намъ подошелъ нѣмецъ,—онъ былъ русскимъ армейскимъ чиновниковъ. Видя, что мы нерасположены говорить о событіяхъ войны, онъ спросилъ, кто и откуда мы? Услышавъ, что я врачъ, онъ сказалъ:

«О! врачамъ въ теперешнее время можно устроиться; нашъ генералъ принимаетъ ихъ, однакожъ, согласно приказу, только нѣмцевъ».

Эти слова не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Чиновникъ ушелъ, и окружающіе меня стали наперерывъ убѣждать меня обратить вниманіе на его слова; особенно старался вахмистръ, же-

лавшій оставаться у меня въ качествѣ денщика и надѣявшійся, такимъ образомъ, сохранить свою жизнь. Миновала ночь; въ холодное пасмурное утро 29 ноября жило, шевелилось и двигалось невѣроятное множество русскихъ, казаковъ, плѣнныхъ всякаго рода, женщинъ и евреевъ, словомъ—пестрая и многочисленная смѣсь на площадяхъ и развалинахъ Борисова. Пообѣщавъ моему маленькому обществу возвратиться, я рѣшилъ отправиться къ начальству. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ того чиновника, который былъ у насъ ночью. Я подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ и сказалъ: «Я готовъ во время моего плѣна работать въ госпиталяхъ; укажите, къ кому мнѣ обратиться». Онъ повелъ меня къ офицеру ближняго караула гауптвахты, говорившему по-нѣмецки. Офицеръ приказалъ тотчасъ позвать унтеръ-офицера, тоже знавшаго нѣсколько нѣмецкихъ словъ, и велѣлъ отвести меня къ генералу. Вскорѣ я очутился передъ русскимъ генераломъ. Онъ съ состраданіемъ взглянулъ на меня. Теплая комната, въ которой я опять очутился, чрезвычайно хорошо подѣйствовала на меня. «Кто вы?»—обратился ко мнѣ генералъ по-нѣмецки. «Я главный врачъ; вчера рано утромъ попалъ въ плѣнъ и хочу предложить свои услуги въ качествѣ врача. Я слыхалъ ночью, что русскіе принимаютъ нѣмецкихъ врачей». «Къ какой націи вы принадлежите? Откуда вы?» И узнавъ, что я изъ Штутгардта, задалъ нѣсколько вопросовъ о живу-

щемъ тамъ графѣ Витгенштейнѣ. Наша бесѣда продолжалась, вѣроятно, 3—4 минуты и была прервана приходомъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ. Генералъ выслушивалъ каждаго, несмотря на то, что нѣкоторые имѣли прямо отталкивающій видъ. Одинъ былъ завернутъ даже въ попону. На вопросъ генерала: кто онъ? Онъ отвѣтилъ: «Я эскадронный командиръ егерскаго полка». Но когда вошелъ французскій врачъ, выглядѣвшій куда плачевнѣе, чѣмъ я и всѣ прочіе, худой и черный, какъ трупъ негра, въ разорванной и обгорѣвшей одеждѣ, какъ нищій еврей, и произнесъ, указывая на смѣсь сырого ячменя, гороху и земли въ своихъ дрожащихъ рукахъ: «Вотъ моя пища въ теченіе уже пяти дней; я плѣнный и больной; вы видите мое несчастіе». Тогда генералъ сказалъ близко стоящему денщику: «Давай хлѣбъ! Страданія этихъ людей ужасны!» Денщикъ принесъ большой хлѣбъ, вѣсомъ приблизительно въ 12—15 фунтовъ, и раздѣлилъ его между нами. Я тотчасъ отошелъ съ моимъ хлѣбомъ въ сторону и спросилъ у одного, сидящаго близко къ выходной двери офицера, курившаго изъ длинной трубки, кто этотъ генералъ? «Это графъ фонъ-Витгенштейнъ», отвѣтилъ онъ мнѣ. Я удивился, какъ я не догадался объ этомъ изъ его разспросовъ о Штутгардтѣ; порядокъ мыслей былъ у большинства изъ нашихъ столь же ослабленъ, какъ и наши силы. Я потихоньку пробрался дальше и очутился у стеклянной двери, разскрывшейся, когда я слегка за-

дѣлъ: ее. Я вошелъ и увидѣлъ тамъ многихъ офицеровъ, сидѣвшихъ и спящихъ на сѣнѣ. Я усѣлся въ уголъ, съѣлъ полученный хлѣбъ и, думая о моемъ плачевномъ положенiи, заснулъ. Мой сонъ, вѣрно, продолжался долго, потому что, когда я проснулся, все вокругъ меня измѣнилось. Офицеровъ не было, и сѣно, на которомъ они лежали, было убрано; я же сидѣлъ одинъ въ моемъ углу, и остатокъ моего хлѣба лежалъ у меня на колѣняхъ. Господствующая въ домѣ тишина побудила меня встать; я пошелъ къ стеклянной двери и увидѣлъ графа, сидѣвшаго за столомъ и что-то пишущаго. Я хотѣлъ было выйти украдкою, но онъ замѣтилъ меня и обернувшись сказалъ: «Вы еще здѣсь? Теперь я совѣтую вамъ походить по городу. Вы, навѣрное, встрѣтите главнаго врача моей армiи (онъ точно описалъ мнѣ ростъ и все, по чему можно было его узнать); онъ носитъ на своей спинѣ коричневую кожаную сумку, съ которой ходитъ изъ дома въ домъ, чтобъ перевязывать и оперировать встрѣчающихся раненыхъ. Скажите ему о вашемъ желанiи и передайте, что васъ послалъ я». Держа хлѣбъ подъ шинелью я отвѣсилъ ему поклонъ и вышелъ. На площади теперь было меньше народу, чѣмъ рано утромъ; къ сожалѣнiю, я не нашелъ моихъ земляковъ, съ которыми провелъ послѣднюю ночь: большинство плѣнныхъ было уведено; все-таки выглядѣло еще чрезвычайно воинственно. Я прошелъ лишь нѣсколько шаговъ, какъ

увидѣлъ человѣка, подходящаго къ описанію, сдѣланному графомъ. Онъ вошелъ въ домъ, а за нимъ шелъ другой, носившій кожаную сумку на спинѣ. Я удвоилъ шаги, чтобъ дойти до этого дома и зашелъ вслѣдъ за ними въ кухню. Стоявшая у очага прислуга при видѣ меня испугалась и, крикнувъ: Іисусъ, Марія! поспѣшила въ комнату. Тотчасъ появилась милая, молодая женщина, чисто и опрятно одѣтая. «Что вы желаете?» спросила она меня полнымъ страданія голосомъ. Меня прислалъ графъ фонъ-Витгенштейнъ. Послѣ этихъ моихъ словъ она тоже исчезла, но также скоро вернулась обратно со своимъ мужемъ. Послѣ короткаго разсказа: Почему я пришелъ? Кто я? Какъ я попалъ въ плѣнъ? онъ обратился (это былъ докторъ Виттъ, тогдашній главный штабный врачъ арміи графа фонъ-Витгенштейна) съ просьбой къ своей женѣ позаботиться о томъ, чтобъ приготовили для меня скорѣе что нибудь согрѣвающаго. Вскорѣ появился чай, который я съ такою же жадностью поглощалъ чашку за чашкой, какъ и послѣдовавшій затѣмъ обѣдъ. Шла оживленная бесѣда. Докторъ Виттъ разсказалъ, между прочимъ, что третьяго дня забрали въ плѣнъ транспортъ больныхъ и раненыхъ вюртембергцевъ съ четырьмя врачами; они находятся всѣ въ деревнѣ, въ 10 верстахъ отсюда. Наступилъ полдень; обѣдъ, какъ и въ мирное время, за накрытымъ столомъ, приготовленный самымъ опрятнымъ и лучшимъ образомъ, очень ободрилъ

и подкрѣпилъ меня. Четвертымъ за столомъ былъ русскій врачъ Винцманъ изъ Гессена, носившій сегодня кожаную сумку. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами въ іюлѣ мѣсяцѣ, долженъ былъ тамъ оказывать услуги въ качествѣ врача и у Березины снова попалъ къ русскимъ. Послѣ обѣда явились къ доктору Витту многіе русскіе врачи, адъютанты графа фонъ-Витгенштейна, гвардейцы и другіе. Всѣ они разспрашивали меня относительно нашего отступленія. Послѣ обѣда я побродилъ по городу, надѣясь встрѣтить земляковъ, но нашелъ лишь саксонскихъ драгунъ и французскую пѣхоту изъ дивизіи Партуно, сдавшейся вчера ночью на капитуляцію и прибывшую въ Борисовъ сегодня передъ обѣдомъ *). Имъ разрѣшено было оставить у себя свой багажъ и ранцы. Я опять вернулся къ доктору Витту. Онъ и его достойная жена серьезно задались цѣлью позаботиться обо мнѣ. Эти добрые люди такъ много сдѣлали для меня, что я вѣчно буду питать къ нимъ благодарность и почтеніе. Я спалъ превосходно эту ночь въ теплой комнатѣ, на сѣнѣ. Утромъ 30 ноября въ городѣ появилось много плѣнныхъ; прибывали и русскія войска. Говорили, что въ два дня забрали въ плѣнъ 30,000 человѣкъ. Въ этотъ день привели многихъ врачей французской арміи, предложившихъ свои услуги

---

*) Дивизія Партуно, принадлежавшая корпусу маршала Виктора, была отрѣзана отъ арміи и должна была сдаться Генштейну вечеромъ 27-го ноября.

на тѣхъ же условіяхъ, что и я. Докторъ Виттъ однако принялъ только господина Дюкруа, родомъ изъ Кенигсберга. Мой новый благодѣтель назначилъ насъ обоихъ сперва въ деревню Шицкову, находящуюся въ 10 верстахъ отъ Борисова, по дорогѣ въ Полоцкъ, гдѣ помѣстили 3.000 раненыхъ и больныхъ русскихъ и плѣнныхъ; при нихъ до сихъ поръ былъ только одинъ русскій врачъ.

1 декабря Виттъ, принявъ всѣ необходимыя мѣры касательно множества больныхъ и раненыхъ и распорядившись о пересылкѣ части ихъ внутрь Россіи, уѣхалъ. Онъ далъ мнѣ письменный приказъ, по которому я долженъ былъ смѣнить врача въ Шицковѣ; послѣднему нужно было идти за своимъ корпусомъ, а Дюкруа назначался моимъ помощникомъ. Русская армія выступила изъ Борисова. Я остался въ квартирѣ доктора Витта и ожидалъ приказа о моей отправкѣ въ командировку отъ коменданта города. Не получивъ черезъ три дня никакихъ приказаній, я и Дюкруа пошли къ плацъ - коменданту. Въ той квартирѣ, гдѣ жилъ графъ Витгенштейнъ, я нашелъ штабъ-офицеровъ, которымъ и разсказалъ по-нѣмецки о предписаніи, полученномъ мною и о желаніи работать, чтобъ быть полезнымъ.

— Всѣ вы, нѣмцы, такъ ревностно относитесь къ дѣламъ службы,—спросили они меня.

Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ о нашемъ отступленіи, объ отношеніи вообще нѣмцевъ и союзни-

ковъ къ французамъ, они отпустили насъ, пообѣщавъ, что завтра мы получимъ соотвѣтствующій приказъ.

Лишь 7 декабря покинули мы Борисовъ. По дорогѣ мы встрѣтили многихъ отдѣльныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ русской арміи, и много разбросанныхъ труповъ нашихъ. Къ ночи мы прибыли въ Шицковъ и вскорѣ нашли врача В.., котораго очень обрадовало наше прибытіе, но еще болѣе приказъ догонять свою часть. Онъ принялъ насъ очень радушно и угостилъ всѣмъ, что у него было. Здѣсь я нашелъ тѣхъ четырехъ вюртембергскихъ врачей, о которыхъ мнѣ сказалъ докторъ Виттъ; именно моего коллегу Ципперлена и младшихъ врачей Кюнле и Гертнера; фамилію четвертаго я позабылъ; онъ умеръ вскорѣ послѣ этого. Русскій врачъ В... приготовлялся къ отъѣзду. Передавъ мнѣ больныхъ и поколотивъ на другое утро своего денщика за то, что онъ не посолилъ приготовленную въ дорогу жареную телятину, онъ уѣхалъ и вмѣстѣ съ нимъ Ципперленъ. Старшій въ деревнѣ офицеръ повелъ меня, вскорѣ послѣ моего прибытія, въ кладовую, наполненную тулупами, чтобъ я выбралъ себѣ изъ нихъ, какой мнѣ подойдетъ. Онъ далъ также каждому изъ насъ по одному солдату, знавшему нѣмецкій языкъ, въ качествѣ переводчика. Я получилъ двухъ самыхъ расторопныхъ, Ивана Криницкаго изъ Риги, сына мясника, и Вреде, сына садовника изъ Петербурга. Эти провожали насъ

къ больнымъ, свѣтили намъ при перевязкѣ, переводили наши вопросы и отвѣты больныхъ, а дома прислуживали. Теперь началась работа. Со всѣхъ сторонъ посылали за мной раненые офицеры, которымъ отрекомендовалъ меня уже господинъ В... Я многихъ изъ нихъ нашелъ въ ужасныхъ условіяхъ въ крестьянскихъ избахъ. Еще хуже и болѣе переполнены были помѣщенія солдатъ. Вначалѣ не хватало многаго необходимаго для лѣченія и ухода за больными; недоставало, между прочимъ, свѣчей, такъ что всю зиму намъ приходилось работать, большею частью, при свѣтѣ лучины. Какъ мы пробивались вначалѣ, доказываетъ слѣдующее. Не хватало также самаго необходимаго, корпія и холста для перевязокъ. Послѣдній приходилось замѣнять грубымъ и грязнымъ бѣльемъ, большей частью добывали холстъ изъ рубахъ окрестныхъ польскихъ крестьянъ. Чтобъ приготовить себѣ длинные бинты, мы разрѣзали рубахи и получали чрезвычайно несовершенные бинты. Корпію приготовляли сами раненые офицеры и солдаты; пластыря совсѣмъ не было. Отсутствовали также всѣ другія вспомогательныя средства для надлежащей перевязки. Лубки для леченія переломовъ костей мы должны были приготовлять изъ щепокъ. Хирургическихъ инструментовъ было мало; кромѣ бистурія, даннаго мнѣ докторомъ Виттомъ, другихъ инструментовъ не было ни у меня, ни у Дюкруа, старавшагося, впрочемъ, уклоняться отъ

операцій. Зато мой бистурій приносилъ большую пользу, правда, онъ былъ отличнаго качества. Я не преувеличу, если скажу, что въ одномъ Шицковѣ вырѣзалъ имъ около двухсотъ пуль и другихъ посторонних тѣлъ, сдѣлалъ имъ столько же ставшихъ необходимыми расширеній у ранъ, вскрылъ фистулезные ходы къ ранамъ и удалилъ очень много гангренозныхъ частей. Лѣкарствъ, чтобъ доставить облегченіе или помощь какому-нибудь больному, какъ бы онъ ни страдалъ, совсѣмъ не было. Такимъ образомъ, при посѣщеніяхъ больныхъ приходилось ограничиваться назначеніемъ діэты и словами утѣшенія. Рано утромъ, задолго до разсвѣта, мы начинали обходъ и перевязку больныхъ. Мы раздѣлили деревню, состоявшую изъ длиннаго ряда избъ, тянувшихся за ними овиновъ и сараевъ, на три равные участка; каждый посѣщалъ ежедневно два раза свой участокъ. Всѣ офицеры были чрезвычайно скромны, вѣжливы и благодарны. Ихъ участіе ко мнѣ облегчало мое положеніе. Они дѣлились со мной бѣльемъ и всѣмъ, что имѣли; благотворнѣе всего дѣйствовалъ на меня ихъ чай, которымъ они часто угощали меня при моихъ посѣщеніяхъ. Военный тифъ или военная чума появилась и у насъ въ деревнѣ и съ каждымъ днемъ распространялись все сильнѣе и сильнѣе. Занесли эту болѣзнь мы, плѣнные, т. к. у насъ я наблюдалъ отдѣльные случаи заболѣваній еще въ лагерѣ при Черничной, и развитіе этой болѣзни

во время отступленія отъ Москвы. Здѣсь я имѣлъ возможность болѣе внимательно прослѣдить теченіе этой болѣзни, сопровождавшейся, въ большинствѣ случаевъ, смертью. Я отношу эту болѣзнь къ разряду заразныхъ эпидемическихъ болѣзней; развивается она на почвѣ неправильнаго питанія и переутомленія, послѣднее прдположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что когда въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ представлялась возможность перевести больного на питатльную діэту—болѣзнь протекала менѣе дурно и оканчивалась выздоровленіемъ. Обыкновенно смертность доходила до 50%, причемъ среди плѣнныхъ процентъ смертности былъ значительно выше, раненые почти всегда умирали. Объясняется это, конечно, страшнымъ истощеніемъ силъ, которымъ страдали всѣ плѣнные. Среди умиравшихъ отъ военной чумы былъ плѣнный унтеръ-офицеръ, котораго зналъ докторъ Кюльне. Ему въ августѣ мѣсяцѣ пуля раздробила при Смоленскѣ правое колѣно; нога была ампутирована, и рана начала заживать. При отступленіи онъ былъ взятъ въ плѣнъ недалеко отъ Бобра съ транспортомъ больныхъ и прибылъ въ Шицковъ. Здѣсь зажившая рана снова открылась; кожа и мускулы далеко разошлись, и наружу выступила черная гніющая кость, самъ больной до крайности исхудалъ, былъ черенъ отъ дыму и грязи, какъ негръ, его все время лихорадило, но все-таки онъ не терялъ сознанія. Онъ часто обращался съ вопросомъ къ

Кюльне: «Почему я долженъ такъ страдать и переносить такъ много несчастій?» Кюльне однажды сказалъ: «Такъ какъ вы часто повторяете этотъ вопросъ, то я хочу вамъ на него отвѣтить: Небо воздаетъ рано или поздно каждому за добрыя и недобрыя дѣла, и мнѣ кажется, что насталъ часъ возмездія и для васъ за ваше грѣшное озорничество, за жестокое убійство, совершенное вами въ Штейермаркѣ. Ваша болѣзнь такого рода, что нельзя ожидать улучшенія ни отъ нашего искусства, ни отъ вашей физической силы, наоборотъ, условія, въ которыхъ мы теперь живемъ и ваше истощеніе предвѣщаютъ плохой конецъ; потому просите у Бога простить вамъ ваши грѣхи, Онъ можетъ васъ скоро отозвать». Бѣда научаетъ молиться! Этотъ грубый человѣкъ началъ въ нашемъ присутствіи читать отходную молитву: «Кто знаетъ, какъ близокъ мой конецъ». Мы покинули его со словами утѣшенія, и черезъ нѣсколько дней онъ сталъ трупомъ. Я вспомнилъ печальную исторію, о которой напомнилъ Кюльне умиравшему. Когда мы вскорѣ послѣ битвы при Ваграмѣ шли къ Фіуме и проходили черезъ Штейеръ, этотъ унтеръ-офицеръ застрѣлилъ въ одной деревнѣ молодого пекаря только потому, что несчастный не отпустилъ ему хлѣба, такъ быстро, какъ онъ требовалъ. Эта дикая расправа надѣлала тогда много шуму. Тотчасъ былъ возбужденъ процессъ, полгода онъ былъ подъ арестомъ, въ цѣпяхъ, и почему, наконецъ, его про-

стили, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Много работая и хорошо питаясь, я очень поправился. Прибавились силы и пополнѣлъ, настроеніе тоже улучшилось и на душѣ стало спокойнѣе. Замѣчая, что у меня съ каждымъ днемъ все прибываютъ силы, я часто размышлялъ о странности этого явленія. Кругомъ меня ежедневно умирали, а мое здоровье дѣлалось все лучше и лучше и силы прибавлялись, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Я благодарилъ Небо за спасеніе отъ гибели и выздоровленіе. Часто, однако, въ голову мнѣ приходили слова Гуфеланда: «Что особенно хорошее самочувствіе есть предвѣстникъ близкой болѣзни». Однажды утромъ, въ Рождественскіе праздники по русскому стилю, вышелъ я такъ же рано, какъ и всегда, для осмотра больныхъ. Чувствовалъ я себя хорошо, настроеніе духа также было отличное. Посѣтивъ, осмотрѣвъ и перевязавъ большую часть моихъ больныхъ, я, переходя изъ одного дома въ другой, вдругъ заболѣлъ, словно пораженный молніей. Силы оставили меня, я упалъ на землю и потерялъ сознаніе. Такъ силенъ былъ припадокъ военной чумы, этой злокачественной и смертельной болѣзни, что я изъ всего происходившаго со мной съ этого времени помню только то, что два русскихъ солдата принесли меня въ мою квартиру. Безъ сознанія и въ бреду провелъ я много дней въ бричкѣ, устланной сѣномъ и соломой и замѣнявшей постель. Когда затѣмъ въ январѣ 1813 года

болѣзнь моя начала ослабѣвать, и у меня явилось сознаніе, однажды пришелъ молодой французскій врачъ къ Дюкруа, онъ выразилъ свое удивленіе по поводу состоянія моего здоровья и крѣпости моего организма, безъ лекарствъ боровшагося съ этой ужасной болѣзнью. Онъ далъ мнѣ на сахарѣ нѣсколько мятныхъ капель. Я принялъ ихъ и повѣрилъ теперь, что выдержу борьбу со смертью. Когда я принялъ лекарство, я подумалъ въ первую минуту, что сойду съ ума: во рту было такое ощущеніе, словно я принялъ горячій металлъ; жгло и кололо. Я извивался по полу, словно червь, но никто не далъ мнѣ глотка воды. Долго мучился я, однако, перенесъ это жестокое мученіе; сознаніе стало возвращаться ко мнѣ, но врачъ, давшій мнѣ лекарство, между тѣмъ ушелъ. Мой русскій денщикъ, очень заботившійся обо мнѣ во время моей болѣзни и выздоровленія, исполнялъ долгъ не только человѣка, но и христіанина: онъ часто и горячо молился о ниспосланіи мнѣ выздоровленія и часто къ нѣмецкимъ молитвамъ присоединялъ тѣ, которымъ онъ научился у рускихъ. Я поправлялся чрезвычайно медленно и не мало безпокоился за возстановленіе слуха и зрѣнія. Длиныя ночи, которыя я проводилъ все еще безъ сна, были для меня мучительными и казалось, что они длятся вѣчно. Къ концу февраля 1913 года я настолько поправился, что снова могъ приняться за работу. Къ этому времени выздоровѣли также около 500

нашихъ раненыхъ и больныхъ, ожидавшихъ теперь отправки во внутреннія губерніи. Многое между тѣмъ улучшилось; пища стала обильнѣе и разнообразнѣе; были уже необходимыя лекарства, прислали также нѣкоторые инструменты. Комендантъ Борисова прислалъ мѣшокъ корпій и перевязочныхъ матеріаловъ, цѣлый транспортъ котораго онъ получилъ отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Теперь въ нашей деревнѣ появилось молоко, масло, вино, медъ и жизнерадостные люди. Къ концу марта число нашихъ больныхъ значительно уменьшилось; выздоравливавшіе отсылались въ армію, а плѣнные были переведены въ Полоцкъ. Удачное леченіе и операціи, внимательность и предупредительность по отношенію къ больнымъ, какъ къ русскихъ офицерамъ и солдатамъ, такъ и къ плѣннымъ,—всѣхъ бывшихъ въ этой деревнѣ націй, создали мнѣ популярность. Меня приглашали теперь также и къ больнымъ окрестнымъ помѣщикамъ. О моей полезной дѣятельности узналъ комендантъ Борисова, фонъ Швистхцинъ, тогдашній начальникъ московской милиціи, и перевелъ меня въ апрѣлѣ 1813 года въ этотъ уѣздный городъ въ качествѣ врача при главномъ госпиталѣ. Съ этого времени я сталъ его домашнимъ врачемъ; его примѣру слѣдовало дворянство, шляхтичи всей окрестности и офицеры Борисова. Съ этого времени поле моей дѣятельности все расширялось, и я пріобрѣталъ все большую славу, о чемъ разскажу въ послѣдней

главѣ. Такъ пережилъ достопамятный 1812 годъ, достопримѣчательнѣйшій въ моей жизни! Я спасся отъ сабель, пикъ, копій и стрѣлъ, пуль, холода и въ концѣ концовъ отъ чумы. Я могу сказать вмѣстѣ съ Геллертомъ: Господи, ты не оставилъ меня; Твоя рука направляла меня.

ГЛАВА XIII.

За 8 дней до Пасхи 1813 года прибылъ я къ моему новому мѣстожительству и нашелъ еще всюду, какъ въ домахъ частныхъ лицъ, такъ и въ квартирахъ офицеровъ, въ помѣщеніяхъ, занятыхъ военными канцеляріями, на улицахъ и площадяхъ города замѣчательные слѣды войны, закончившейся для этой мѣстности въ концѣ ноября. Базарная площадь была вся заставлена захваченными пушками, военными фурами и обозными повозками, фургонами высшихъ офицеровъ и т. д.; на улицахъ валялось еще брошенное оружіе, пули, неразорвавшіеся снаряды, и всюду кишели русскіе солдаты и ополченцы, плѣнные всѣхъ вражескихъ націй въ разодранной одеждѣ различныхъ цвѣтовъ, торгующіе евреи и крестьяне, привезшіе на рынокъ свои продукты. Какъ здѣсь, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ были заняты собираніемъ оставленныхъ непріятелемъ оружій, сжиганіемъ брошенной имъ одежды, конной сбруи, утвари и устройствомъ домовъ для жилищъ. Должностные лица города поручили врачу еврею Гиршу проку-

рить ихъ квартиры согласно предписанію. Неопытный въ химіи, онъ старался буквально слѣдовать предписанію, но ему въ этомъ мѣшала робость, незнаніе простѣйшихъ химическихъ реакцій и боязнь взрыва при обливаніи селитры сѣрной кислотой. Онъ старался какъ можно дальше держаться и отворачивалъ свое лицо, словно опасаясь потерять зрѣніе. Когда я взялъ у него бутылку и онъ увидѣлъ, что я дѣлаю спокойно и хладнокровно то, чего онъ такъ опасался, сдѣлалъ такое смѣшное замѣчаніе: «Боже мой; я думалъ увидѣть чудеса, а тутъ все такъ просто», мы принялись громко хохотать. Я лѣчилъ военныхъ, имѣлъ частную практику, и работы было по горло. Не мѣсто здѣсь говорить подробно объ очень интересныхъ, съ медицинской точки зрѣнія, случаяхъ изъ моей практики, это будетъ слишкомъ пространно; я остановлю вниманіе читателя на другихъ болѣе занимательныхъ предметахъ той достопримѣчательной эпохи. Проходя съ остаткомъ великой арміи 26 ноября (по новому стилю) черезъ Борисовъ, я увидѣлъ въ этомъ городѣ, состоявшемъ изъ деревянныхъ строеній, одноэтажный каменный домъ, выстроенный на базарной площади. Во время этой войны онъ былъ французами обращенъ въ госпиталь. Какой безпорядокъ господствовалъ тамъ, можно судить ужъ по тому, что я, доставленный въ Борисовъ 28-го числа, какъ плѣнный, увидѣлъ, гуляя 29 числа, рано утромъ на этой площади, лежащіе одинъ на

другомъ трупы умершихъ въ этомъ госпиталѣ. Этотъ въ высшей степени разрушенный и зараженный домъ русскіе не обратили уже вторично въ госпиталь, а помѣстили въ немъ свыше 300 найденныхъ и взятыхъ въ плѣнъ при переходѣ черезъ рѣку женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, самыхъ несчастныхъ существъ въ этой войнѣ.

Можно себѣ представить глубокое горе ихъ, оставшихся на произволъ судьбы; въ чужой странѣ, совершенно безпомощныхъ и лишенныхъ средствъ къ существованію. При нихъ было много дѣтей разнаго возраста, (много было лишившихся своихъ родителей), и взрослыя дѣвушки, послѣдовавшія за французами изъ разныхъ мѣстностей Европы, преимущественно изъ большихъ городовъ Германіи, особено изъ Гамбурга. Среди прибывшихъ уже сюда было много больныхъ или предрасположенныхъ къ заболѣванію, благодаря перенесеннымъ нуждѣ и лишеніямъ. Теперь, живя въ помѣщеніяхъ, гдѣ раньше такъ страшно свирѣпствовала военная чума, ихъ тяжелое положеніе сдѣлалось еще хуже; заболѣли почти всѣ. И вотъ, лишенныя возможности ухаживать другъ за другомъ, страшно нуждаясь въ пищѣ, эти несчастныя стали жертвой огня; вѣроятно рука какой-нибудь женщины, въ своемъ отчаяніи дошедшей до безумія, подожгла домъ.

Въ Рождественскую ночь показался огонь, пламя быстро охватило и пожрало все горючее и всѣхъ тѣхъ, которыя не были въ состояніи спастись. Эта

страшная участь постигла, однако, не всѣхъ доставленныхъ сюда. Иные уже раньше, еще до мира, нашли пріютъ у добросердечныхъ и участливыхъ людей, и многія бѣдныя дѣти, покинутыя или потерявшія родителей, нашли новыхъ родителей. Русскихъ и поляковъ поражало присутствіе при союзной арміи такого множества женщинъ и дѣтей, тогда какъ при русской арміи не было ни одной женщины. Я отвѣчалъ имъ на ихъ частые вопросы по этому поводу, что издавна при нѣмецкихъ войскахъ было двѣ или три женщины въ ротѣ или эскадронѣ, которые должны были заботиться о бѣльѣ для солдатъ и торговать въ лагеряхъ и на переходахъ. Однажды услышалъ я на боковой улицѣ, куда я зашелъ по обязанности службы, серьезный споръ между еврейкой и нѣмцемъ. По голосу послѣдняго я предположилъ, что онъ молодой человѣкъ, а по діалекту, что онъ землякъ. Я вошелъ въ комнату и засталъ молодого человѣка въ русской военной одеждѣ; онъ назывался Вейкардъ, былъ сыномъ врача и племянникомъ Мельхіора Адама Вейкарда, родился въ Гейлброннѣ и выросъ въ Петербургѣ. Онъ служилъ въ русскомъ кавалерійскомъ корпусѣ графа фонъ Ламберта и отморозилъ себѣ въ ноябрѣ, во время суровой зимы, пальцы ногъ. Изъ его разсказовъ выяснилось, что онъ участвовалъ въ сраженіи, происшедшемъ 21 ноября между поляками, французами и русскими, и что онъ видѣлъ также въ этотъ день, какъ сражал-

ся у моста прибывшій изъ Данцига вюртембергскій полкъ № 7, понесшій большія потери. Когда я, однажды, заставилъ его разсказать и указать мнѣ на мѣсто этой стычки, онъ повелъ меня къ обуглившимся остаткамъ сгорѣвшаго дома, среди которыхъ валялись обуглившіяся человѣческія кости. «Это», сказалъ онъ: «кости нашихъ земляковъ, раненыхъ въ сраженіи и перенесенныхъ въ этотъ домъ изъ-за холода; вскорѣ послѣ этого онъ загорѣлся, и кто самъ не могъ спастись, долженъ былъ погибнуть въ пламени. Когда же весною высохли дороги, деревья покрылись свѣжею зеленью и сѣмена пустили ростки, въ одно воскресенье приведенъ былъ въ исполненіе давно задуманный планъ отправиться верхомъ въ Студянку, къ мѣсту, гдѣ Наполеонъ перешелъ Березину. Мы выѣхали рано утромъ въ обществѣ инженеровъ-офицеровъ, назначенныхъ въ эту мѣстность для очищенія рѣки, постройки мостовъ, и учителя уѣздной школы, точно знавшаго эту мѣстность и ея исторію. Мы избрали дорогу черезъ Старый Борисовъ, по которой шли остатки великой арміи, и по которой проходилъ я самъ. Прибывъ въ совершенно разрушенную, сравнявшуюся съ землею Студянку, мы увидѣли, къ нашему великому изумленію, что почва покрыта красивой, роскошной зеленью, особенно тамъ, гдѣ находилась деревня. Разсыпаные войсками въ этой деревнѣ въ дни перехода рожь, овесъ и т. д. теперь взошли. Уже значительно выросшій овесъ образо-

валъ пріятную зелень, изъ которой тамъ и сямъ торчалъ еще остатокъ прежней печи. Мы слышали, что сейчасъ послѣ ухода арміи жители этой деревни хотѣли вновь ее выстроить и заселить, но въ этомъ имъ помѣшалъ приказъ императора Александра, по которому деревня Студянка уничтожалась и впредь не должна была болѣе существовать. На восточномъ и западномъ концѣ этой бывшей деревни высились большія могильныя насыпи. Одна близко отъ того мѣста, гдѣ я провелъ ночь съ 26 на 27 ноября, была высотою съ крестьянскую избу, и давно уже обросла елями. По утвержденію бывшаго въ нашемъ обществѣ учителя, эта могильная насыпь,, оставшаяся до сегодняшняго времени, образовалась на этомъ мѣстѣ 100 лѣтъ тому назадъ, при попыткѣ шведовъ перейти черезъ эту рѣку подъ начальствомъ Карла XII. Онъ сказалъ намъ, что не трудно убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ, потому что при раскопкѣ скоро бы нашлись кости. Новообразовавшаяся могильная насыпь на западномъ концѣ бывшей деревни Студянки, заключающая въ себѣ столь многихъ изъ нашихъ товарищей по оружію, частью погибшихъ здѣсь въ сраженіяхъ, частью умершихъ отъ голода и холода, была гораздо выше и больше, чѣмъ вышеупомянутая. Число находящихся въ ней труповъ опредѣляли въ нѣсколько тысячъ. Прибывъ на берегъ, не широкой въ этомъ мѣстѣ рѣки, гдѣ Наполеонъ приказалъ навести два моста, мы нашли маіора корпу-

са шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній съ офицеромъ и нѣсколькими солдатами. Этотъ маіоръ получилъ приказъ очистить въ этомъ мѣстѣ рѣку. Онъ разсказалъ намъ многое о результатѣ своихъ работъ. Рѣка (ширина ея въ этомъ мѣстѣ согласно нашему общему опредѣленію была 16 —18 саженей) съ крутымъ и твердымъ берегомъ по эту сторону и плоскимъ, болотистымъ по ту, съ небыстрымъ теченіемъ, была переполнена не только человѣческими трупами и трупами лошадей, но и многими другими предметами, взятыми съ собой арміей. Много было вырыто уже зимой изъ подъ льда и снѣга; въ близъ лежащихъ лѣсахъ встрѣчали невѣроятное множество закоченѣвшихъ труповъ, сидѣвшихъ или подъ деревьями, или валявшихся на землѣ; при нихъ находили много цѣннаго, какъ напримѣръ, часы, деньги, орденскіе значки, оружіе, эполеты и т. д.; въ особенности часто находили множество подобныхъ предметовъ опредѣленные для этой работы крестьяне, но они должны были ихъ отдавать своему владѣльцу. Маіоръ самъ также вытаскивалъ изъ воды много чемодановъ, сундуковъ, ранцевъ, ящиковъ и т. п. и имѣлъ большіе запасы оружія, сѣдельной сбруи и т. п. Вообще въ этой мѣстности были собраны невѣроятныя количества этихъ предметовъ, и евреи Борисова хорошо торговали этимъ, несмотря на то, что большая часть оружія была отобрана въ казну. Этотъ маіоръ велѣлъ вытаскивать изъ воды даже пушки

и различнаго рода экипажи и зналъ, гдѣ въ болотахъ и подъ водой лежитъ еще болѣе пушекъ. Этотъ офицеръ принялъ насъ въ лачугахъ, выстроенныхъ по его приказанію на берегу изъ остатковъ моста и деревни для него и для его команды, и надѣлилъ насъ подарками. Его добычѣ мы могли бы позавидовать. Онъ нашелъ въ сундукахъ, ящикахъ и т. д. серебро склющенное и въ видѣ кубовъ значительной величины и вѣса, золото, драгоцѣнные камни и много красиваго и полезнаго; онъ все это и показывалъ намъ. Онъ не пожалѣлъ всего этого и для своей команды; его солдаты не могли удержаться, чтобъ также не показать намъ своего имущества: часы, кольца, золотыя и серебряныя монеты, платья и т. д. Я получилъ въ подарокъ отъ этого маіора шпагу, саблю и англійское сѣдло. Отсюда мы побродили по окрестности, нашли еще много оружія, лоскутьевъ платья, но особенно много касокъ, шляпъ, шапокъ и т. п., бумаги, книги, карты и планы. Я нашелъ офицерскія свидѣтельства, записи о смерти отъ тѣхъ войскъ, къ которымъ принадлежалъ и я, переданные мной два года спустя посольству въ С.-Петербургѣ. Моя частная практика случайно привела меня также въ Цембинъ и далеко на дорогу въ Вильну, по которой направился Наполеонъ съ остатками арміи, послѣ перехода черезъ Березину. Въ Цембинѣ были видны еще многіе слѣды войны. Далеко по дорогѣ въ Вильну остатками домовъ и

деревень были только по большей части печи и камины деревянныхъ строеній; все же остальное погибло въ огнѣ. Въ этомъ городкѣ Цембинѣ переночевалъ я лѣтомъ съ однимъ господиномъ, Вольговичемъ, пріѣхавшимъ за мной за 80 верстъ отъ Борисова, чтобъ везти къ своей больной женѣ. Мы помѣстились у католическаго священника, и на другой день въ дорогѣ я замѣтилъ исчезновеніе моей денежной сумки. Черезъ два дня мы вернулись и снова остановились у этого же священника. Послѣдній тотчасъ допросилъ свою прислугу, и парень 17 лѣтъ, убиравшій нашу постель, — она состояла изъ сѣна, — сознался, что онъ нашелъ деньги, и я получилъ ихъ обратно. Но тутъ-то началась экзекуція, какой я раньше никогда не видывалъ. Священникъ досталъ кнутъ; парень долженъ былъ снять куртку, стать на колѣни и получать отъ него значительное число ударовъ, которое сопровождалось словами: «У тебя нѣтъ достаточно хлѣба?». Священникъ все болѣе разгорячался и сильнѣе билъ парня. Господинъ Вольговичъ находилъ удовольствіе въ этомъ наказаніи, но я съ просьбами о снисхожденіи сталъ между строгимъ экзекуторомъ и его жертвой, чтобъ положить конецъ страшнымъ крикамъ послѣдняго и все болѣе возрастающему усердію перваго. Это мнѣ и удалось. Въ слѣдующую зиму я снова поѣхалъ по этой дорогѣ съ господиномъ Вольговичемъ, и тутъ-то подтвердилось сказаніе о томъ, что стаи

волковъ слѣдовали за арміей; я еще и теперь видѣлъ нѣсколько стай на снѣгу, близко отъ главной дороги, какъ нѣкогда я видѣлъ на родинѣ, близко отъ дороги, оленей, козулей, вепрей. Также и слѣды медвѣдей нѣсколько разъ приводили въ большое безпокойство нашихъ четырехъ быстрыхъ, чубарыхъ, запряженныхъ рядомъ лошадей. Работы по возстановленію моста черезъ Березину, производились крестьянами изъ ближайшихъ селъ и деревень. На работахъ находилось много плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ году, уже за границей, въ сраженіи при Бауценѣ, и среди нихъ было много еще крѣпкихъ и бодрыхъ, въ особенности вюртембергцевъ, взятыхъ лишь въ прошломъ году. Отъ одного фельдфебеля, Г. Ф. Вальца, я узналъ о судьбѣ оставшихся еще въ живыхъ друзей и знакомыхъ, вернувшихся изъ Россіи, о наборѣ новыхъ войскъ, о походѣ въ Саксонію и о событіяхъ вплоть до вышеупомянутаго сраженія. Къ этому Вальцу его земляки относились съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ офицеру, и онъ въ общемъ былъ имъ полезенъ своимъ вниманіемъ и заботой какъ при раздачѣ ихъ порцій и жалованья, такъ и составленіемъ правильныхъ списковъ. Уже до его прибытія я имѣлъ многочисленный списокъ умершихъ въ Шицковѣ и Борисовѣ вюртембергцевъ; онъ помогалъ мнѣ пополнять его. Внезапно онъ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Его бумаги я взялъ къ себѣ, но онѣ были укра-

дены у меня вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что вновь пріобрѣло для меня цѣнность. Я лишился такимъ образомъ возможности оказать услуги моему отечеству сообщеніями о смерти его подданныхъ. Офицеръ нашего гарнизона, лейтенантъ Свиницынъ, собралъ въ прошлую зиму въ большомъ количествѣ найденныя при Студянкѣ бумаги отступавшей арміи, среди которыхъ было много писемъ, книгъ, картъ и плановъ, онъ ихъ разсортировалъ. По его просьбѣ я читалъ ему многія изъ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ, содержаніе коихъ составляли только приказы полкамъ, бригадамъ, переводы бюллетеней и т. п. Интереснѣе было для него содержаніе французскихъ бумагъ, языкъ коихъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Въ этихъ онъ нашелъ корреспонденціи маршаловъ, дневники ихъ, даже письма Наполеона къ его супругѣ и къ министрамъ въ Парижѣ. Изъ первыхъ видно было, что этотъ императоръ могъ быть нѣжнымъ, а изъ послѣднихъ, что онъ серьезно интересовался, несмотря на несчастное отступленіе, всѣмъ что происходило во Франціи. Маіоръ Сазоновъ старался о томъ, чтобъ сдѣлать мнѣ пріятнымъ мое пребываніе въ Борисовѣ; онъ говоирлъ мнѣ: «приходите ежедневно ко мнѣ; мои офицеры большей частью нѣмцы или говорятъ по-нѣмецки; они ежедневно кушаютъ у меня и будутъ васъ занимать и позаботятся о томъ, чтобъ вамъ у насъ понравилось». Такой любезности я былъ обязанъ все возраставшей моей извѣстности какъ опытнаго и знающаго врача. Бывшій при его батальонѣ капитанъ фонъ Шилдеръ, теперешній маіоръ, далъ мнѣ для развлеченія нѣсколько переписанныхъ стихотвореній Шиллера; я невѣроятно быстро выучилъ наизусть «Колоколъ» и другія баллады. Въ высшей

степени былъ ко мнѣ также предупредителенъ и городничій Андрей Кирилловичъ Шаталовъ, расположеніе котораго я снискалъ счастливымъ леченіемъ его глазъ и исцѣленіемъ отъ перемежающейся лихорадки. Однимъ изъ его многихъ благодѣяній, оказанныхъ имъ мнѣ, было и то, что онъ меня заново одѣлъ. Насколько сердечны и благосклонны были эти люди ко мнѣ, настолько же хорошо относились ко мнѣ и прочіе офицеры гарнизона, чиновники, завѣдующій и учителя уѣздной школы и нѣсколько еврейскихъ семействъ. Всѣ хотѣли улучшить такъ или иначе мое пребываніе, эти добрые люди даже хлопотали о моей женитьбѣ. Красивая, бѣлокурая панна Текля вѣроятно покорила бы мое сердце, еслибъ оно уже не принадлежало кому-нибудь на родинѣ. Въ одинъ прекрасный день меня обрадовало прибытіе большого, организованнаго внутри Россіи, отряда войскъ нѣмецкаго легіона, состоявшаго изъ плѣнныхъ всѣхъ нѣмецкихъ провинцій и направлявшагося къ арміи въ Германію, черезъ Борисовъ. Они вступили въ него отдѣльными отрядами съ нѣмецкими пѣснями. Въ этотъ день я научился понимать по себѣ о чувствѣ, которое должно овладѣвать швейцарцемъ, страдающимъ тоской по трубнымъ звукамъ горныхъ пастуховъ и по снѣжнымъ вершинамъ горъ его родины. Среди многихъ офицеровъ этого корпуса я, однакожъ, не нашелъ ни одного земляка, а среди солдатъ вюртембергцевъ было только трое. На дневку остановились въ Борисовѣ, и я бесѣдовалъ съ большинствомъ офицеровъ и нашелъ, что они всѣ еще приверженцы Наполеона. Только немногіе скрыли отъ меня, что они поступили на службу только потому, чтобъ освободиться отъ плѣна и перейти границу. На другой

вечеръ мнѣ удалось познакомиться также съ командиромъ этихъ войскъ; это былъ нѣмецъ, родившійся за границей, но давно состоящій уже на русской службѣ. Всѣ бывшіе при немъ офицеры, а также ихъ жены,—трое изъ нихъ поженились въ плѣну на молодыхъ, красивыхъ русскихъ, которыхъ они взяли съ собой въ Германію, составили въ этотъ вечеръ пріятное общество. Будучи врагомъ Наполеона, командиръ считалъ себя призваннымъ убить его. Онъ сказалъ громко съ большимъ жаромъ: «Я хочу освободить Европу и весь свѣтъ отъ этого тирана; этой моей рукой и этимъ кинжаломъ (онъ вынулъ его изъ-за пазухи) я совершу это дѣло!» Онъ былъ самый горячій патріотъ и самый большой почитатель своего императора. О своихъ офицерахъ онъ говорилъ: «Они всѣ преданы мнѣ и нашему святому дѣлу, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, но этихъ я образумлю, и если они не исправятся, — я призываю въ свидѣтели Бога! — я накажу ихъ въ примѣръ другимъ». На третій день эти войска выступили изъ Борисова; я провожалъ ихъ до Березины. Впрочемъ, я полагаю, что полковникъ въ отношеніи послѣдняго своего обѣщанія сдержалъ слово, такъ какъ здѣсь говорили, что онъ на границѣ приказалъ разстрѣлять двухъ своихъ офицеровъ. Знакомство, сдѣланное мною позже, было для меня интересно и полезно. Баронъ Корсакъ, главный управляющій имѣній князя Радзивилла, жившій въ Старомъ Борисовѣ, ѣдучи однажды вечеромъ домой, вылетѣлъ изъ экипажа, причемъ получилъ вывихъ лѣваго плечевого сустава. За мной послали сани, запряженныя тройкой. Я быстро проѣхалъ это разстояніе и прибылъ туда въ полночь. Здѣсь я засталъ многочисленное общество поля-

ковъ, сидящихъ кругомъ, словно на сеймѣ, а посреди нихъ моего паціента. Тотчасъ принялись за вправленіе вывиха, и я долженъ былъ согласиться, чтобъ всѣ оставались присутствовать при этомъ. Я быстро вправилъ вывихъ при общемъ одобреніи всѣхъ присутствующихъ и къ радости барона, переставшаго чувствовать боли, и снова свободно двигавшаго своей рукой. Въ собраніи произносились, по обычаю страны, длинныя польскія рѣчи съ пожеланіями счастья при вправленіи руки; и пили круговую чашу. Всѣ безъ конца выражали мнѣ благодарность, похвалу и одобреніе поцѣлуями въ плечо, руку, лобъ и щеки, а также пожатіемъ руки, и я долженъ былъ остаться ночевать. Больной просилъ навѣщать его ежедневно. Мнѣ приходилось ѣздить каждый вечеръ, и всякій разъ я заставалъ здѣсь многочисленное общество; были здѣсь и нѣкоторые мои друзья изъ города. Новые паціенты изъ этого круга настолько сблизили меня съ нимъ, что вскорѣ отношенія наши стали интимными. Темой для разговоровъ служилъ большей частью походъ прошлаго года и теперешній въ Германію. Я еще ближе изучилъ здѣсь извѣстныя мнѣ уже политическія возрѣнія поляковъ, обнаружившія самую большую приверженность Наполеону и сильную надежду на его возвращеніе. Послѣдняя была такъ велика, что они воображали, что слышатъ снова въ отдаленіи выстрѣлы изъ пушекъ. Въ этомъ домѣ я видѣлъ много вещей, оставшихся отъ французской арміи. Въ кабинетѣ баронъ имѣлъ рѣдкое оружіе. Я впервые увидѣлъ желѣзныя мельницы, привезенныя Наполеономъ изъ Франціи для арміи, которыми пользовались здѣсь съ успѣхомъ. Въ этомъ домѣ мнѣ снова возвратили потерянный мною орденъ. Баронъ фонъ

Корсакъ давно замѣтилъ въ петлѣ моего фризоваго сюртука кусочекъ черно-желтой ленты и часто разспрашивалъ, за какія заслуги получилъ я этотъ орденъ, какова была величина, форма и всѣ внѣшніе признаки его? Когда на послѣдній вопросъ относительно надписи на немъ я отвѣтилъ, что она гласила «Bene merentibus», онъ повелъ меня въ свой кабинетъ, раскрылъ комодъ, въ которомъ находилась огромная коллекція орденскихъ звѣздъ и крестовъ почти всѣхъ націй, привезенныхъ Наполеономъ въ Россію и сказалъ: «Найдите себѣ среди нихъ одинъ, который бы замѣнилъ вашъ потерянный; я буду радъ вамъ его уступить». Изъ пяти находившихся здѣсь вюртембергскихъ орденовъ «за военныя заслуги» я взялъ себѣ одинъ, вмѣстѣ съ находившейся при немъ желто-черной лентой. Все это собраніе орденовъ и прочіе упомянутые коллекціи Корсакъ досталъ при помощи крестьянъ. Онъ жилъ близко отъ моста переправы; большинство жителей окрестности были его крѣпостные и потому принуждены были приносить ему все найденное ими; кромѣ того, онъ многое откупилъ у казаковъ и у другихъ русскихъ солдатъ, продававшихъ за деньги свою добычу. Однажды вечеромъ, это было въ субботу, пришелъ я домой усталый отъ работы; переодѣваясь я услышалъ, что хозяйка моей квартиры, еврейка, что-то читаетъ въ сосѣдней комнатѣ. Не обращая вниманія ни на нее, ни на то, что она читала, я вдругъ былъ пораженъ все болѣе и болѣе явственно и чаще слыша нѣмецкія слова. Я сталъ внимательнѣе прислушиваться и скоро догадался, что она читаетъ Библію, а именно книги Моисея. Благодаря что-ли моему вниманію, чтеніе становилось яснѣе, произношеніе чище, и я понялъ слово въ слово на-

писанное на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ мнѣ былъ извѣстенъ предметъ ея чтенія. Прочитавъ историческія книги, она принялась читать пѣсни Соломона и закончила нѣкоторыми псламами Давида. Отдѣленный отъ еврейской семьи тонкой досчатой перегородкой, я имѣлъ сейчасъ возможность убѣдиться, какъ хорошо и чисто сохранился нѣмецкій языкъ въ произведеніяхъ еврейскаго народа. Когда моя хозяйка окончила чтеніе, я зашелъ къ ней и попросилъ ее показать мнѣ Библію, которую она читала. Послѣдняя лежала еще на столѣ, и я увидѣлъ знакомыя мнѣ древнѣ-еврейскія буквы. Когда пришелъ домой ея мужъ, я и его заставилъ прочесть мнѣ изъ древне-еврейской Библіи и на другой день требовалъ того же самаго отъ почтосодержателя и другихъ евреевъ. Изъ писемъ и различныхъ книгъ я узналъ, что ихъ языкъ чисто нѣмецкій, но они пользуются при этомъ древе-еврейскимъ шрифтомъ, на которомъ они могутъ выражаться такъ же чисто и хорошо, какъ исковерканно, плохо и непонятно они выражаются на немъ въ обыденной жизни. Этотъ фактъ часто впослѣдствіи служилъ темой для разговоровъ и вопросовъ во время моего пребыванія въ Польшѣ. Откуда происходятъ эти евреи? Какъ сохранился нѣмецкій языкъ, смѣшавшись указаннымъ образомъ съ древне-еврейскимъ? Обмѣнивались подобными вопросами, но все, что говорили, были лишь мнѣнія и гипотезы, не содержавшія въ себѣ исторической правды. Заканчивая книгу, хочу сообщить еще нѣсколько разсказовъ, переданныхъ мной русскимъ и полякамъ, по просьбѣ ихъ, въ длинные вечерніе часы того времени. Къ самымъ достопримѣчательнымъ событіямъ изъ моей военной жизни относится также и сраженіе при Екмюлѣ 22 апрѣля

1809 года. Немногими днями раньше мы форсированнымъ маршемъ достигли Дуная и городка Вобурга въ Баваріи. Во время страшнаго дождя Наполеонъ укрылся въ маленькомъ домѣ, на возвышеніи передъ мостомъ у этого городка; а я въ это время со своимъ пслкомъ находился на кирпичномъ заводѣ. Мы видѣли отсюда черезъ окна, какъ императоръ и нѣсколько офицеровъ говорили съ тремя просто одѣтыми крестьянами. Поздно вечеромъ перешли мы Дунай въ темнотѣ и подъ дождемъ; на другой день мы соединились съ нашими сосѣдями и давнишними товарищами по оружію, баварцами, и съ большимъ успѣхомъ сражались вмѣстѣ съ ними въ битвѣ при Абенсбергѣ. 21 апрѣля мы вышли на дорогу, ведущую изъ Ландегута въ Регенсбургъ; первый городъ виднѣлся вдали направо. На большой равнинѣ, по которой промчался нашъ полкъ, къ которому я принадлежалъ, захватилъ много австрійскихъ телѣгъ съ провіантомъ, а затѣмъ мы послѣ полудня размѣстились въ одной деревнѣ, на разстояніи приблизительно трехъ часовъ отъ Ландегута. Въ полночь съ 21 на 22 апрѣля мы должны были спѣшно выступить, чтобъ съ пѣшими егерями сдѣлать нападеніе на одну деревню. Послѣдней, расположенной у большой дороги, мы достигли на разсвѣтѣ и нашли всѣ дома наполненными спящими венгерскими гусарами. Стрѣляли въ окна и привели ихъ въ страшное смятеніе; были раненые и мертвые, но большей частью плѣнные. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ той деревнѣ снова затрубили тревогу, и мы форсированнымъ маршемъ двинулись по дорогѣ въ Регенсбургъ. Насъ догналъ генералъ Вандамъ со штабомъ; за нами слѣдовали многія войска, среди которыхъ отъ 10 до 12 пол-

ковъ французскихъ кирасиръ въ желѣзныхъ блестящихъ доспѣхахъ производили ужасный воинственный шумъ. Прибытіе Наполеона, какъ и все окружающее, говорило о близости сраженія. Мы прибыли въ расположенную на возвышенности деревню, которая называется, кажется, Эхгаузенъ; когда нашъ полковникъ графъ фонъ Волбургъ получилъ приказъ предпринять съ полкомъ, насколько возможно скоро, рекогносцировку передъ фронтомъ непріятеля, чтобъ сосчитать ихъ батареи, намъ стало ясно и понятно, что дано будетъ сраженіе. Мы скоро покинули эту деревню и стольже скоро увидѣли передъ собою на обширномъ протяженіи боевыя линіи австрійцевъ. Передовые отряды начали перестрѣлку, сечайсъ-же появились раненые, а затѣмъ стало такъ много, что первый домъ названной деревни былъ весь наполненъ ими. Полкъ герцога Луи вюртембергскаго началъ сраженіе, и мнѣ пришлось позаботиться о первыхъ раненыхъ. По разрастающейся ружейной стрѣльбѣ и грому пушекъ очевидно было, что битва сдѣлалась общей. Многія войска прибывали изъ Ландсгута къ арміи, спрашивая только мимоходомъ: «Гдѣ императоръ? Гдѣ Наполеонъ?». Сдѣлавъ всѣ необходимыя перевязки у раненыхъ, я поѣхалъ отыскивать полкъ и нашелъ его внѣ выстрѣловъ, онъ занималъ самый лучшій пунктъ, откуда можно было обозрѣвать битву; и здѣсь-то я видѣлъ самые искуссные маневры войскъ, какіе я когда либо видѣлъ. Вправо отъ насъ находилась деревня Экмюль, взятію которой Наполеонъ придавалъ большое значеніе. Деревня лежала довольно высоко, окруженная стѣною, и была хорошо защищена австрійцами. Два приступа французовъ были отбиты. Тогда Наполеонъ приказалъ вюртембергской легкой бригадѣ

снова пойти на приступъ. Четыре батальона, ходившіе рано утромъ съ нами въ аттаку, воодушевленные еще счастливымъ утреннимъ успѣхомъ, быстро двинулись со страшными криками къ деревнѣ; ихъ встрѣтили градомъ ружейныхъ пуль, и вся деревня Экмюль была покрыта огромными облаками дыма. Вступили въ рукопашный бой, мало-по-малу наступила тишина, и когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что наши земляки завладѣли деревней и церковью. Тогда на нашей сторонѣ раздались радостные крики, какихъ я никогда не слыхалъ ни раньше, ни позже, и отъ которыхъ будто просвѣтлѣло мрачное чело Наполеона. Еще серьезнѣе и страшнѣе были маневры кирасиръ, влѣво, впереди насъ. На равнинѣ они, подъ грохотъ орудій, окруженные пороховымъ дымомъ, сдѣлали диверсію на линіи австрійской пѣхоты, пробились сквозь нихъ и взяли въ плѣнъ нѣсколько ротъ. Правда, мы видѣли, какъ отъ дѣйствія непріятельскихъ орудій летали въ воздухѣ желѣзные шлемы и падало много людей и лошадей; но все же минутами казалось, что эти 10 — 12 кирасирскихъ полковъ, маневрируютъ на учебномъ плацу, а не пробиваются сквозь непріятельскія линіи и рѣшаютъ сраженіе; такъ спокойно и въ такомъ образцовомъ порядкѣ они выполнили этотъ маневръ. Наступилъ вечеръ, солнце закатилось; отовсюду раздавалась теперь военная музыка. Побѣда! Радость среди побѣдителей была неописуемо велика, но у чувствительныхъ она омрачалась лежавшими тамъ сямъ ранеными, по которымъ приходилось ѣздить, преслѣдуя убѣгающаго непріятеля. Самая страшная сцена воинственнаго опустошенія и человѣческаго горя, изъ видѣнныхъ мной до войны съ Россіей, разыгралась въ этой войнѣ 1809 года у маленькаго мѣстечка Эберсберга

при Траунѣ, на разстояніи двухъ часовъ ниже Линца, въ Австріи.

3 мая мы находились въ Вельсѣ, слышали сильную канонаду, видѣли на востокѣ облака дыма, а при наступленіи вечера — свѣтъ пламени. Настала дождливая погода; мы получили приказъ выступить, и 4 мая мы все болѣе приближались къ столбу дыма, вчера уже видѣнному нами. Мы подошли близко къ мѣсту Эберсбергу, откуда до насъ доносилась почти невыносимая вонь и дымъ сгорѣвшихъ животныхъ. Мы сами увидѣли въ немъ, насколько простиралось наше зрѣніе, только разрушеніе и опустошеніе: всѣ дома представляли выгорѣвшія черныя пещеры безъ крышъ, иные даже были совсѣмъ обращены въ мусоръ. Равнымъ образомъ, заняты были раскапываніемъ труповъ и изувѣченныхъ, частью еще живыхъ людей, — особенно въ замкѣ города. На улицахъ валялись еще трупы, преимущественно французовъ, множество ружей и особенно много гренадерскихъ шапокъ, потому что здѣсь, главнымъ образомъ, дѣйствовали гренадеры изъ Удино, которыхъ австрійцы во множествѣ не только убили, стрѣляя съ крышъ и черезъ окна, но которые и задохнулись при появленіи огня, охватившаго сразу со всѣхъ сторонъ это мѣсто. Такимъ образомъ, здѣсь погибло огромное число побѣдителей, и еще болѣе плачевную смерть нашли защитники - австрійцы, погибшіе въ огнѣ. Мы прошли мимо этихъ страшныхъ сценъ въ городкѣ, но на длинномъ мосту на рѣкѣ Траунѣ передъ нами снова предстали новыя возбуждающія картины. Мостъ сильно пострадалъ отъ схватокъ, происходившихъ на немъ; между поперечными балками перилъ торчали еще трупы, и подъ мостомъ, гдѣ теченіе было медленнѣе, также

плавали трупы, были они и на песчаныхъ равнинахъ. Словомъ всюду были трупы, трупы и трупы. Послѣ всѣхъ этихъ скорбныхъ зрѣлищъ мы съ наступленіемъ ночи прибыли въ Линцъ. Нашъ генералъ приказалъ сдѣлать привалъ, вызвать трубачей и пѣвчихъ четырехъ кавалерійскихъ полковъ, и мы вступили въ этотъ красивый и любимый нами городъ съ музыкой и пѣснями. Въ Линцѣ мы были приняты обывателями, какъ друзья, достойные этого красиваго города. Самое интересное изъ пораненій, — которое мнѣ пришлось видѣть, также относится къ этому походу. Оно рѣдкое до невѣроятности, но не единственное въ своемъ родѣ. Послѣ того какъ мои земляки, подъ начальствомъ генерала Вандама, 17 мая того же года, разбили австрійскаго генерала графа Беллегарда на лѣвомъ берегу Дуная, въ виду Линца и Урфарна, мы продолжали маршировать въ Вѣну, черезъ Эберсбергъ и Эмсъ. Вскорѣ прибыли для кантонировки въ мѣстность монастырей Мелкъ, Ст. Пелкенъ и въ ихъ окрестности, гдѣ 31 мая напали на насъ австрійцы, перешедшіе Дунай у Штейна и Кремса. Наши пѣшіе егеря и легкая инфантерія вскорѣ оттѣснила ихъ до самаго Дуная къ ихъ судамъ, и наша легкая артиллерія сильно обстрѣливала ихъ на обратномъ пути. Но и они не преминули открыть огонь, частью съ судовъ, частью съ лѣваго берега Дуная, и причинили намъ нѣкоторый вредъ. При этой стычкѣ я видѣлъ, какъ пушечное ядро оторвало капитану артиллеріи его покрытую сѣдыми волосами голову, что нельзя было найти и маленькой части ея. Среди многихъ вопросовъ, задаваемыхъ мнѣ русскими и поляками въ Борисовѣ, относительно послѣдней войны былъ и такой: «какая нація союзниковъ

и какіе люди лучше переносили тяготы этой войны, въ особенности голодъ и холодъ? Господинъ Ларрей рѣшаетъ это въ пользу французовъ, родившихся въ южной Франціи; я же убѣдился, что люди различныхъ націй, перенесшіе много тягостей, научившіеся во многомъ себѣ отказывать и умѣвшіе сами себѣ помочь въ удовлетвореніи своихъ потребностей, дольше всѣхъ выдерживали. Напротивъ того, молодые, неопытные люди, слабые, нѣжно воспитанные, такъ называемые «маменькины сынки», изнѣженные, неловкіе, лѣнивые и, наконецъ, такіе, которые привыкли получать все изъ рукъ ихъ служащихъ и заставлять ихъ для себя все дѣлать, многіе изъ этихъ отстали уже во время похода въ Россію и гибли отъ лѣтней жары. На вопросъ, какое изъ союзныхъ войскъ легче всѣхъ мирилось съ недостаткомъ пищи и питья и довольствовалось грубой пищей, я долженъ былъ прямолинейно сознаться, что моя нація — нѣмцы въ этомъ отношеніи были слабѣе всѣхъ. Уже во времена моей юности и видѣлъ въ лагеряхъ при Рейнѣ, что въ то время какъ венгерцы, богемцы, кроаты и т. п. довольствовались хлѣбомъ, мясомъ и водкой, нѣмцы варили себѣ кофе и требовали вина и жаркого. Если французы въ Германіи и ѣли только бѣлый хлѣбъ, то они все-таки вскорѣ пріучились въ Россіи и къ черному, и къ кашѣ безъ соли и жира, въ то время какъ нѣмецъ долженъ былъ имѣть соль и жиръ и, не будучи въ состояніи обойтись безъ нихъ, употребляли въ качествѣ суррогата порохъ и свиное сало. Французы, даже гвардія Наполеона, быстро рѣшились ѣсть лошадиное мясо, нѣмцы, напротивъ того, дожидались, когда наступитъ самая большая нужда, и ѣли его лишь послѣ долгой возни съ нимъ. Поляки въ этомъ

отношеніи превзошли всѣ другія націи, ибо они первые при недостаткѣ въ лагерѣ при Тарутинѣ варили и ѣли убитыхъ или палыхъ лошадей, также и при отступленіи, они и французы съ большимъ пыломъ, чѣмъ другіе, бросались на павшихъ лошадей и торговали даже ихъ языками и сердцами. Въ отношеніи же храбрости, нѣмцы не уступаютъ ни одной націи.

Зимой 1813 года у насъ стало извѣстно о мирѣ съ Германіей. Находившіеся въ плѣну австрійцы потянулись уже обратно черезъ Борисовъ на родину, и я попросилъ отпустить меня, но получилъ въ отвѣтъ, что объ этомъ должно испросить разрѣшеніе у высшихъ властей. Моя полезная дѣятельность на врачебномъ поприщѣ не была безоблачна. Меня иногда огорчали или лично оскорбляли люди, посланные, въ виду тогдашняго недостатка во врачахъ, въ армію или въ военные госпитали еще до окончанія курса ученія; они по своей неопытности смотрѣли на меня какъ на плѣннаго, и считали, что имѣютъ право относиться къ намъ съ презрѣніемъ. Чтобъ уберечь себя впредь отъ такихъ огорченій, я лѣтомъ попросилъ высшее начальство разрѣшить мнѣ сдать экзаменъ и для этого отослать меня въ одинъ изъ близкихъ губернскихъ городовъ, какъ напримѣръ, Вильну. Съ этого времени до конца января 1814 года прошло полгода, и мы уже полагали, что начальство забыло нашу просьбу, какъ вдругъ изъ Петербурга, пришелъ приказъ, перевести меня туда, въ качествѣ ординатора, въ госпиталь сухопутныхъ войскъ, съ разрѣшеніемъ сдать тамъ же экзаменъ при медико-хирургической академіи. Теперь обнаружилось, какъ меня цѣнили въ Борисовѣ; прежде всего посыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія,

затѣмъ послѣдовали подарки изъ всѣхъ сортовъ монетъ Россіи и Польши; мои дорожныя сани нагрузили всякаго рода вещами, пищей и напитками. Охваченный разнородными ощущеніями, сѣлъ я въ сопровожденіи одного инженера-офицера Денгелштедтъ въ дорожныя сани, разставаясь со множествомъ любящихъ меня людей, со слезами желавшихъ мнѣ самой лучшей участи. Погода была благопріятна, дорога хороша, на почтовыхъ станціяхъ насъ не задерживали, и черезъ семь сутокъ мы оказались въ С.-Петербургѣ, встрѣчая по пути возвращавшихся на свою родину плѣнныхъ. Тутъ я тотчасъ вступилъ на службу при госпиталѣ сухопутныхъ войскъ; и долженъ былъ также явиться въ медицинскій департаментъ военнаго министерства. Нашъ разговоръ съ тогдашнимъ директоромъ его, почтеннымъ докторомъ Рускони, принялъ очень серьезную форму: я требовалъ моего освобожденія, такъ какъ миръ былъ заключенъ, но онъ настаивалъ на томъ, что я долженъ подвергнуться экзамену, какъ я этого требовалъ, и потому былъ вызванъ сюда. Нашъ разговоръ кончился дружескимъ пожатіемъ рукъ и словами: «Оставайтесь у насъ, я это вамъ совѣтую, вы никогда не будете въ этомъ раскаиваться!» и т. д. Мнѣ оставалось уступить, ибо я былъ въ его власти, и онъ могъ меня задержать или отпустить. Что ты долженъ дѣлать, то дѣлай сейчасъ! было мое рѣшеніе. Отсюда я тотчасъ же пошелъ въ медико-хирургическую академію. Здѣсь засталъ благороднаго человѣка и друга иностранцевъ, ученаго секретаря доктора Орлай, благодаря ходатайству котораго я уже черезъ нѣсколько дней сидѣлъ въ кругу профессоровъ, подвергавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ испытанію мои знанія и умѣніе. Я хорошо выдержалъ

по всѣмъ предметамъ, несмотря на то, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ ни одна медицинская книга не находилась у меня въ рукахъ. Этотъ экзаменъ закончился похвалами и незабвенными для меня словами ученаго секретаря, сказавшаго мнѣ по порученію академическаго совѣта: «За три года, ни одинъ иностранецъ не выдержалъ такъ хорошо экзамена, какъ вы». Въ конечномъ результатѣ я защитилъ диссертацію и получилъ дипломъ русскаго доктора медицины. Это почетное отличіе, прекрасное отношеніе, оказанное мнѣ русскими и поляками, все-таки не привели меня еще къ рѣшенію оставаться въ Россіи. Изъ моего отечества прибыло сюда посольство. Тотчасъ я отправилъ съ ними письмо къ Его Величеству королю вюртембергскому. Я просилъ о вызовѣ меня туда и объ опредѣленіи на службу, въ случаѣ же несогласія разрѣшить мнѣ оставаться въ Россіи. Въ это самое время здѣсь былъ герцогъ Александръ вюртембергскій, тогдашній главный губернаторъ Бѣлоруссіи. Я просилъ его ходатайствовать о моемъ увольненіи отъ службы. «Вамъ худо жилось, но теперь, когда вамъ хорошо живется, я посовѣтовалъ бы вамъ оставаться», сказалъ онъ мнѣ. Подобные совѣты получалъ я и съ родины отъ моихъ доброжелателей и друзей, которыхъ я просилъ походатайствовать тамъ о должности. Наконецъ-то послѣдовалъ отвѣтъ посольству отъ Его Величества короля вюртембергскаго съ милостивымъ разрѣшеніемъ мнѣ оставаться въ Россіи. Я окончательно рѣшился остаться здѣсь. Моимъ родственникамъ на родинѣ я уже изъ Борисова писалъ о моей судьбѣ, но письмо не дошло по адресу. Мои односельчане передавали имъ, что они видѣли мой трупъ у дороги, близъ Вильны. Въ мою смерть въ моемъ отечествѣ такъ

вѣрили, что я не только былъ вычеркнутъ изъ всѣхъ служебныхъ списковъ, но мои родственники даже помѣстили въ газетахъ объявленіе о моей смерти. Тѣмъ болѣе они были обрадованы вмѣстѣ съ друзьями моими, когда получили вѣсти о моемъ полномъ благополучіи.

Лѣтомъ 1815 года русскія газеты получили отъ вюртембергскаго правительства бумагу о томъ, что всѣ оставшіеся со времени похода 1812 года подданные, подъ страхомъ потери ихъ имущества или правъ, должны возвратиться въ отечество. Такая газета съ просьбой о моемъ увольненіи отъ службы при госпиталѣ сухопутныхъ войскъ дошла до нихъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года, закончилось мое поприще военнаго врача. Тутъ я снова исполнилъ долгъ подданнаго и объявилъ королю мою готовность вернуться на родину, прося опредѣлить меня на военную или гражданскую службу или же разрѣшить мнѣ снова оставаться въ Россіи. Въ ноябрѣ я получилъ отъ посольства копію королевскаго рескрипта съ разрѣшеніемъ дальнѣйшаго моего пребыванія въ Россіи. Съ 1815 года я изъ военной службы перешелъ въ гражданскую; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ званіи я работалъ на поприщѣ медицины, и желаю изъ любви къ нему имѣть возможность еще долго служить. За этотъ промежутокъ времени я былъ на службѣ у одного герцога, курфюрста, трехъ царей и двухъ царицъ, но служилъ только двумъ государствамъ, видѣлъ большинство регентовъ и самыхъ великихъ мужей нашихъ дней, участвовалъ въ самыхъ важныхъ войнахъ до Наполеона и съ нимъ, объѣздилъ большую часть Европы и въ теченіе этого времени жилъ то въ благосостояніи и избыткѣ, то въ нуждѣ, и сдѣлалъ на одрѣ

болѣзней и въ опасностяхъ войнъ наблюденіе, что умереть не тяжело, когда совѣсть чиста.

Я узналъ людей почти всѣхъ сословій, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Я узналъ жизнь монаховъ въ монастыряхъ, больныхъ въ госпиталяхъ, бѣдноты въ хижиныхъ, прилежаніе въ мастерскихъ, виноградникахъ и хлѣбопашествѣ, я ознакомился съ бытомъ богачей, художниковъ, ученыхъ и учениковъ и велъ знакомство съ великими міра сего, но мнѣ больше всего по душѣ было мое собственное званіе.

Люди сходны между собой въ этомъ отношеніи, что имѣютъ дурныя и хорошія стороны. Я почитаю тѣхъ, у которыхъ преобладаетъ все хорошее: твердость убѣжденій, смѣлость въ предпріятіяхъ, серьезность въ дѣйствіяхъ, терпѣніе въ бѣдѣ и опасности, добросовѣстность въ дѣлахъ, участіе при видѣ чужихъ страданій, терпимость къ людямъ и ихъ воззрѣніямъ, умѣренность въ наслажденіяхъ. Противоположныхъ же этому людей я никогда не признавалъ: ни воина съ большими усами и бакенбардами, разсказывающаго любопытнымъ слушателямъ о своихъ военныхъ подвигахъ и рисующаго себя героемъ, позвякивая шпорами и брянча палашемъ (такихъ я нерѣдко видѣлъ какъ среди офицеровъ, такъ и солдатъ, чаще всего на войнѣ бывшихъ за фронтомъ въ обозѣ); ни служителя церкви, вызывающаго слезы своими кроткими словами и смиреннымъ видомъ привлекающаго сердца и души, который по возвращеніи домой, снявъ церковную одежду дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ; ни врача, присвоившаго себѣ столь серьезное и важное выраженіе лица, что люди должны прочесть въ немъ безсмертность его паціентовъ, и умѣющаго лишь писать рецепты; ни юриста,

знающаго и творящаго судъ лишь за деньги; ни чиновника, полагающаго, что служба и польза ея созданы для него, ему чужды противоположное пониманіе дѣла и болѣе высокая точка зрѣнія на свое призваніе; — и вообще никого, кто, при помощи маски старается казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Однако, такихъ людей можно найти во всѣхъ странахъ, населенныхъ христіанами. Наша жизнь была бы хороша и прекрасна, наша земля была бы раемъ, если бы Провидѣніе не допускало высокомѣрія среди ея обитателей; оно является причиной всего, что дѣлаетъ ее часто столь горькой, печальной и тяжелой, а именно: недоброжелательство, ненависть, лицемѣріе, ревность, навязчивость, стараніе перекричать другого и внушить ему уваженіе, поглядываніе сверху внизъ на равнаго себѣ и все прочее дурное до кровожадности — включительно. Но все это зло необходимо на землѣ; безъ него не могло бы никогда выявиться прекрасное, доброе и благородное. Но самыя цѣнныя блага въ жизни— друзья, и не въ обыкновенномъ, принятомъ въ общежитіи значеніи этого слова, а благородные, постоянные, добродѣтельные. Счастье человѣка, умѣренность, довольство, веселье живетъ въ немъ самомъ; кто ищетъ его внѣ себя, гдѣ-то извнѣ, тотъ заблуждается. Кто въ этомъ сомнѣвается и хочетъ знать, гдѣ живутъ счастливцы и кто они, пусть прочтетъ послѣднія страницы заслуженнаго У. Х. Рейля, которыми онъ закончилъ свое призваніе писателя, положивъ перо и вскорѣ послѣ этого навѣки закрывъ глаза свои.
